

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Волин Б., проф.— В. И. Ленин в Поволжье (Кокушкино и Алакаевка)	3
Костомаров Г. — В. И. Ленин и московская организация РСДРП(б) (1894—1917 гг.)	21
Фотиева Л.— О последнем периоде работы В. И. Ленина	33
Дружинин Н., проф.— Государственная деревня накануне реформы 1837—1838 годов	51
Волгин В., акад.— Вольтер-историк	64
Штейн Б., проф.— Из истории политической деятельности Лиги наций	71
Миллер А., проф.— «Рушукские друзья»	85

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Пильщиков А.— Фотоплаты Центрального музея и дома-музея В. И. Ленина	95
Г. К.— Московский институт истории партии (филиал ИМЭЛ при ЦК ВКП(б)	98
Бахрушин С., чл.-корр. АН СССР, Звавич И., проф., Сидоров А., проф., Толстов С., проф.— «О перспективном плане в области исторической науки» (отклики на доклад акад. В. И. Волгина в Президиуме Академии наук СССР)	99
Библиографические заметки	104

ХРОНИКА

Вайнштейн О., проф.— Юбилейная научная сессия Ленинградского университета	107
Радциг Н., проф.— О работе истфака Калининского государственного пед. института	110

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Тарле Е., акад.— О Крымской войне. Дружинин Н., проф.— Спорные вопросы Крымской войны	112
---	-----

ПОПРАВКА

В № 3 «Исторического журнала» за 1945 г., на стр. 69, 2-й столб., 4-я строка снизу, следует читать: «...история которых до недавнего времени...»

Редакционная коллегия:

Ем. Ярославский,
Б. М. Волин,
И. А. Кудрявцев,
И. И. Минц,
А. М. Панкратова,
С. И. Голчер.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 239.

Д 3-31-04.

А5614.

Изд. № 274

Зак. № 599.

Тираж — 20 000.

Подписано к печати 23/IV 1945 г.

8 печ. л.

68 000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

В. И. ЛЕНИН В ПОВОЛЖЬЕ *

(Кокушкино и Алакаевка)

Проф. Б. Волин

I

Ленин в Кокушкине

(декабрь 1887 — октябрь 1888 года)

1887 год явился значительной вехой, переломным годом в жизни молодого Ленина. Ему едва минуло 17 лет, как 8 мая 1887 г. на эшафоте в Шлиссельбургской крепости погиб за участие в подготовке покушения на жизнь царя Александра II его любимый старший брат Александр.

Прежний беззаботный юный гимназист Володя Ульянов сразу превратился во взрослого человека, глубоко задумавшегося над важнейшими вопросами тяжёлой российской действительности. Гибель брата оказала большое влияние на решение Владимира Ильича пойти по революционному пути. Он тогда же отверг террористический путь борьбы с самодержавием, не достигавший цели: узнав о казни брата, Ленин решительно сказал: «Нет, мы пойдём не таким путём. Не таким путём надо идти»¹.

В том же, 1887 г., 10 июня, Владимир Ильич сдал блестяще (с золотой медалью) выпускные экзамены на аттестат зрелости. По окончании Симбирской гимназии Ленин 13 августа 1887 г. поступил на юридический факультет Казанского университета, в котором когда-то учился его отец. По приезде в Казань он тотчас завязал связи с революционной студенческой молодёжью, среди которой выделялся своими революционными настроениями, начитанностью, убеждённостью.

4 декабря 1887 г. в Казанском университете, вслед за Московским университетом, произошли волнения, имевшие ярко выраженный политический характер. За активное участие в этом студенческом движении семнадцатилетний Владимир Ильич был в ночь на 5 декабря 1887 г. арестован.

* Материалы к биографии В. И. Ленина. См. работы автора, посвящённые периоду «Ленин в Поволжье»: «В. И. Ленин в революционном движении студентов в Казани (1887 год)», «Исторический журнал» № 4—5 за 1940 год, «В. И. Ленин в Самаре (Экстернат и адвокатура)», «Исторический журнал» № 1 за 1943 год, «Из истории появления работы В. И. Ленина, «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Исторический журнал» № 5—6 за 1944 год.

При чтении этой статьи следует иметь в виду, что: 1) кокушкинская ссылка предшествует второму казанскому периоду жизни В. И. Ленина (1888—1889), когда он стал настойчиво изучать «Капитал» и другие произведения Маркса и Энгельса и активно участвовал в одном из фелосеевских марксистских кружков, и 2) пребывание Владимира Ильича в летние месяцы 1889—1893 гг. в Алакаевке органически связано с его жизнью и деятельностью в Самаре, где он вырос в уже вполне сложившемся, превосходно образованного, преданного рабочему классу революционера-марксиста, по приезде своём в Петербург (осень 1893 г.) положившего начало «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» — этому зародышу революционной марксистской партии — рабочей партии нового типа.

¹ И. К. Крупская рассказывает о Ленине в этот период: «Много он после того дум передумал. По-новому зазвучал для него Чернышевский, стал искать он ответа у Маркса; «Капитал» был у брата, но прежде трудно было Ильичу в нём разобраться, а после гибели брата по-иному взялся он за изучение его» («Большевик» № 12 за 1938 г., стр. 71).

стован и заключён вместе с другими арестованными и исключёнными из университета студентами в каземат Казанской кремлёвской крепости.

В камере этой тюрьмы арестованные студенты стали спрашивать друг друга, что они будут делать, когда они очутятся на свободе. Когда очередь дошла до Ленина и его спросили: «Ну, а ты, Ульянов, что думаешь делать потом?» — он ответил, что перед ним дорога одна — дорога революционной борьбы.

7 декабря 1887 г. Ленин был выслан из Казани на «родину», в хутор близ деревни Кокушкино, Черемшевской волости, Лаишевского уезда, что в 40 верстах от Казани.

Почему Владимир Ильич был выслан в Кокушкино, а не на «родину», в Симбирск?

Объясняется это тем, что в связи со смертью отца Владимира Ильича — Ильи Николаевича — в 1886 г. и поступлением Владимира Ильича в Казанский университет ничто семью Ульяновых уже не связывало с Симбирском. Ульяновы продали свой дом в Симбирске и всей семьёй осенью переехали в Казань.

Единственной «родиной» после Симбирска и было Кокушкино. Туда 7 декабря и был выслан В. И. Ленин.

Что собой представляло Кокушкино? Кокушкино — это небольшое имение-хуторок близ села Ансалах, купленное дедом Владимира Ильича по матери — Александром Дмитриевичем Бланк.

Отец Марьи Александровны — Александр Дмитриевич Бланк (1802—1873), — окончив в 1824 г. Петербургскую медико-хирургическую академию, работал врачом в разных местах: в Смоленской губернии, на Пермском и Златоустовском заводах и, наконец, в Лаишевском уезде, Казанской губернии, где ещё до освобождения крестьян купил этот заброшенный, без земли, хуторок и стал там постоянно жить и заниматься врачебной практикой. После смерти отца хутор достался его пяти дочерям, в том числе матери Владимира Ильича — Марии Александровне, которые вместе и владели этим имением.

Для Ульяновых, живших в Симбирске, Кокушкино являлось дачей. Туда и ездила ежегодно вся семья Ульяновых во главе с Ильёй Николаевичем. В детстве и в гимназические годы летние месяцы Владимир Ильич проводил в Кокушкине.

Чтобы попасть из Симбирска в Кокушкино, надо было ехать пароходом до Казани (тогда ещё железной дороги не было), а оттуда уже на лошадях до Кокушкина. В Казани жила сестра Марии Александровны — Анна Александровна, по мужу Веретенникова. У Веретенниковых, в Казани, и останавливались Ульяновы на пути в Кокушкино, а оттуда обе семьи вместе или порознь направлялись в Кокушкино.

Родные Ленина в своих воспоминаниях дают довольно подробное описание Кокушкинского хутора, расположенного на крутом берегу живописной реки Ушни. Хутор состоял из так называемого большого, или старого, дома и в нескольких сажнях от него — через дорогу — флигеля в шесть окон с балконом, выходящим на дорогу. Над флигелем возвышался мезонинчик.

В этом флигеле и жил в 1887—1888 г. вместе со своей старшей сестрой, петербургской курсисткой Анной Ильиничной¹, высланный из Казани «б. студент Ульянов».

В Кокушкине всё было ветхо. Зимой в большом доме нельзя было жить, поэтому Ульяновы в ту суровую и многоснежную зиму жили во флигеле.

¹ Анна Ильинична получила, в связи с делом своего брата — Александра Ильича, — пять лет ссылки в Сибирь, но по хлопотам матери ей ссылка в Сибирь была заменена высылкой из Петербурга под гласный надзор полиции также на «родину», в Кокушкино.

Свою зимнюю ссылку Владимир Ильич и Анна Ильинична провели в полном одиночестве: ни друзей, ни знакомых вокруг не было. Весною сюда переехала из Казани мать с младшими детьми.

Кратки, но живы воспоминания об их жизни в эту зиму старой кокушкинской колхозницы Евдокии Александровны Жаковой:

«Жил брат с сестрой вдвоём в занесённом снегом домике... Как из Казани ехать, по левую сторону дороги, ближе к реке, стоял большой дом, а по правую — флигель. В тот год снегом занесло так, что подъедешь к Кокушкину, и Кокушкина не видно, а проехать вовсе нельзя...

В то время, когда Ульяновы жили здесь, в ссылке, Марья Александровна, мать Ильича, находилась в Казани; хозяйничала в Кокушкине Анна Ильинична. Жили Владимир Ильич и Анна Ильинична зимой в этакой глуши...»¹.

Юноша Ленин в ту пору много охотился, ходил на лыжах.

Владимир Ильич, как всегда, много читал: книг и журналов было в изобилии в библиотечном шкафу, хранившемся во флигеле.

Толстые ежемесячные журналы 60—70—80-х годов были преимущественно общественно-политического и научно-литературного содержания. Их накопилось немало за многолетнее пребывание в Кокушкине передовых семей Бланков и Ульяновых. В старом флигеле, без сомнения, молодой Ленин нашёл среди других журналов и «Современник» Чернышевского и Добролюбова, и «Русское слово» Благосветлова и Писарева, и «Знание», и «Слово», в которых печатался проф. Н. И. Зибер — один из первых пропагандистов в России экономического учения Маркса («Экономическая теория Маркса», 1871; «Б. Чичерин contra К. Маркс», 1879; «Д. Рикардо и К. Маркс в их общественно-экономических исследованиях», 1881), и «Отечественные записки» Краевского и Некрасова, а затем Салтыкова-Щедрина, и «Русское богатство», и «Русскую мысль». При всех неистовствах царской цензуры, в этих журналах велось серьёзное обсуждение основных социально-экономических проблем, волновавших русскую общественную мысль, давались разнообразные обзоры внутренней жизни России, помещались обширные статьи по внешнеполитическим вопросам, печатались произведения Салтыкова-Щедрина, Некрасова, Успенского, Короленко и др. Журналы были старые, но в них были лучшие образцы русской публицистики и беллетристики. Критически настроенный к народническим методам борьбы, ненавидящий самодержавные порядки, особенно взволнованный гибелью брата, возбуждённый недавними казанскими событиями и общим положением в стране, Ленин находил достаточно пищи для дум и размышлений. Пытливый ум и боевой темперамент молодого Владимира Ильича влекли его к борьбе с царизмом, к марксистскому анализу общественных явлений российской действительности.

Тогда же Ленин начал усиленно заниматься дисциплинами юридического факультета. Это особенно помогло ему коротать скучную ссылку в занесённом снегом флигеле.

О том, как глубоко переживал Владимир Ильич в кокушкинской ссылке казанские события ноября — декабря 1887 г., рассказывает Анна Ильинична. «Мне бросилось в глаза, — пишет она в своих воспоминаниях об Ильиче, — что Володя, обычно почти не писавший писем, строчит что-то большое и вообще находится в возбуждённом состоянии. Я спросила его, кому он писал. Оказалось — товарищу по гимназии, поступившему в другой — помнится, в один из южных — университет. Описал в нём, конечно, с большим задором студенческие беспорядки в Казани и спрашивал о том, что было в их университете». Владимир Ильич «в повышенном настроении прохаживался по комнате и с видимым удовольствием передавал мне

¹ «Рабочая Москва» от 23 октября 1935 года.

те резкие эпитеты, которыми он награждал инспектора и других властей предержавших».

Для молодого Ленина казанские декабрьские события были не случайным эпизодом, как для многих исключённых из университета, а важнейшей политической вехой на его дальнейшем революционном пути.

Владимир Ильич и Анна Ильинична впервые в своей жизни проводили зиму в деревне. Эта одинокая зима сильно утомила обоих поднадзорных молодых Ульяновых. Но вот настала в Кокушкине крутая, ранняя весна, первая для Ленина деревенская весна. Его встречи и беседы с крестьянским населением стали более частыми, оживлёнными.

«Помню,— рассказывает Анна Ильинична,— долгие прогулки и беседы с братом по окрестным полям под аккомпанемент неумолчно заливавшихся невидимых жаворонков в небе, чуть пробивавшуюся зелень и белеший по оврагам снег... Летом приехали двоюродные братья — у Володи явились товарищи для прогулок, охоты, игры в шахматы, но всё это были люди без общественной жилки и интересными собеседниками для Володи быть не могли. Они, хотя и более старшие, сильно пасовали перед метким словцом и лукавой усмешкой Володи».

Владимир Ильич за активное участие в событиях 4 декабря 1887 г. в Казанском университете был подвергнут в Кокушкине «негласному надзору полиции».

Но на этом царское самодержавие не остановилось. Самое высокое начальство занялось молодым Лениным. Директор департамента полиции Пётр Дурново (будущий министр внутренних дел, в октябре 1905 г.) направил 16 января 1888 г. начальнику Казанского губернского жандармского управления большое «отношение», в котором предупреждал, что «департамент придаёт особое значение» отношениям ряда казанских студентов, в особенности с Владимиром Ульяновым, чей брат был казнён «по делу 1-го марта 1887 года». Заканчивалось это «отношение» строжайшим начальническим приказом: «Распорядитесь учредить строгое негласное наблюдение за высланным в д. Кокушкино Лаишевского уезда Владимиром Ульяновым» (Д. П., III, 1886, д. № 151. ИМЭЛ, папка каз. док.),

И «пошла писать губерния»...

К лаишевскому уездному исправнику, в ведении которого состояло Кокушкино, пошли предписания начальника Казанского губернского жандармского управления¹ и казанского губернатора. Казанское губернное жандармское управление обратилось 25 января 1888 г. к казанскому губернатору со следующим «секретным», «весьма нужным» «отношением»:

«В виду сведений, изложенных в полученном мною предписании Департамента полиции от 16-го сего января за № $\frac{171}{531}$ и указывающих, что состоявший студентом Юридического факультета Императорского Казанского университета Владимир Ильич У л ь я н о в — брат казнённого по делу 1-го марта 1887 года государственного преступника Ульянова — исключённый из университета за участие в студенческих беспорядках, происшедших 4-го декабря прошлого года и 6—7 числа того же декабря месяца высланный, по распоряжению Вашего Превосходительства, в деревню Кокушкино Лаишевского уезда, и, может быть, продолжает принимать деятельное участие в организации революционных кружков среди казанской учащейся молодёжи, вследствие чего Департамент Полиции признаёт необходимым учреждение надлежащего негласного наблюдения за вышеупомянутым Владимиром Ульяновым,— я, не располагая средства-

¹ Фамилия начальника Казанского губернского жандармского управления — Гангардт, фамилия начальника Самарского губернского жандармского управления — Эшенбах — характерные остзейские фамилии жандармских полковников, преследовавших Ленина.

ми для достижения этого без огласки; особенно при нахождении Ульянова в деревне, имею честь покорнейше просить распоряжения Вашего Превосходительства о немедленном же со стороны чинов местной Уездной Полиции учреждении строжайшего секретного наблюдения за вышеозначенным Ульяновым, причём необходимо иметь в виду не только его самого, но и лиц его посещающих, а равно необходимо всегда иметь точные и подробные сведения — с кем он ведёт и будет вести переписку, при этом покорнейше прошу, чтобы о всём замеченном Лаишевский уездный исправник немедленно сообщал мне непосредственно».

Получив сие жандармское велеречивое «отношение», казанский губернатор Н. Г. Андреевский 27 января 1888 г. обратился с соответствующим предписанием к лаишевскому исправнику об установлении «строжайшего секретного наблюдения за упомянутым Ульяновым», о котором жандармы писали как о «личности сомнительной политической благонадёжности».

9 мая 1888 г. «бывший студент Казанского университета Владимир Ильич Ульянов», желая получить возможность продолжать своё образование, направил ходатайство министру просвещения об обратном приёме его в университет. Но к этому времени восемнадцатилетний Владимир Ильич фигурировал уже во всех жандармских и полицейских инстанциях как серьёзный «государственный преступник».

В тайниках жандармских канцелярий и кабинетов неустанно разрабатывались данные о Владимире Ильиче. Жандармский полковник Гангардт 4 февраля 1888 г. составил длинный список студентов, 20 человек, которые «состояли в знакомстве» с «бывшим студентом Казанского университета Владимиром Ульяновым» (ИМЭЛ, каб. В. И. Ленина). А в донесении начальника Казанского губернского жандармского управления в департамент полиции от 8 февраля 1888 г. на Ленина была составлена следующая анкета¹:

Имя, отчество, фамилия, сословие и лета от роду	Семейное положение	Имущественное обеспечение	Место постоянного жительства	Обстоятельства прошедшей жизни поднадзорного и настоящее его занятие	Год, число и № распоряжения Деп. полиции, по которому учреждён надзор
Владимир Ильич Ульянов, дворянин, 18 лет	Отец умер, мать Мария Александровна Ульянова — 50 лет. Дочери: Анна, девица 22 л., Ольга 16 л., Мария 9 л. Сыновья: Владимир 18 л., Димитрий 13 л.	Пенсия отца в 1200 руб. (в год)	Деревня Кокушкино, Черемшевской вол., Лаишевского уезда	До сих пор учился дома и в гимназии в г. Симбирске. Пробыл 3 мес. в Казанском университете, откуда исключён за участие в студенческих беспорядках 4 декабря 1887 г. В настоящее время занимается продолжением своего образования	Негласный надзор учреждён на основании п. 3 Министра Внутренних дел от 9 апр. 1882 г.

Частыми гостями в Кокушкине бывали становой пристав, урядник и сотский, проверявшие неизменно, на месте ли поднадзорные Анна Ильинична или Владимир Ильич Ульяновы.

Ещё несколько лет назад об этом вспоминали живые свидетели того времени, старые кокушкинские колхозники и колхозницы:

«Как удалили Ульяновых из города Казани, крепко взяли их под наблюдение полиции и наезжало начальство на смотр, и — что Ульяновы — здесь или нет. Опасались их, очень опасались — как огня.

Бывало сотник или урядник спрашивает:

— Владимир Ильич и Анна Ильинична Ульяновы вас не навещают, не посещают? С вами разговоров не разговаривают? Вам чего-нибудь не предлагают?

Но разве крестьянин, уважающий Ульяновых, ему, сотнику, чтонибудь скажет?

¹ «Красный Архив» № 1 за 1934 год.

Отвечаем ему:

— Ничего не знаем, где они и тут ли они.

Покрутит урядник свои усы и уйдёт ни с чем из Кокушкина»¹.

Однажды приехал в Кокушкино становой пристав, стал объяснять, что отлучаться из Кокушкина нельзя. Тогда, насмехаясь над ним, Анна Ильинична настойчиво стала спрашивать:

— Так в рощу за гумном пройти нельзя?

— Нет-с, почему же-с, но не далее пятнадцати вёрст, — ответил становой пристав.

— Ну, а если мы зайдём или заедем дальше, за шестнадцать вёрст, что тогда? — не без умысла спросила Анна Ильинична.

— Арест-с, — с глупой улыбкой отвечал становой.

Бумаги жандармские летели не только из Казани в Петербург и из Петербурга в Казань: директор департамента полиции П. Дурново счёл необходимым 3 апреля 1888 г. предупредить Донское и Лифляндское жандармские управления о том, что к казанскому кружку конца 1887 г., кружку «крайне вредного направления», среди других принадлежал и «брат казнённого Александра Ульянова — студент Казанского университета Владимир Ульянов» (Д. П., III, 1886 г.; д. № 151, л. 118, ИМЭЛ, п. каз. д.).

Естественно поэтому, что начальством полицейским и начальством университетским Владимиру Ильичу в поступлении в университет было вновь решительно отказано.

Когда Ленин направил министру прошение о возвращении его в Казанский университет, Министерство просвещения запросило у попечителя Казанского учебного округа характеристику на Владимира Ильича. В ответ на этот запрос попечитель округа П. Масленников, так расправившийся с Владимиром Ильичем в связи с волнениями студентов 4 декабря 1887 г., ответил следующим документом:

«В Департамент народного просвещения. Возвращая при сем препровождённое ко мне при надписи Департамента от 18 мая за № 7353 прошение бывшего студента юридического факультета Казанского университета Владимира Ульянова, имею честь сообщить, что Ульянов, как донёс мне бывший инспектор студентов, родился 10 апреля 1870 г. По окончании курса с золотой медалью в Симбирской гимназии поступил в Университет в августе месяце 1887 года. В кратковременное пребывание своё в Университете обратил на себя внимание своею скрытностью, невнимательностью и даже невежливостью. Ещё дня за два до сходки подал повод подозревать его в подготовке чего-то нехорошего: проводил время в курительной комнате, беседуя с наиболее подозрительными студентами, уходил домой и снова возвращался, приносил что-то по просьбе других и вообще вёл себя очень странно. 4-го же декабря бросился в актовъй зал в первой партии, и вместе с Полянским первыми неслись с криками по коридору 2-го этажа, махая руками, как бы желая этим воодушевить других; уходя же со сходки, отдал свой входной билет.

Ввиду исключительных обстоятельств, в которых находится семья Ульяновых², такое отношение Ульянова к сходке дало повод инспекции считать его вполне способным к различного рода противозаконным и преступным демонстрациям.

На основании вышеизложенного ДСС Потапов со своей стороны считает возвращение Ульянова в Казанский университет невозможным.

Вполне присоединяясь к мнению ДСС Потапова о крайней нежелательности обратного приёма Владимира Ульянова в Казанский университет, считаю нелишним присовокупить, что проситель — родной брат Улья-

¹ См «Рабочая Москва» от 23 октября 1935 года.

² П. Масленников, очевидно, здесь намекает на то, что из этой семьи вышел Александр Ильич Ульянов, о чём он пишет дальше.

нова, подвергнутого смертной казни за участие в политическом преступлении, и что при выдающихся способностях и весьма хороших сведениях он ни в нравственном, ни в политическом отношении лицом благонадёжным признан пока быть не может.

Попечитель округа П. Масленников»¹.

На этом доносе петербургским начальством было приписано:

«Уж опять не брат ли того Ульянова? Ведь, тоже из Симбирской гимназии? Да, это видно из конца бумаги.

Отнюдь не следует принимать».

В связи с этим была наложена следующая резолюция директора департамента:

«По докладу г-ну министру 22 июня. Его Высокопревосходительство изволил приказать отклонить ходатайство просителя.

• Директор П. Аничков».

Но семья Ульяновых не сдавалась. Из Кокушкина же 31 августа обратилась тогда в министерство с новым мотивированным ходатайством мать Владимира Ильича, но в этой просьбе «его сиятельство» министр просвещения Д. И. Делянов отказал. А департамент полиции Министерства внутренних дел указал, что «принятие сына её Владимира Ильича Ульянова обратно в Казанский университет представляется (по мнению департамента) преждевременным»².

Тогда Владимир Ильич 6 сентября 1888 г. снова обратился к «Его сиятельству господину Министру», но с просьбой разрешить ему выезд за границу. Но и в этом Ленину отказало царское правительство. Департамент полиции 23 сентября 1888 г. в «отношении» к казанскому губернатору Андреевскому ответил:

«Директор Департамента полиции. Бывший студент Казанского университета Владимир Ульянов обратился к господину министру внутренних дел с ходатайством о разрешении ему выезда за границу для поступления в один из иностранных университетов.

Не находя с своей стороны возможным удовлетворить ходатайство Ульянова, имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство заграничного паспорта ему не выдавать и приказать объявить ему, что департамент полиции находит выезд его за границу преждевременным.

Вместе с сим покорнейше прошу Ваше превосходительство, в случае выезда означенного Ульянова из Казани, уведомить департамент, куда именно он выехал, и сообщить непосредственно от себя подлежащему губернатору о невыдаче ему паспорта.

Примите, м. г., уверение и т. д. (Дурново)»³.

Осенью Ленину разрешено было возвратиться в Казань, куда он и переехал вместе со своей семьёй.

1888 год явился последним годом пребывания Владимира Ильича Ленина в Кокушкине. Больше он этот хутор никогда не навещал.

В 1923 г., через 35 лет после отъезда Владимира Ильича из Кокушкина, кокушкинские крестьяне («общество деревни Ленина — Кокушкино») обратились к нему с большим письмом, в котором они, напомнив ему, их «бывшему односельчанину», прошлые «совместные игры в бабки, городки и ночёвки в лесу с лошадьми» и рассказав, как они «дали по шапке» в октябре 1917 г. окружным помещикам и кулаку кокушкинскому Николаю Фадееву, писали: «Просим тебя поберегать своё здоровье, так как ты у нас единственный на всю Россию»⁴.

¹ «Об Ильиче», сб. документов и материалов, стр. 148, Л. «Прибой», 1924.

² Дело департамента народного просвещения. 1888 г. Архив ИМЭЛ. № 26076.

³ Архив ИМЭЛ. № 25933. Дело канцелярии казанского губернатора.

⁴ Архив Татарского обкома за 1923 г. № 386.

В 1897 г. Кокушкино как хутор, принадлежавший Ульяновым, было ликвидировано. Об этом упоминает Владимир Ильич в письме к своим родным от 15 (27) июня 1897 г. из шушенской ссылки.

«Для меня было новостью,— писал Владимир Ильич,— что Кокушкино назначено уже в продажу, и что Митя уехал в Казань по этому делу»¹.

Зима и лето, проведенные юношей Лениным в кокушкинской ссылке, закалили его, сделали его теоретически и политически более зрелым, подготовили его к серьезной работе над Марксом, к участию в федосеевских марксистских кружках Казани 1888 г., где он оформился как последовательный революционный марксист.

II

Ленин в Алакаевке

(летние месяцы 1889—1893 годов)

Как Кокушкино теснейшим образом связано с симбирским и казанским периодами жизни Владимира Ильича, так Алакаевка связана с самарским периодом его жизни и деятельности. В течение пяти лет (1889—1893) жизни в Самаре Ленин систематически все летние месяцы проводил вместе с родными в Алакаевке.

Что собою представляла Алакаевка?

В 50 верстах к востоку от Самары, в Самарском же уезде, в Богдановской волости, по обе стороны глубокого живописного оврага раскинулась деревня Алакаевка — самая захудалая деревушка волости. Чтобы добраться из Самары в Алакаевку, часть пути надо было совершить железной дорогой до станции Смышляевка, Самаро-Златоустовской ж. д., другую часть, вёрст тридцать,— на лошади. Вся дорога к Алакаевке шла степью и полями, и только под самой деревней были леса. Вокруг деревни, крестьяне которой имели только приусадебные клочки земли, без надельной земли, были расположены два хутора: Алакаевский² с 83,5 десятины земли (61,3 — удобной для сельского хозяйства и 22,2 — под оврагами, водой и дорогами) и так называемый Шарнелевский хутор со 100 десятинами.

Обширными землями в трёх волостях Самарского уезда — Богдановской, Тростянской и Хилковской — владел в середине 80-х годов сибирский прогрессивно настроенный золотопромышленник К. М. Сибиряков. Он был издателем журнала «Слово» (1878—1880). Имение, которое он спервоначалу купил в Самарской губернии, было приютом для многих революционеров³. За этим либеральным золотопромышленником III отделение «Собственной его императорского величества канцелярии» установило особое наблюдение. По распоряжению Самарского губернского жандармского управления был установлен надзор за усадьбами Сибирякова и

¹ В. И. Ленин. Письма к родным, 1894—1919, стр. 53. Партиздат, 1934.

Дмитрий Ильич Ульянов («Митя») поехал в Казань по делу о продаже хутора после смерти тётки, распоряжавшейся своей долей и долей Марии Александровны.

² Хутор получил название Алакаевского от деревни Алакаевки, к которой он примыкает.

³ Во второй половине 70-х годов в одной из деревень Сибирякова — Скалкове — жил Глеб Успенский со своей женой Александрой Ивановной — сестрой Веры Ивановны Засулич (Дело Деп-та Полиции, 3-го д-ва, 1889 г. № 1367). Оба они здесь учительствовали (1887—1889) в построенной Сибиряковым начальной школе. Здесь же Г. Успенский написал свой известный рассказ «Три деревни», описав окружающие деревни (д. Гвардейцы и др.) и выведя их подлинных жителей. В 80-х годах здесь жил рабочий Семён Кузьмич Волков, активный член рабочих кружков Петербурга 1872—1877 гг., которого под буквою «В» описал Г. В. Плеханов в своей работе «Русский рабочий в революционном движении».

их населением. В 1887 г. Сибиряков начал ликвидировать свои земельные владения и по низким ценам продавать их группам студентов, исключённых из высших учебных заведений и селившихся земледельческими коммунами на земле.

В Ленинском сборнике V есть письмо В. И. Ленина к А. А. Преображенскому¹, датированное апрелем 1905 года. Это письмо на разные актуальные политические и практические темы заканчивается так: «Ваш Ленин, бывший сосед по хутору. Жив-ли тот радикал-крестьянин, которого Вы водили ко мне?.. Чем он стал теперь?»².

Вот этот адресат Владимира Ильича, А. А. Преображенский, в 1887 г. был организатором студенческой коммуны («Кавказцы»), которой принадлежал хутор Шарнеля, и таким образом действительно являлся соседом Ильича по хутору.

А. А. Преображенский оставил подробное описание Алакаевского хутора³.

Кроме пахотной земли и выгона на хуторе был старый, запущенный сад, в котором росли довольно плохие яблони и мелкий крыжовник и который никакого дохода не давал. Сад не был даже огорожен — он прямо спускался к глубокому оврагу, в конце которого находился сильно заросший, особенно по берегам, пруд с мельницей, доходность которой была определена в 20 рублей в год. Когда Ульяновы 17 декабря 1897 г. усадьбу продали (за 7500 рублей, то есть за ту цену, за которую хутор был приобретён), то вскоре сад был выкорчеван и земля запахана.

Когда Владимир Ильич во второй раз жил в Казани, вернувшись после ссылки в Кокушкино, то есть с осени 1888 г. по май 1889 г., мать Ильича, справедливо опасаясь новых арестов⁴, решила вывезти его из Казани — места его первого революционного выступления и ареста. Но куда? Тогда было решено приобрести на вырученные от продажи симбирского дома деньги где-нибудь недалеко для постоянного жительства хутор. Через М. Т. Елизарова (окончил Петербургский университет в 1888 г., служил в Самарском мировом суде, из крестьян д. Бестужевки, Самарского уезда), вскоре мужа Анны Ильиничны, и был куплен у Сибирякова Алакаевский хутор, то есть хутор при деревне Алакаевке⁵.

«Покупая это имение, — рассказывает младшая сестра Владимира Ильича, Мария Ильинична, — мать надеялась, что Владимир Ильич заинтересуется сельским хозяйством. Но склонности у Владимира Ильича к последнему не было».

Что видел Владимир Ильич вокруг, в Богдановской волости? В ней было 15 селений: село Богдановка с 340 дворами, село Кривая Лука, с 337 дворами, село Будаевка с 224 дворами и другие; самое маленькое селцо и было Алакаевка — с 34 дворами.

24 помещикам (дворянам) принадлежала площадь земли в 23 283 десятины. 1877 крестьянским дворам принадлежало столько же — 23 265 де-

¹ Умер в 1937 г., управлял в последние годы совхозом «Горки», где жил и умер Владимир Ильич.

² Ленинский сборник V, стр. 167. «Радикал-крестьянин» — это житель д. Гвардейцы Кисликов. Он приходил в Алакаевку к Владимиру Ильичу и читал ему свои стихи.

³ Находится в Архиве ИМЭЛ.

⁴ В. И. Ленин в статье «Несколько слов о Н. Е. Федосееве» вспоминал: «Весной 1889 г. я уехал в Самарскую губернию, где услышал в конце лета 1889 г. об аресте Федосеева и других членов казанских кружков, — между прочим, и того, где я принимал участие. Думаю, что легко мог бы также быть арестован, если бы остался тем летом в Казани» (Соч. Т. XXVII, стр. 376).

⁵ Купчая крепость от 8 декабря 1888 г., крепостная книга № 86. Акт продажи записан в крепостную книгу самарского нотариального архива по Самарскому у. за 1897 г., стр. 20—24, № 8 (Архив ИМЭЛ). В 1918 г., во время занятия Самары чехословаками, был уничтожен весь межевой архив. Вместе с архивом погиб и план хутора Алакаевки. По инициативе ИМЭЛ, самарский Губземомдел снял план хутора с натуры по указанию местных старожилов. План хранится в ИМЭЛ.

сятин. Покосы арендовались, 5 деревень вовсе не имели леса. Помещики выкачивали все соки из освобождённых от земли крестьян.

Во всей Богдановской волости было только 6% грамотных мужчин (на 4941 мужчину — только 300 грамотных). Женщин было 0,7% грамотных (на 5294 женщины — только 39 грамотных).

Вся администрация волости состояла из мирового судьи да урядника. А в начале 90-х годов и мирового судьи не стало: на его место появились два земских начальника.

В 1882 г. во всей волости не было ни одной школы, ни одного учителя. А в год появления Ульяновых в Богдановской волости влачили жалкое существование две начальные земские школы.

Алакаевка была подлинно самая обездоленная деревенька во всей округе.

В 1889 г. в Алакаевке числилось всего 197 человек, а работоспособных — только 100, дворов было 34; 5 домохозяев, то есть 13%, было безземельных. Алакаевцы владели всего 65 десятинами. И ни сенокоса, ни выгона, ни леса. Урожаи были крайне низкие: рожь давала сам-4,5, а овёс — сам-4.

25% всех дворов, или 9 дворов, были безлошадные. Школы не было. Но кабак был. Грамотных не было ни одного — ни среди мужчин, ни среди женщин¹.

В первый год (то есть 1889) по приезде в Алакаевку Ульяновы сами сеяли подсолнечник и пшеницу, но потом прекратили. Первый год у Ульяновых были лошадь и корова, которые паслись в деревенском стаде².

Внимательно следя за всем тем, что делается на сибиряковских хуторах, «всевидящее око» бдительного самарского начальства не могло не обратить внимания на новых пришельцев — политически неблагонадёжную семью Ульяновых.

Ульяновы ещё находились в Казани, а самарский уездный исправник 29 января 1889 г. уже доносил в рапорте своему губернатору, что «студент Марк Тимофеев Елизаров, по доверенности брата и сестры Ульяновых, родственников казнённого государственного преступника Ульянова купил у землевладельца Константина Михайлова Сибирякова участок земли, при деревне Алакаевке и мельницу за 7500 р... из владельцев купленного участка на жительство в д. Алакаевку никто ещё не прибыл» (Архив ИМЭЛ, каб. В. И. Ленина).

Об этом же самарский губернатор Свербеев доносил секретно в департамент полиции: «родственники казнённого государственного преступника Ульянова» купили землю у Сибирякова за 7500 рублей.

Как только на самарском горизонте, в Алакаевке, из Казани появился девятнадцатилетний Владимир Ильич, самарский уездный исправник завёл на него «дело». (Когда к осени 1889 г. Ульяновы выехали из Алакаевки на постоянное жительство в Самару, «дело» это было уездным исправником передано в Самарское губернское жандармское управление³.)

¹ Архив ИМЭЛ. Очерк о положении крестьян в Богдановской волости, Самарского уезда.

² Соседом Ульяновых был помещик Данненберг, либеральный земский деятель. Этот либеральный земец не раз вызывал со стороны Владимира Ильича резкие суждения за причиняемые крестьянам притеснения, о которых ещё и сейчас свежа память в Алакаевке. Именем Данненберга было сожжено крестьянами в 1917 году.

³ Семья Ульяновых попала в густую атмосферу бдительной слежки со стороны уездной полиции. Осуществление надзора было поручено приставу 2-го стана, проживавшему в с. Богдановке, полицейскому уряднику и алакаевскому сотскому. Они в течение летних месяцев всех пяти лет сообщали самарскому уездному исправнику, а последний доносил губернатору или полицмейстеру. Старожилы-колхозники деревни Алакаевки вспоминают и поныне, как сотский однажды не донёс полицейскому уряднику об отъезде Владимира Ильича из Алакаевки, за что был посажен в холодную.

В этом «деле» имеется отношение казанского полицмейстера от 8 мая 1889 г.¹ самарскому полицмейстеру о том, что состоящий под негласным надзором б. студент Казанского университета Владимир Ильич Ульянов 3 мая из Казани выехал в хутор при деревне Алакаевке (отметка на полях: «записано в книгу поднадзорных»).

12 мая 1889 г. самарский уездный исправник в рапорте самарскому губернатору сообщал, что Владимир Ильич Ульянов вместе с семьёй 4 мая прибыл на хутор Алакаевку. (Из Казани, как это явствует из рапорта казанского полицмейстера от 8 мая, Ульяновы выехали 3 мая 1889 года².)

Документ от 5 июня 1889 г. гласит, что самарский губернатор предлагает самарскому уездному исправнику объявить состоящему под надзором полиции б. студенту Казанского университета В. И. Ульянову, что его ходатайство о выдаче ему заграничного паспорта департамент полиции отклонил³.

Этот ответ департамента полиции был сообщён Ленину, находившемуся в Алакаевке. На этом документе имеется расписка Владимира Ильича от 14 июня 1889 г., что он это отношение читал.

23 июня 1889 г. начальник Самарского губернского жандармского управления, собрав все необходимые сведения, сообщил секретно в департамент полиции, что 4 мая прибыла в Алакаевку семья Ульяновых, в том числе Анна Ильинична, состоящая под гласным надзором полиции, её муж — б. студент Марк Тимофеевич Елизаров, «человек сомнительной политической благонадёжности», — и Владимир Ильич Ульянов, «состоящий под негласным надзором полиции».

11 октября 1889 г. семья Ульяновых переехала из Алакаевки в Самару и там прочно обосновалась. С тех пор Ленин вплоть до 1893 г. систематически в летние месяцы совершал переезды из Самары в Алакаевку и обратно.

Из многочисленных документов, образующих объёмистое дело⁴, и можно составить себе приблизительную картину перемещений Владимира Ильича, относящихся к пребыванию его в Алакаевке.

Дело это называется:

«Дело Самарского Городского
Полицейского Управления
о состоящем под надзором полиции
бывшем студенте
Владимире Ульянове
Началось 5 сентября 1889 года
Кончилось 1893 года»

¹ Архив ИМЭЛ. № 25933. Дело казанского губернатора № 10, 1888 год.

² Архив ИМЭЛ. № 25994.

³ Весною 1889 г., перед отъездом из Казани в Алакаевку, Владимир Ильич сделал новую попытку вырваться из лап самодержавия за границу, при этом он свою просьбу о выезде за границу мотивировал болезнью. Он представил казанскому губернатору свидетельство за подписью врача профессора университета и казанского городского врача доктора медицины о наличии серьёзной болезни у него, требующей лечения щелочными водами, всего лучше водами Виши (Франция), и просил ввиду этого разрешения на выезд за границу.

Казанский губернатор об этом немедленно, 13 мая 1889 г., довёл до сведения министра внутренних дел, указав при этом, что «сказанный Ульянов» аттестуется личностью вредного направления в политическом отношении. В ответ на это губернаторское отношение директор департамента полиции 22 мая 1889 г. предложил ходатайство о выезде за границу отклонить, «тем более, что для пользования от означенной в медицинском свидетельстве болезни он может ехать на Кавказ».

⁴ Архив ИМЭЛ. № 26058.

Начальник Самарского губернского жандармского управления 5 сентября 1889 г. просит самарского полицмейстера учредить за Владимиром Ильичем Ульяновым «самый строгий надзор полиции» и уведомить об адресе его квартиры.

Пристав 1-й части Самары в ответ на это сообщает 28 сентября 1889 г. полицмейстеру, что за Анной Ильиничной Ульяновой (по мужу Елизаровой) установлено негласное наблюдение, а за В. И. Ульяновым установлен самый строгий надзор полиции.

Полицейская и жандармская слежка, установленная с самого появления семьи Ульяновых и Владимира Ильича в Самарской губернии, систематически велась до осени 1893 г., когда Ленин из Самары выехал окончательно в Петербург. Так например 31 октября 1889 г. самарский уездный исправник сообщал самарскому губернатору, что Владимир Ильич 11 октября переехал с Алакаевского хутора на постоянное жительство в Самару¹.

Из дела, между прочим, видно, что, кроме Ленина, ещё шесть человек в Самарском уезде находились под надзором полиции.

22 мая 1890 г. начальник Губернского жандармского управления запрашивает самарского полицмейстера о деятельности, сношениях, занятиях и политической благонадёжности В. И. Ульянова за время его жительства в Самаре.

Пристав 1-й части 26 мая 1890 г. отвечал на запрос, что за время проживания В. И. Ульянова в его 1-й части он «ни в каких противозаконных поступках замечен не был».

В связи с сообщением полицмейстера от 18 мая 1890 г., что Владимир Ильич выехал в Петербург, самарский губернатор пишет своему полицмейстеру, что петербургский градоначальник сообщает ему, что В. И. Ульянов в Петербург не прибыл. Губернатор с беспокойством спрашивает, куда ж делся Ульянов.

Тогда полицмейстер даёт своему начальству 4 августа 1890 г. успокоительную справку, что Ульянов с семьёй выехал на хутор близ деревни Алакаевки.

С каждой весной в связи с выездами Владимира Ильича из Самары в Алакаевку возобновлялись запросы жандармов о месте пребывания Ленина.

Никаких отметок о выезде Владимира Ильича ранней весной, в марте 1891 г., в Петербург для держания государственных экзаменов в полицейских документах не содержится. Зато имеется сообщение с.-петербургского градоначальника генерал-лейтенанта Гренера самарскому губернатору о том, что В. И. Ульянов выбыл 17 мая из Петербурга в Самару. При этом присовокуплено, что «в поведении и образе жизни Ульянова за время проживания его в С.-Петербурге ничего предосудительного замечено не было»².

Начальник жандармского управления настойчиво добивался от самарского полицмейстера уведомления его о месте жительства и о роде занятий поднадзорного В. И. Ульянова.

Пристав 3-й части отвечает 8 мая 1891 г., что В. И. Ульянов в течение пасхи жил в Самаре, а затем выехал в Алакаевку, откуда пока не возвращался. На самом же деле Ленин ранней весной выехал в Петербург к весенней экзаменационной сессии. Только в начале июня он вернулся в Алакаевку. Печально было возвращение Владимира Ильича с матерью: в Петербурге на его руках умерла его любимая младшая сестра Ольга Ильинична — слушательница Высших женских курсов.

Всё лето Ленин в Алакаевке продолжал напряжённую работу по под-

¹ Архив ИМЭЛ. № 26003.

² Архив ИМЭЛ. № 40027.

готовке к осенней экзаменационной сессии, и в конце августа он снова выехал в Петербург.

Осенью жандармы снова забеспокоились: где поднадзорный В. И. Ульянов?

Губернское жандармское управление пишет полицмейстеру 31 октября 1891 г. о том, что оно получило сообщение, что В. И. Ульянов в первых числах сентября приезжал из Алакаевки в Самару на два дня и выехал туда обратно, а между тем он до настоящего времени туда не возвращался.

Тогда пристав 3-й части 15 ноября 1891 г. доносит, что Владимир Ильич, наконец, 12 ноября прибыл в Самару.

Прошёл год. Настало лето 1892 года. Ленин уже получил диплом 1-й степени о сдаче государственных экзаменов при Петербургском университете. Он усиленно работает над собой и ведёт пропаганду марксизма среди самарской молодёжи. К лету 1892 г. он, как обычно, перебрался из душной и пыльной Самары в Алакаевку.

И вот пристав 3-й части 30 июля 1892 г. доносит полицмейстеру, что В. И. Ульянов выбыл в Алакаевку. Уездный исправник доносит губернатору, что Ульянов прибыл в Алакаевку 13 июля¹.

Кончилось летнее 1892 г. пребывание Владимира Ильича в Алакаевке. Когда он выехал оттуда в Самару? Об этом мы узнаём из дальнейших полицейских режаций.

30 сентября 1892 г. начальник жандармского управления предупреждает полицмейстера, что так как В. И. Ульянов прибыл из Алакаевки в Самару, то необходимо немедленно «учредить за ним негласный надзор» (уездный исправник сообщает губернатору, что В. И. Ленин выбыл 8 сентября в Самару).

Самарский губернатор вслед за жандармами предлагает 12 октября 1892 г. полицмейстеру учредить за прибывшим в Самару В. И. Ульяновым негласный надзор.

Наступает лето 1893 г., и в этот последний год пребывания Владимира Ильича в Самаре происходила та же жандармско-полицейская возня.

22 июня 1893 г. пристав 3-й части сообщает полицмейстеру, что В. И. Ульянов выбыл временно на жительство в Алакаевку.

Ленин заканчивает свои последние приготовления к оставлению навсегда Самары — к выезду в столицу, в рабочий Петербург, где предстояли жестокие идейные бои, напряжённая организаторская революционная деятельность. И Владимир Ильич на этот раз раньше обыкновенного покинул живописную Алакаевку.

Это сейчас же было отмечено царской администрацией.

17 августа 1893 г. самарский уездный исправник в последний раз доносит самарскому полицмейстеру, что В. И. Ульянов из Алакаевки выбыл в Самару. А через неделю, 24 августа 1893 г., пристав 3-й части сообщил Губернскому жандармскому управлению, что В. И. Ульянов 20 августа выбыл в Москву.

Кроме этого полицейского «дела» имеется ряд других «дел», где регистрировалось пребывание Ильича в Самарской губернии.

Попечитель Казанского учебного округа П. Масленников также осведомлял из своего казанского далёка 30 сентября 1889 г. министра народного просвещения графа Д. И. Делянова о новых алакаевских поселениях.

Масленников не оставлял без своего «просвещённого» внимания и младших Ульяновых. Он сообщал «его сиятельству», что установил надзор за ними, и попутно осведомлял его о семье в целом. «Обстоятельства сложились так, — писал Масленников, — что вопросы о самарских фермах и о семье Ульяновых оказались в тесной связи». Масленников рассказы-

¹ Архив ИМЭЛ. № 40027.

вал, что студенты, поселившиеся на земле Сибирякова, разъехались, но «на смену им стали являться новые личности и в числе их в этой же местности поселилось упомянутое выше семейство Ульяновых, которое приобрело по имеющимся негласным сведениям участок земли за 8000 р. с целью заняться сельским хозяйством». Далее он сообщал, что за Ульяновым, как он выяснил у самарского губернатора, установлен серьёзный негласный надзор¹.

Так царское «всевидящее око» не выпускало из своего поля зрения молодого Ленина, отлучавшегося на летние месяцы из Самары на дачу — на Алакаевский хутор Ульяновых².

Что делал в Алакаевке Владимир Ильич?

Владимир Ильич, как правило, приезжал сюда в мае и уезжал в сентябре.

В одном из полицейских донесений пристав 2-го стана докладывал 28 сентября 1890 г. «господину уездному исправнику» о Ленине в Алакаевке: «Образ жизни скромный, ни с кем знакомства не имел и предсудительного в действиях замечено ничего не было»³.

Полицейские ищйки на этот раз в своих рапортах по начальству обнаружили явную неосведомлённость. Пребывание Владимира Ильича в Алакаевке было далеко не мирным, его действия являлись, с точки зрения самодержавия, несомненно, предосудительными. В Алакаевке Ленин, естественно, продолжал делать то, чем так богат и насыщен был весь самарский период его жизни и деятельности.

Небольшой деревянный дом Ульяновых на Алакаевском хуторе был такой же ветхий, как и дом в Кокушкине. Это был крестьянский дом средней руки, с отдельной кухонькой и сараем. В этом доме с небольшим деревянным крыльчком, от которого вела маленькая прихожая, была комнатка Владимира Ильича. Но в этой комнатке Ленин проводил только ночь. Весь день он работал в саду.

После утреннего чая Ленин забирал тетради, книги, словари и отправлялся в сад.

Среди густой листвы лип старого запущенного алакаевского сада у Ленина был свой уголок — «Володин уголок», как называли его родные. В самом тенистом месте этого уголка были вкопаны в землю деревянный стол и скамейка. Здесь-то и проводил за напряжённой работой всё время до обеда Владимир Ильич. Это был летний рабочий кабинет молодого Ленина.

Работал Ленин систематически. «С утра, на свежую голову, — рассказывает Мария Ильинична, — он штудировал более серьёзные вещи. Не только читал, но делал заметки и выписки. Иногда он оставлял книги и прохаживался взад и вперёд по аллейке около стола, видимо, обдумывая прочитанное. Потом садился, и опять углублялся в чтение... После обеда Владимир Ильич иногда тоже сидел в своём любимом уголке, но читал уже более лёгкие книги».

«Около столика, — рассказывает Дмитрий Ильич, — Володя очень скоро протоптал дорожку в 10 — 15 шагов, по которой он шагал, обдумыв-

¹ См. «Красный архив» № 2 за 1924 год, стр. 151—153.

² Самарское начальство во внутриведомственной переписке (губернатор, жандармы, полиция) систематически характеризовало Владимира Ильича как «неблагонадёжного». В 1889 г. сообщалось в Петербург, что Владимир Ильич «продолжает вращаться среди лиц вредного в политическом отношении направления». А затем на протяжении всего периода пребывания Ленина в Самаре о нём писалось, что он «имеет общение с лицами воднадзорными», что он «сомнительной благонадёжности», что он «весьма подозрителен в политическом отношении» и пр.

³ См. «Дело Самарского городского полицейского управления о состоящем под надзором полиции бывшем студенте Владимире Ульянове. Началось 5 сентября 1889 г., кончилось 1893 года» (Архив ИМЭЛ, № 26058).

вая прочитанное... За все пять лет, которые мы провели в Алакаевке, я с трудом могу вспомнить три-четыре дня, когда В. И. нарушал свой порядок дня и изменил своему столу с книгами и утоптанной дорожке».

В этом алакаевском «рабочем кабинете» Владимир Ильич, в летние месяцы всех пяти лет, в новой обстановке продолжал свои обычные самарские напряжённые занятия.

Владимир Ильич по приезде из Казани в Алакаевку ушёл с головой в изучение «Капитала» Маркса и другие работы Маркса и Энгельса, продолжая с увлечением работу, начатую им в Казани, в федосеевском кружке. Он читал журналы и книги, имевшиеся в семье Ульяновых, а также привозившиеся из самарской библиотеки. Здесь он успешно продолжал готовиться к сдаче государственных экзаменов при Петербургском университете. В Алакаевке, как и в Самаре, он работал над своими замечательными марксистскими рефератами, обосновавшими революционный марксизм и громившими социологию народников, их отсталые экономические воззрения и реакционность их политических возделений. Итог этой напряжённой работы — его великий труд «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», который он уже в иной, петербургской обстановке окончательно подготовил к печати в 3 выпусках, изданных нелегально в течение лета 1894 года¹. Здесь же Владимир Ильич готовился к выступлениям в Самарском окружном суде в пользу своих подзащитных и покидал на один — два дня привольный хутор для выездов на суд в пыльный, душный город.

В Алакаевке Ленин много занимался историей, политической экономией, статистикой, литературой².

Об одном весьма знаменательном факте из жизни Владимира Ильича в Алакаевке рассказывает в своих воспоминаниях Дмитрий Ильич: «Летом 1889 или 1890 года я в первый раз услышал «Интернационал», который теперь знают все, который тогда в России, можно сказать, не знал никто. Было это на хуторе в Алакаевке Самарской губ. Ольга Ильинична играла на рояле и закончила свою музыку марсельезой. Я подбежал к роялю и просил её повторить. Вдруг неожиданно, — так как это было утром, когда В. И. не отрывался обычно от книг, он подошёл к нам и сказал, что надо спеть «Интернационал». Они вместе стали подбирать на рояле новую песню, а затем тихо петь по-французски: «Debout les damnés de la terre! Debout les forçats de la faim...» На мою просьбу перевести, В. И. спел: «Вставайте, каторжники мира», а затем — «Это будет последний и решительный бой, с Интернационалом воспрянет род людской». Некоторое время они путали с припевом, но потом наладились...»³.

Жизнь Владимира Ильича в Алакаевке — продолжение и неотъемлемая часть всей его деятельности в знаменательный период его пятилетнего пребывания в Самаре.

Самым лучшим отдыхом и удовольствием для Владимира Ильича являлось хождение по глухим, нелюдимым местам «с настоящей природой», как он выражался.

Среди алакаевских встреч, о которых благодаря ленинской конспирации ничего не ведала местная полиция, были встречи Владимира

¹ См. об этом периоде подробно в брошюре автора «Из истории появления работы В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» Госполитиздат. 1944.

² «Я видел, — вспоминает Дмитрий Ильич, — у Володи Рикардо на английском языке, которого он читал при помощи словаря. Затем Гизо в русском переводе — «История Франции в XIX веке», многотомный труд, который он брал, кажется, в Самарской городской библиотеке». Здесь он читал в немецком подлиннике «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельса. Ильич здесь в летние месяцы занимался с младшими сёстрами Марией и Ольгой и братом Дмитрием, помогая им в их занятиях языками.

³ Архив ИМЭЛ. Д. И. Ульянов. Владимир Ильич в музыке.

Ильича с «соседом по хутору» — А. А. Преображенским. «Летом, живя в Алакаевке, — рассказывает Преображенский, — Владимир Ильич часто в 6—7 час. вечера приходил ко мне на хутор Шарнеля. У нас велись нескончаемые споры, иногда до утра. После чего мы друг друга взаимно провожали.

Споры касались, главным образом, крестьянства. Я, повидимому, отстаивал ту мысль, что капитализм мало или вовсе не захватил крестьянство. Ко времени знакомства с Владимиром Ильичем я уже разочаровался в своей колонии и считал положение безвыходным.

Владимир Ильич доказывал мне, что только рабочий класс может стоять во главе общественного движения, а не крестьянство и что только пролетариат может повести за собой крестьянство. Я в ряде пунктов с ним не соглашался. Спорили мы с цифрами в руках, с ссылками на книги, с продолжением споров на другой день. Помню, что как только я в споре с Владимиром Ильичем допущу какой-нибудь промах, — у него сейчас же заблестит зелёный огонёк в глазах: «Ну, ну, брат, поправляйся»... Однажды Владимир Ильич принёс мне очень толстую книгу Николая — она, кажется «Экономическое развитие России»¹. Я её раньше видел, но не читал. «Чтобы прочесть её», говорю Владимиру Ильичу, «нужен целый год».

Владимир Ильич заметил, что он её прочитал в шесть недель, и прибавил: «Я тебе дам её со своими выписками, обязательно прочти».

Книга была переплетённой. Выписки Владимира Ильича (несколько страниц) были им занесены карандашом на так называемой «синей бумаге» или «номер седьмой», плохой белой бумаге. Писал тогда Владимир Ильич страшно медленным почерком. Я читал только его выписки. Как их вернул Владимиру Ильичу — не помню».

Для подтверждения того, что капитализм проникает в деревню и происходит процесс пролетаризации крестьянства, Владимир Ильич предложил Преображенскому произвести подворное обследование села Неяловки, Тростянской волости, Самарского уезда. Опросный бланк был составлен Владимиром Ильичем в Самаре в конце лета в 1893 г., и тогда же был отпечатан им за свой счёт в количестве 200—250 экземпляров. Бланк представлял собою полулист, весь заполненный графами. «Обследование, — рассказывает Преображенский, — я производил вместе с сельским писарем. Владимир Ильич в это время был уже в Петербурге, откуда он прислал мне несколько писем с просьбой поскорее закончить обследование. По окончании работы все бланки были отправлены Владимиру Ильичу в Петербург».

Преображенский в другом месте рассказывает, как он ещё до знакомства с Владимиром Ильичем слышал от своего приятеля фельдшера села Тростянки (8—10 вёрст от Алакаевки), бывшего студента Казанского университета, вместе с Ильичем исключённого в 1887 г., Д. А. Гончарова, бывавшего в Алакаевке, что среди студентов он знает одного, который будет гением в области статистики, и назвал Владимира Ильича.

Самарские рефераты Ленина, его статья о книге Постникова, поручение, данное им Преображенскому, статистические таблицы самарской группы Владимира Ильича и особенно подготовленная им в Самаре работа, легшая в основу знаменитых «Друзей народа», говорят о том, как много, глубоко и серьёзно он работал тогда вообще и в частности над статистикой крестьянского хозяйства, выводы из которой разбивали народническую, реакционную утопию и подтверждали очевидный факт развития капитализма в России вообще, в деревне в частности.

«Прохождение теории, — отмечает в своих воспоминаниях А. И. Ульянова-Елизарова, — не мешало Владимиру Ильичу наблюдать быт и жизнь

¹ А. А. Преображенский, видимо, имел в виду книгу Николая — она «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства». С.-Петербург, 1893 год. В. И. Ленин читал в Самаре реферат об этой книге.

крестьян окрестных деревень, вслушиваться в рассказы земских врачей, статистиков и других элементов, стоявших близко к крестьянству, как на хуторе, так и в Самаре». Ленин в летние месяцы выяснил многое о положении крестьянства так же из рассказов либерального мирового судьи, с которым он был хорошо знаком, из бесед соратника Владимира Ильича по самарскому кружку — Скляренко, который был секретарём этого судьи. Особенно много почерпнул он о крестьянстве из частых бесед со старшим братом Марка Тимофеевича Елизарова — Павлом Т. Елизаровым, «крепким» крестьянином, лезшим и пролезшим в купцы. От него он узнавал подробности о расслоении, шедшем среди крестьянства, о взглядах и стремлениях зажиточной верхушки деревни. Заразительно хохотал Ленин над некоторыми рассказами этого деревенского богатея. А хохотал Владимир Ильич вовсе не над тем, как ловко устраивают свои делишки самарские кулаки, подобные Павлу Елизарову, «а над народниками, над их наивной верой в крепость крестьянского уклада, в крепость общины...» Ленин тогда уже хорошо знал, что с идеями социализма и революции прежде всего надо идти к промышленным рабочим.

Летом 1892 и 1893 гг. Владимир Ильич часто выезжал в Самару для выступлений в Окружном суде. Летом же 1892 г. он ездил с М. Т. Елизаровым на родину последнего, в д. Бестужевку, Самарского уезда¹.

Третье лето пребывания Владимира Ильича в Алакаевке — это лето 1891 г., когда Россию вообще, а Поволжье в особенности, постиг страшный неурожай. Алакаевские старожилы, нынешние колхозники, рассказывают, как им в голодное лето 1891 г. помогали Ульяновы, как мать Владимира Ильича и Анна Ильинична ходили за заболевшими тифом и цынгой.

Последний год жизни Владимира Ильича в Алакаевке — лето 1893 года. Осенью того же, 1893 г. он выехал из Самары в Петербург. В это лето к Владимиру Ильичу на алакаевскую «заимку» часто наезжали члены ленинского самарского кружка — А. В. Скляренко (Попов) и И. Х. Лалаянц².

Ленин навсегда покинул Самару, а с нею и Алакаевку, но связей с Алакаевкой, с алакаевскими крестьянами он не порывал. Из упоминавшегося уже письма 1905 г. к Преображенскому видно, как Ленин интересовался тамошним «крестьянином-радикалом» Кисликовым, ведшим позднее социал-демократическую пропаганду среди крестьян.

---

¹ Во время этой поездки он привлёк богатого сызранского купца Арефьева к судебной ответственности. Чтобы попасть в Бестужевку, надо было у Сызрани переправиться на другой берег Волги. Но здесь переправу арендовал Арефьев и другим лодочникам запрещал перевозить пассажиров. Владимир Ильич решил всё же переправиться с лодочником, вопреки арефьевскому запрету. Тогда Арефьев послал на середину Волги свой пароходик, и его матрос, зацепив багром лодку, в которой сидели Владимир Ильич и Елизаров, заставил их пересечь на пароходик и вернул их на сызранский берег. Владимир Ильич был возмущён всем этим произволом и, вернувшись в Самару, возбуждал уголовное дело против самоуправства купца. Дело было передано земскому начальнику, где-то под Сызранью. Владимир Ильич туда специально дважды выезжал, но каждый раз земский начальник, по сговору с Арефьевым, ухитрялся откладывать дело, надеясь на то, что Ленину надоест настаивать на его слушании. Но Владимир Ильич был настойчив, и в третий раз дело было назначено глубокой осенью. Несмотря на настояния матери бросить это дело, Владимир Ильич в осеннюю распутицу отправился на суд и всё же добился осуждения купца, которому пришлось отсидеть месяц в сызранском арестном доме.

² И. Х. Лалаянц (1870—1934), сверстник Владимира Ильича, учился также в Казанском университете, входил в один из федосеевских кружков, за что был выслан из Казани, в Самаре летом 1893 г. член ленинского кружка, в своих воспоминаниях «У истоков большевизма» рассказывает: «Семья Ульяновых, а с ней вместе В. И. перебрались на лето в свою заимку Алакаевку. Здесь В. И. с не меньшей усидчивостью продолжал свои занятия. Мы не раз с Половым навещали его и всю его семью в этой деревне» («У истоков большевизма», стр. 15. «Молодая гвардия», 1934).

Алакаевские крестьяне после Октябрьской революции по своей инициативе и на свои средства построили в Алакаевке школу имени Ленина на том же месте, где 40 лет назад стоял хутор Ульяновых, а Алакаевку исходатайствовали назвать Ленинкой. В 1919 году алакаевские крестьяне послали по своей инициативе два вагона хлеба в адрес советского правительства.

А в голодный 1922 год алакаевцы сами направили к Владимиру Ильичу уполномоченных с просьбой о помощи.

Ленин тогда написал в ЦИК и Моссовет следующее:

«9 марта 1922 г.

Прошу оказать содействие по покупке и получению хлеба для деревни Алакаевка, Самарской г., представителю её крестьянину Сергею Фролову, а также по снабжению деревни семенами на яровой посев. Так как я был с этой деревней знаком лично, то считал бы политически полезным, чтобы крестьяне не уехали без какой либо помощи наверняка.

Прошу постараться устроить это и сообщить мне, что удалось сделать. Ленин».

Вот что уполномоченные алакаевских крестьян писали на следующий день после записки Владимира Ильича:

«1922 г. марта 10.

Мы, нижеподписавшиеся, уполномоченные Самарской губ. и уезда, Асанин и Филиппов, получили от ЦК Помгол сто пудов продовольствия для деревни Алакаевки, за какое от имени голодающих крестьян передаём Центральному рабоче-крестьянскому правительству нашу сердечную благодарность.

Мы, уполномоченные, возвратясь домой в Самарскую губ., удостоверим посланных нас крестьян, что в центре действительно проявляется сугубая забота к преодолению великого голодного бедствия, и что наш великий вождь товарищ Ленин принял близко к сердцу все нужды пострадавшего крестьянства.

В чём и подписуемся уполномоченные:

Асанин — Филиппов»¹.

Много лет прошло с тех пор. Неузнаваемо изменилось лицо нашей земли. Изменилось лицо и Алакаевки. Сейчас в Алакаевке бережно собрано и сохранено всё, что связано с пребыванием в ней Владимира Ильича. Дом, где жил Ленин, превращён в музей. Крестьяне объединены в колхоз «Уголок Ленина». Это не старая Алакаевка с её нуждой, систематическими голодовками крестьянства, темнотой и невежеством. Алакаевка, бывшая в своей волости самой последней деревушкой, славится сейчас во всём Кинельском районе высокими урожаями пшеницы, развитым животноводством. Село электрифицировано и является одним из самых передовых в Поволжье.

Алакаевка — важнейший этап в самарском периоде жизни и начальном периоде революционной деятельности Владимира Ильича. Здесь он глубоко изучал революционный марксизм. Жизнь среди крестьян в типичной русской крестьянской губернии дала ему много для понимания сущности тогдашнего общественного строя России. Там он познал положение русского крестьянства и определил роль русского рабочего класса в революции, которой была чревата Россия, здесь он научился анализировать современное ему состояние России с революционных, марксистских позиций. Здесь В. И. Ленин вырастал в того «горного орла», о котором с такой любовью и восхищением несколько позже писал молодой «пламенный колхидец» И. В. Сталин.

¹ «Правда» № 21 за 1930 год.

В. И. ЛЕНИН И МОСКОВСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РСДРП(б) (1894—1917 гг.)

Г. Костомаров

Впервые Владимир Ильич Ленин приехал в Москву в августе 1893 года. Это были годы быстрого развития капитализма. Бурно росли в стране и в Москве новые фабрики и заводы, а вместе с ними рос и закалялся в борьбе рабочий класс. В 1890 г. на 916 фабриках и заводах Москвы и Московской губернии было занято 130 тыс. рабочих, а в 1904 г. уже насчитывалось 1522 фабрики и завода, на которых работало 279 тыс. рабочих. С появлением на исторической сцене пролетариата всё чаще нарушалось спокойствие ситцевых и металлических королей Москвы: Прохорова, Гужона, Коншина, Морозова, Бромлея, Цинделя, Густава Листа и других.

Революционная борьба московского пролетариата 80—90-х гг. XIX в. против царя, помещиков и капиталистов занимает большое место в общероссийском рабочем движении. В ходе этой борьбы из рядов московского пролетариата выделились замечательные рабочие-революционеры: Пётр Алексеев, Агапов, Павлов, Фёдор Баулин, Моисеенко и многие другие. Знаменитую речь Петра Алексеева на суде Ленин считал великим пророчеством русского рабочего-революционера.

Крупное значение в развитии революционной борьбы в России сыграла морозовская стачка, которую высоко оценивал Ленин. К этому периоду относится возникновение первых революционных кружков и групп в России, распространявших произведения Маркса и ведших пропаганду идей марксизма среди рабочего класса. Однако разрозненность и неоформленность первых кружков, сильное влияние народнической идеологии на передовые слои интеллигенции и даже на рабочих крайне затрудняли идейное воспитание пролетариата. В. И. Ленин с первых шагов своей революционной деятельности большое значение придавал роли московского пролетариата в общероссийском движении.

В 1893 г. Анна Ильинична Елизарова, являвшаяся в то время активным членом московских революционных кружков, информировала Владимира Ильича о работе марксистов Москвы, которые нуждались в серьёзной помощи и поддержке.

В январе 1894 г., во время своего приезда в Москву, В. И. Ленин заложил прочные основы московской организации революционных социал-демократов. По указанию Ленина была создана первая центральная социал-демократическая организация Москвы, объединившая под своим руководством все фабрично-заводские революционные кружки.

Таким образом, январь 1894 г. является исторической датой образования московской организации нашей партии.

На совещании представителей первой общемосковской социал-демократической организации, состоявшемся в январе 1894 г. на квартире А. Н. Винокурова, Владимир Ильич развернул программу практической деятельности московских социал-демократов: немедленный переход от пропаганды марксизма среди узкого круга передовых рабочих к массовой пропаганде среди широких слоёв рабочего класса. Ленинские указания

были положены в основу работы революционных социал-демократов Москвы.

Январь 1894 г. является датой величайшего исторического значения в жизни московского пролетариата и его авангарда — московской организации революционных социал-демократов — не только потому, что в это время была основана первая общемосковская марксистская организация, но и потому, что в это время состоялось знаменитое выступление В. И. Ленина в Москве против известного народника В. В. (В. П. Боронцова). Это историческое выступление Ленина содержало развёрнутую программу борьбы революционных социал-демократов с реакционной идеологией народничества. После этого выступления московские социал-демократы почувствовали себя неизмеримо более окрепшими в борьбе за марксизм.

Лето 1894 г. Ленин провёл недалеко от Москвы, в дачном посёлке Кузьминки, готовя к опубликованию работу «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В то же время он поддерживал систематическую связь с Москвой и вёл большую организационную и идейно-воспитательную работу среди марксистов Москвы.

О встречах с Ильичем в посёлке Кузьминки рассказывает С. И. Мицкевич, являвшийся в то время одним из активных членов марксистских кружков Москвы: «Бывал и я несколько раз на даче у Елизаровых. Мы гуляли с Ильичем по окрестностям, купались в пруду, много беседовали. Он расспрашивал про нашу работу, говорил о всех вопросах, волновавших тогда русских марксистов. Дал мне прочесть свою работу «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни»... После этой статьи Ильич дал мне для прочтения три части своей большой работы «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»¹

В свою очередь В. И. Ленин неоднократно бывал в Москве. В частности в квартире Мицкевича он передал рукопись своей книги «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (вып. I и II) А. А. Ганшину для напечатания. Первая часть этой книги, в количестве 100 экз., была напечатана А. А. Ганшиным и В. К. Масленниковым на автокописте в августе 1894 г. под Москвой, в имени отца Ганшина Горки, куда неоднократно приезжал и Ленин. В сентябре печатание этой книги продолжалось в Москве, на 1-й Мещанской улице, в квартире Ганшина.

Благодаря непосредственному руководству Ленина первая московская марксистская организация в течение 1894 г. проделала большую работу по организации революционных рабочих кружков на фабриках и заводах Москвы несмотря на полицейский режим. Так например на состоявшемся 29 апреля 1894 г. собрании общемосковского центрального кружка присутствовали представители от рабочих кружков предприятий Гужона, Бромлея, Густава Листа, Добровых — Набгольца, Гопнера, Вейхельда, Грачёва, Михайлова, Филиппова, казанских и брестских железнодорожных мастерских.

Под руководством социал-демократов в 1895 г. происходили крупные стачки рабочих на фабрике Цинделя и др. 30 апреля 1895 г. московский пролетариат провёл первую маёвку около станции Вешняки, в которой приняли участие представители 35 фабрик и заводов Москвы.

Московский центральный социал-демократический кружок в апреле 1894 г. получил наименование «Московский рабочий союз». Каждый раз, когда в работе первых марксистских социал-демократических организаций Москвы возникали особые трудности, на помощь им приходил Ленин.

В 1895 г., после возвращения из-за границы, Ленин объехал ряд городов России, в том числе был и в Москве, для установления связи с местными социал-демократами. Но вследствие массовых арестов Ленину

¹ Мицкевич С. Революционная Москва, стр. 195, 196. Гослитиздат. М. 1940.

не удалось установить непосредственную связь с руководящими работниками Москвы. Однако Владимир Ильич был информирован о том, что несмотря на массовые аресты в Москве революционная работа ведётся; под руководством социал-демократов было проведено несколько стачек. В начале октября В. И. Ленин ездил в Орехово-Зуево. Там он познакомился с работой местных социал-демократов, договорился с ними о поддержке заграничного издания сборника «Работник». Во время своего пребывания в Орехово-Зуево Ленин посетил Морозовскую мануфактуру. О посещении Орехово-Зуева Владимир Ильич в письме из Петербурга писал: «Чрезвычайно оригинальны эти места, часто встречаемые в центральном промышленном районе: чисто фабричный городок, с десятками тысяч жителей, только и живущий фабрикой. Фабричная администрация — единственное начальство. «Управляет» городом фабричная контора. Раскол народа на рабочих и буржуа — самый резкий. Рабочие настроены поэтому довольно оппозиционно, но после бывшего там недавно погрома осталось так мало публики и вся на примете до того, что сношение очень трудно. Впрочем литературу сумеем доставить»¹.

В 1897 г. по пути следования к месту ссылки В. И. Ленин опять сделал кратковременную остановку в Москве. Он получил исчерпывающую информацию А. И. Ульяновой о работе социал-демократической организации в Москве.

Тюремное заключение и отбывание ссылки на время лишили Ленина непосредственной связи с Москвой, что не могло не сказаться на работе социал-демократической организации Москвы. К тому же начиная с 1895 г. почти непрерывные провалы московских революционеров сильно ослабили руководство всё возрастающим движением рабочего класса. Подвергся разгрому и центральный социал-демократический кружок.

Вскоре после I съезда партии (1898) московская социал-демократическая организация избрала первый Московский комитет Российской социал-демократической партии. В состав комитета вошли ленинцы, в том числе А. И. Ульянова-Елизарова, сестра Владимира Ильича. Следует отметить, что как в создании первой московской социал-демократической организации, так и во всей последующей борьбе большевиков Москвы семья Ленина играла выдающуюся роль. В составе руководящих органов московской организации работали сёстры Ленина — А. И. и М. И. Ульяновы, брат Ильича — Д. И. Ульянов и муж Анны Ильиничны — М. Т. Елизаров. Через них московская социал-демократическая организация всегда была тесно связана с Лениным, даже в тот период, когда Ленин находился в тюрьме, в ссылке или в далёком изгнании за пределами родины. Первый Московский комитет социал-демократической партии, в котором большую роль играла А. И. Ульянова, за сравнительно короткий период времени сумел собрать и объединить вокруг себя значительные по тому времени кадры пропагандистов и установить связь со многими фабрично-заводскими рабочими кружками. Несмотря на то что В. И. Ленин находился в далёкой сибирской ссылке, его влияние на работу московских социал-демократов чувствовалось во всём. Это влияние усиливалось благодаря систематической переписке Владимира Ильича с сёстрами и братом, являвшимися активными деятелями московской социал-демократической организации. Исключительную роль в формировании марксистского мировоззрения первых социал-демократов играли литературные труды Ленина. Московские социал-демократы имели почти все работы Ленина того времени и изучали их с большим интересом. Книги Ленина широко изучались в рабочих кружках и даже в тюрьме. В одном из писем, проникшем на волю из московской тюрьмы, автор письма писал: «От книги Ленина в восторге, прочёл не отрываясь. Жаль, что не успел другой раз про-

¹ Ленин. Соч. Т. XXVIII, стр. 7—8.

честь, так как пришлось вернуть»¹. (Речь идёт о книге Ленина «Развитие капитализма в России».)

Находясь в ссылке, Владимир Ильич на основе глубокого изучения революционной борьбы в России и на Западе продумывал и окончательно оформил свой план построения пролетарской партии нового типа.

В начале 1900 г., по возвращении из ссылки в Россию, Ленин весь отдался работе по осуществлению этого плана. Он объехал ряд городов, установил связи с местными социал-демократами, обсуждал с ними задачи, связанные с изданием «Искры». Революционные социал-демократы Пскова, Петербурга, Москвы, Уфы, Новгорода и Подольска ленинскую идею издания «Искры» признали неотложной задачей.

В первой половине февраля 1900 г. Ленин прибыл в Москву. Здесь он встретился с руководящими работниками и в первую очередь ознакомился с работой Московского комитета, в котором в это время работала А. И. Ульянова.

О прибытии Ленина в Москву Зубатов в своём донесении в департамент полиции сообщал: «В здешнюю столицу приехал известный в литературе (под псевдонимом «Ильин») представитель марксизма Владимир Ульянов, только что отбывший срок ссылки в Сибири, и поселился, тоже нелегально, в квартире сестры своей Анны Ильиной Елизаровой, проживающей... вместе с мужем своим Марком Тимофеевым и сестрой Марией Ульяновой (все трое состоят под надзором полиции)»². В этом же донесении сообщалось, что М. И. Ульянова 17 февраля проводила Владимира Ильича к негласно поднадзорному инженеру-технологу Герману Борисовичу Красину.

Большую подготовительную работу по осуществлению плана издания газеты «Искра» проделал В. И. Ленин в Москве. Владимир Ильич провёл здесь несколько совещаний с работниками Москвы и других городов. Он встретился с представителем Екатеринославского комитета РСДРП Лалаянцем, уполномоченным южнороссийскими организациями РСДРП вести переговоры с Лениным об участии его на II съезде партии, созыв которого предполагала взять на себя екатеринославская организация. В беседе с Лалаянцем Ленин указал, что съезду партии должна предшествовать большая подготовительная работа по выработке и установлению программно-тактических и организационных принципов восстановления партии и поэтому не со съезда надо начинать, а им закончить.

Пребывание в 1900 г. в Москве В. И. Ленина имело огромное значение в борьбе московской организации за ленинские принципы построения пролетарской партии. На состоявшихся совещаниях и во время отдельных встреч Ленина с руководящими работниками московской организации всесторонне обсуждались программные вопросы, связанные с работой газеты «Искра», были установлены шифры и адреса, по которым Москва должна была систематически поддерживать связь с «Искрой». Кроме того обсуждались вопросы, связанные с борьбой московских социал-демократов с экономизмом и зубатовщиной. Указания Ленина по этим вопросам имели решающее значение во всей последующей борьбе московских революционных социал-демократов за создание пролетарской партии.

О встречах Ленина с руководителями социал-демократических организаций Москвы и других городов начальник московской охраны Зубатов доносил своему начальству: «Между представителями социал-демократических групп Москвы, Орла и Екатеринослава ведутся оживлённые сношения, которые, разумеется, не могут отгаться без влияния на интенсивность их деятельности»³. В другой записке Зубатов предлагал план разгрома социал-демократических организаций и уничтожения Ленина:

¹ «Красный архив». Т. 104 за 1941 г., стр. 9.

² «Красный архив». Т. 62 за 1934 г., стр. 131.

³ Там же, стр. 132.

«Социал-демократия рухнула: безнадежно, и направлений столько, что публика голову потеряла, и ищут чего-нибудь единого. Отсюда и предположение о съезде в Полтаве. Хорошо бы накрыть их собрание и так как роль Ульянова и др. вполне выяснена, то срезать эту голову с революционного тела было бы желательнее поскорее... Смелый шаг относительно главарей даст, по-моему, блестящий результат. Ведь крупнее Ульянова сейчас в революции нет никого»¹. Именно потому, что крупнее Ульянова в революции тогда никого не было, Зубатов настаивал на убийстве Ленина.

Несмотря на серьезную опасность каждую минуту быть схваченным охранкой Ленин встречался и установил прочные связи с большим кругом лиц. «Володя, — пишет А. И. Ульянова, — пробыл у нас неделю, если не больше... Приезжал к нему туда Лешинский, приезжал Шестернин с женой Софией Павловной... и я помню, как горячо обрушился Володя на позицию защищаемой ими заграничной группы «Рабочее дело». Приезжал и ещё кто-то. Со всеми Владимир Ильич договаривался насчёт шифра, убеждал в необходимости правильного корреспондирования в намечавшуюся общерусскую газету»². Установленные Лениным связи москвичей с газетой «Искра» оказались настолько прочными, что московская охранка была бессильна нарушить их.

16 июля 1900 г. Ленин выехал за границу, а в декабре того же года вышел первый номер ленинской газеты «Искра». Выход в свет первого номера газеты «Искра» явился большим событием в жизни партии, в том числе и в её московской организации. Московский комитет под руководством ленинской «Искры» и её агентов в сравнительно короткий срок сумел разрешить ряд сложных вопросов партийного строительства. Большое внимание Московский комитет уделял организационному оформлению районных и фабрично-заводских организаций, развёртывал массовую политическую агитацию среди широких слоёв рабочих и студенчества, усилил борьбу против экономистов и особенно настойчиво разоблачал зубатовщину. В феврале 1901 г. в Москве прокатилась волна забастовок, в которых приняли участие не только рабочие, но и студенты. Забастовки доходили до баррикадной борьбы. От хвастливого заявления Зубатова, уверявшего своё начальство в том, что «с социал-демократами в Москве покончено», не осталось и следа. Перепуганная царская охранка перешла к усилению массового террора и провокации. 1 марта 1901 г. Зубатову с помощью провокатора Серебряковой удалось арестовать членов Московского комитета и значительную часть актива. В числе арестованных были: М. И. Ульянова, М. Т. Елизаров, П. Г. Смидович, А. В. Луначарский и др. При аресте членов Московского комитета и активных работников московской организации было отобрано значительное количество нелегальной литературы и прокламаций, в том числе рукопись подготовленного к печатанию № 1 журнала «Рабочее слово».

В течение 1901—1903 гг. московской охранке с помощью провокаторов неоднократно удавалось арестовывать членов Московского комитета. Однако охранка была бессильна порвать связи московской социал-демократической организации с ленинской «Искрой». Московский комитет с помощью «Искры» не только восстановил свою работу, но и непрерывно укреплял партийную работу в массах.

Летом 1901 г. И. И. Степанов-Скворцов, Шанцер и другие восстановили Московский комитет, подготовили к изданию листовки и брошюры. Однако издать их не удалось вследствие нового ареста членов МК. 27 сентября были арестованы И. И. Степанов-Скворцов, Шанцер, Л. Л. Никифоров и др. При их аресте охранкой были отобраны рукописи: «Что такое демонстрация», «Добровольные помощники охранки» и др. Частые провалы Московского комитета и систематические аресты среди руководя-

¹ «Красный архив». Т. 62 за 1934 г., стр. 138.

² Ульянова А. Воспоминания об Ильиче, стр. 100. Партиздат. 1934.

шего актива московских искровцев привели к тому, что в конце 1901 г. группе «рабочедельцев» временно удалось проникнуть в новый состав Московского комитета. Московские экономисты — Б. Б. Веселовский, С. И. Апеченко, А. И. Унксов — сделали попытку столкнуть рабочих Москвы в болото экономизма. Они считали ненужным вести политическую борьбу, ограничивали свою работу лишь обслуживанием экономических нужд рабочих. Учитывая создавшееся положение в Москве, Ленин немедленно принял решение об оказании помощи московской организации. С этой целью в апреле 1901 г. в Москву был направлен Н. Э. Бауман. Под его руководством московские искровцы нанесли серьёзный удар экономистам, разоблачая их в глазах рабочих как помощников буржуазии. Вместе с тем была проведена большая работа по разоблачению зубатовщины. Бауману удалось сравнительно быстро создать Московский комитет, наладить технику, организовать издание листовок, призывающих рабочих к политической борьбе.

Летом 1902 г. Московский комитет РСДРП послал благодарность Ленину, автору «Что делать?». Кроме того МК постановил отчислять 20% своих средств в пользу «Искры».

В ответ на это Ленин в письме Московскому комитету писал: «Ваше выражение благодарности за «Что делать?» мы поняли и могли, разумеется, понять только в том смысле, что в этой книге вы нашли ответы на ваши собственные вопросы, что вы сами из непосредственного знакомства с движением вынесли то убеждение в необходимости более смелой, более крупной, более объединённой, более централизованной, более сплочённой вокруг одного газетного центра работы, — которое формулировано и в этой книге»¹.

На основе ленинских указаний МК выработал всесторонний план партийной работы. Были созданы пропагандистские кружки, восстановлена подпольная типография (на Басманной улице), издано 8 различных названий прокламаций; значительно оживилась работа фабрично-заводских рабочих кружков. Успешно шла пропагандистская работа в вечерних рабочих школах грамотности, на Прохоровской мануфактуре, на фабрике Цинделя и других фабриках и заводах. Большую работу проводил Московский комитет на Пречистенских рабочих курсах. Устраивались публичные лекции, на которые приходило много рабочих.

В октябре 1902 г. Московский комитет принял постановление — признать лигу русских революционных социал-демократов своим представителем за границей, а ленинскую газету «Искра» — своим руководящим органом. В этом постановлении МК писал: «Признавая за литературной деятельностью Лиги Русской революционной социал-демократии исчерпывающее значение в деле теоретической борьбы с многочисленными течениями, стремящимися опозлить и исказить великие революционные принципы международной социал-демократии, разделяя и признавая вполне отвечающей насущным нуждам русского рабочего движения те организационные планы и ту боевую тактику, убеждёнными защитниками которых являются издания Лиги и газета «Искра»; желая сблизить и объединить местную работу с общепартийными задачами и целями, — Московский комитет российской социал-демократической партии объявляет: 1) «Лигу» своим заграничным представителем, 2) «Искру» — своим руководящим органом»².

Решение Московского комитета о признании ленинской «Искры» своим руководящим органом имело огромное значение в укреплении искровских организаций во всём Центрально-Промышленном районе.

Московская организация РСДРП благодаря систематической помощи Ленина успешно провела подготовительную работу ко II съезду партии, решительно разоблачала экономистов и эсеров как пособников буржуа-

¹ Ленин. Соч. Т. V, стр. 168.

² «Искра» № 26 от 15 октября 1902 года.

зни. Вместе с тем она наносила серьёзный удар зубатовщине. Зубатовское движение уже в 1903 г. потеряло влияние даже среди самых отсталых слоёв рабочих. Созданные Зубатовым «Совет рабочих механического производства» и «Совет ткачей» с каждым днём всё больше разлагались. Обманутые рабочие быстро освобождались от зубатовской ловушки, и значительная часть их становилась в ряды борцов против полицейского социализма. Всё это заставило Зубатова покинуть Москву.

Успешная борьба московской организации РСДРП с зубатовщиной стала возможной лишь благодаря помощи Ленина. Москва была одним из главных опорных пунктов «Искры» в борьбе за осуществление ленинского плана построения пролетарской партии. Через Москву ленинская «Искра» была связана со многими городами России. В одном из писем в редакцию «Искры» Н. Э. Бауман сообщал, что он из Москвы может доставлять без особых проволочек литературу «в Нижний, Казань, Самару, Саратов, Астрахань, Вятскую губ., Тамбов, Центральный район, Ярославль, Кострому, Воронеж, Тверь, Орёл. Со всеми этими пунктами установлены способы доставки... Постепенно я надеюсь поставить на должную высоту корреспондентскую часть в упомянутых городах, включая сюда ещё Тулу, Калугу и другие города»¹.

Приведённый перечень городов позволяет судить о роли московской организации в период «Искры». Через московскую организацию РСДРП распространялась значительная часть тиража газеты «Искра». Отмечая большой спрос на газету «Искра» в Москве, Н. К. Крупская в январе 1902 г. писала: «На севере, как я уже писала не раз, спрос громадный, одна Москва требует минимум 2 тысячи»².

К II съезду РСДРП несмотря на частые провалы московская организация значительно окрепла организационно и идеологически. На II съезде РСДРП московская организация была представлена двумя делегатами — Бауманом и Цейтлиным. При обсуждении кандидатов на съезд в московской организации развернулась ожесточённая борьба. Несмотря на очевидный провал экономистов представитель этого течения Батырев всё же выступил с защитой идеологии экономизма. Делегаты Москвы на съезде заняли различные позиции. Если первый делегат Москвы — Н. Э. Бауман, — избранный единогласно, решительно отстаивал ленинские принципы, безоговорочно поддерживал позицию большевиков, то второй делегат — Цейтлин — «стыдливо» занял позицию меньшинства. После съезда Московский комитет твёрдо и последовательно поддерживал Ленина в его борьбе за практическое осуществление решений съезда.

В целях укрепления большевистского влияния в массах, в начале 1904 г., по указанию Ленина, в Москве было создано Северное бюро ЦК. В его состав входили Красиков, Ленгник, Стасова, Бауман и др. Бауман в то же время являлся секретарём Московского комитета. Северное бюро ЦК провело большую работу по укреплению большевистского влияния не только в Москве, но и в других городах северной России и парализовало оппортунистическую деятельность меньшевиков, особенно в период борьбы за созыв III съезда партии.

В период, когда «Искра» была захвачена меньшевиками и последние повели ожесточённую борьбу против большевиков и прежде всего против вождя большевизма В. И. Ленина, Московский комитет и вся московская организация решительно осудили узурпаторскую тактику меньшевиков и единодушно заявили о безусловной готовности оказывать всяческую поддержку Ленину. Московский комитет неоднократно выражал свою полную солидарность с решениями II съезда партии.

В августе 1904 г. Московский комитет РСДРП(б) в резкой форме выступил против меньшевиков, саботирующих решения II съезда пар-

¹ Доклады социал-демократических комитетов II съезду РСДРП, стр. 26—27. Гиз. М. 1930.

² Ленинский сборник VIII, стр. 217.

тии, и за безусловную поддержку Ленина. В своём обращении за подписью 17 членов партии Московский комитет призывал московскую организацию большевиков присоединиться к заявлению двадцати двух. В этом документе МК порицал Плеханова и со всей резкостью осуждал раскольническую деятельность меньшевиков, узурпаторским путём захвативших Центральный комитет и центральный орган. В заключение МК требовал скорейшего созыва III съезда партии.

В связи с принятием Советом партии решения о запрещении В. И. Ленину ставить в заголовке своих произведений гриф «РСДРП» Московский комитет заявил протест против этого: «Московский комитет высказывает своё негодование по поводу подобного, с партийной точки зрения, совершенно незаконного бойкота и высказывает полную солидарность со взглядами Ленина, высоко ценя всю его деятельность, в которой Ленин стремится к созданию действительно крепкой пролетарской партии. МК обещает ему со своей стороны всяческое содействие и призывает к тому же партийно настроенных товарищей»¹.

Начало первой русской революции 1905 г. застало В. И. Ленина за границей. Владимир Ильич немедленно выступил с программной статьёй «Начало революции в России», в которой дал высокую оценку событиям 9 января: «Рабочий класс получил великий урок гражданской войны; революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперёд так, как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, сабитой жизни. Лозунг геройского петербургского пролетариата: «смерть или свобода!» эхом перекачивается теперь по всей России»². В этой статье Ленин с предельной чёткостью сформулировал задачи революционного пролетариата. При этом на первый план он выдвигал немедленное вооружение народа, массовые стачки, беспощадную борьбу с самодержавием, вовлечение в революционную борьбу крестьянства и всего народа при сохранении руководящей роли пролетариата. Эти указания Ленина московская организация большевиков считала непреложным законом революционной борьбы. На зверский расстрел царём петербургских рабочих 9 января московский пролетариат ответил массовым выступлением против самодержавия. «В Москве,— писал Ленин в указанной выше статье,— 10 000 человек уже бросило работу. На завтра (четверг 26(13) января) назначена всеобщая стачка в Москве»³. Вся последующая борьба московского пролетариата развивалась через массовые забастовки весной и летом 1905 г. к всеобщей политической октябрьской стачке и декабрьскому вооружённому восстанию. В. И. Ленин в 1905 г. не имел возможности посетить Москву, однако руководящая роль Ленина постоянно чувствовалась в работе московской организации большевиков.

Московский комитет РСДРП был тесно связан с Лениным. Ни один сколько-нибудь серьёзный вопрос московская организация не решала без согласования с Лениным. В 1905 г., до переезда из-за границы в Петербург, Ленин посвятил революционным событиям в Москве ряд руководящих статей: «Кровавые дни в Москве», «Политическая стачка и уличная борьба в Москве», «Уроки московских событий» и др. Большое значение в работе московских большевиков имели: письмо Ленина о практической подготовке созыва III съезда партии, письмо «К товарищам, заключённым в Московской тюрьме» и др. Ленинские статьи, письма и личные встречи с руководящими работниками московской организации укрепили в них уверенность в борьбе. В статье «Уроки московских событий», опубликованной в газете «Пролетарий» 24(11) октября, Владимир Ильич призывал московских рабочих бороться за создание крепкой пролетарской партии,

¹ «Красный архив». Т. 62 за 1934 г., стр. 168—169.

² Ленин. Соч. Т. VII, стр. 79.

³ Там же, стр. 80.

готовой повести пролетариат к новым битвам против самодержавия: «Мы должны крепче спланироваться в действительно социалистическую партию, сознательно выражающую интересы рабочего класса, а не стихийно плетущуюся за массой. Мы должны рассчитывать в борьбе только на революционную демократию... Вооружайтесь, кто чем может, составляйте немедленно отряды борцов, готовых с беззаветной энергией сражаться против проклятого самодержавия...»¹.

Помощь Московскому комитету особенно усилилась после того, как Ленин переехал в Петербург и непосредственно возглавил руководство революционной борьбой. В период подготовки к декабрьскому вооружённому восстанию Ленин вызывал в Петербург для доклада секретаря МК В. Л. Шанцера и М. Н. Лядова, которые детально доложили Ленину о положении в Москве. «Перед отъездом в Москву, — пишет Лядов, — Ильич дал подробные директивы МК. Он считал наиболее важной задачей в настоящую минуту во что бы то ни стало добиться через голову меньшевиков единства рабочих... У Вас, в Москве, Московский Совет проводит всё то, что решено МК — Вы через Совет проводите влияние Комитета на беспартийные массы, а у нас, в Петербурге, Совет ползёт за беспартийными массами. Он делает всё, чтобы дискредитировать самую идею вооружённого восстания. Вам легко удастся повести за собой рабочих и создать настоящую боевую большевистскую организацию, авторитетную в глазах всех рабочих»². По указанию Ленина, в Москву были направлены работники ЦК, в том числе и члены Центрального комитета большевистской партии — И. Дубровинский, представитель ЦК партии Шанцер (Марат) и др. В Москве в это время работали видные работники партии: И. И. Степанов-Скворцов, М. Ф. Владимирский, Р. С. Землячка, М. Н. Покровский, Е. М. Ярославский, М. Н. Лядов, С. И. Мицкевич и др.

Как только стало известно о революционных волнениях среди солдат московского гарнизона, В. И. Ленин немедленно направил в Москву в качестве представителя ЦК Любича (Саммер).

14 декабря представитель МК специально выехал в Петербург, с тем чтобы информировать Владимира Ильича о ходе восстания и получить его указания. Взвесив обстановку, В. И. Ленин дал указание МК организовать временно отступление, сохранив кадры для предстоящей борьбы. Московские большевики эту директиву Ленина выполнили.

Московский пролетариат, проявивший героизм в период декабрьского вооружённого восстания 1905 г., получил высокую оценку Ленина и Сталина.

«Небольшая кучка восставших, — писал Ленин, — именно организованных и вооружённых рабочих — их было не больше восьми тысяч — оказывали в течение 9 дней сопротивление царскому правительству»³. Пролетариат Москвы организованно поднялся на вооружённую борьбу с царизмом; сумел он так же организованно отступить для того, чтобы подготовить свои силы для нового удара. «Когда совет рабочих депутатов, — пишет товарищ Сталин, — в Москве, в той самой Москве, которая фактически задавала тон декабрьскому восстанию, — объявил, что пролетариат на время отступает, чтоб серьёзнее подготовиться для более серьёзной схватки, он выражал думы и желания всего российского пролетариата»⁴.

Как всегда, в этот критический момент на помощь большевикам Москвы пришёл В. И. Ленин. Владимир Ильич в январе 1906 г., не считаясь с опасностью для жизни, приехал в Москву. Здесь он провёл заседание

¹ Ленин. Соч. Т. VIII, стр. 317, 318.

² Лядов М. Из истории Московской организации, стр. 82 (рукопись).

³ Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 355.

⁴ Берия Л. К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье, стр. 85. М. 1941.

лекторской группы при Московском комитете РСДРП(б), детально изучал итоги декабрьского вооружённого восстания. Одновременно он писал брошюру «Государственная дума и социал-демократическая тактика».

В марте 1906 г. Ленин снова приезжал в Москву, здесь он проделал огромную работу по идейному сплочению и организационному укреплению рядов московской организации. Под руководством Ленина состоялось расширенное заседание МК с активом, на котором выступил Ленин с докладом о текущем моменте и задачах партии. В своём докладе Владимир Ильич наметил задачи предстоящего, IV объединённого съезда партии и роль московских большевиков на этом съезде. При этом Ленин указал, что при объединении не должен быть смазан ни один принципиальный вопрос. Большое внимание он уделил вопросам о роли советов, об отношении большевиков и меньшевиков к аграрному вопросу и Государственной думе. В заключение Ленин призывал московскую организацию большевиков шире развернуть работу в массах рабочего класса и неустанно готовиться к решительным битвам с самодержавием. Большое значение в жизни московской организации имело выступление Ленина на заседании Замоскворецкого района, на котором обсуждался вопрос об отношении к советам и о работе партии в изменившихся условиях. В. И. Ленин также присутствовал и выступал на заседании Московского окружного бюро РСДРП, на котором обсуждался вопрос об участии в избирательной кампании в Государственную думу. Об этом заседании В. И. Ленин писал в своей статье «Победа кадетов и задачи рабочей партии»: «Пишущий эти строки присутствовал при крайне тяжёлой сцене в заседании Московского Окружного Комитета, когда руководящая с.-д. организация обсуждала вопрос: что делать и как быть теперь с этой провалившейся (плехановской) тактикой. Провал тактики был до того очевиден, что из меньшевиков, членов комитета, не нашлось ни одного, который бы высказался за участие выборщиков в губернском избирательном собрании, или за революционное самоуправление или за что-нибудь подобное... Комитету пришлось умыть руки, молча признать свою ошибку»¹.

Большим событием в жизни Москвы этого периода было выступление В. И. Ленина на большом публичном собрании интеллигенции, состоявшемся в Московском университете.

В. И. Ленин много внимания уделял практическим вопросам работы МК. Так например, ознакомившись с положением типографии, он дал указание о немедленном переводе типографии в другое помещение, организуя её по всем правилам конспиративной техники. Приезд Ленина в Москву сыграл большую роль в организационном и идеологическом укреплении большевистских рядов московской организации, особенно в период ожесточённой борьбы с ликвидаторами и отзовистами.

О пребывании Ленина в Москве в марте 1906 г. Степанов-Скворцов писал: «С жгучим вниманием относился Владимир Ильич ко всему, связанному с Московским вооружённым восстанием. Мне кажется, я ещё вижу, как сияли его глаза и всё лицо освещалось радостной улыбкой, когда я рассказывал ему, что в Москве ни у кого, и прежде всего у рабочих, нет чувства подавленности, а скорее наоборот. Владимир Ильич заставлял меня рассказывать, а сам говорил мало и только требовал новых и новых сведений и с огромным вниманием выслушивал мои соображения»².

Из Москвы Ленин выехал в конце марта 1906 г. и вновь прибыл сюда лишь в марте 1918 г., т. е. тогда, когда Москва стала столицей первого в мире советского социалистического государства.

Во время своего вынужденного десятилетнего пребывания за границей Владимир Ильич не мог принять лично участия в работе московской организации. Однако московская организация большевиков в повседнев-

¹ Ленин. Соч. Т. IX, стр. 87.

² Степанов И. Моя первая встреча с В. И. Лениным. «Ленинградская правда» от 21 января 1926 года.

ной работе неизменно руководствовалась его идеями, тактическими и организационными принципами. Ленин был связан с Москвой множеством нитей через своих представителей, регулярно посещавших Москву, через руководящих работников московской организации, выезжавших за границу. Систематически поддерживалась и письменная связь с работниками Москвы. Огромную роль играли многочисленные труды Ленина. Владимир Ильич придавал большое значение освещению работы московской организации большевиков на страницах легальной и нелегальной печати.

Буквально в каждом номере газет «Вперёд», «Пролетарий», «Социал-демократ» и др. систематически освещалась борьба московской организации с меньшевиками, эсерами, троцкистами, ликвидаторами и отзовистами. За эти годы значительное количество статей и писем Ленина было посвящено деятельности московской организации большевиков. Так например в № 38 «Пролетария» от 14(1) ноября 1908 г. была опубликована статья Ленина «Об оценке текущего момента». Ленин отмечал, что московские товарищи, обсуждая вопрос об условиях наступательной борьбы рабочего класса в России, совершенно правильно подчеркнули коренное значение промышленного кризиса. «Они собрали чрезвычайно интересный материал относительно этого кризиса, учли значение борьбы Москвы с Лодзью, внесли ряд поправок в некоторые господствовавшие до сих пор представления»¹. В № 39 «Пролетария» Владимир Ильич подверг резкой критике выступления московских отзовистов. В № 47—48 той же газеты, в статье «О фракции сторонников отзовизма и богостроительства», Ленин разоблачал деятельность этой группы; в № 49 Ленин снова останавливался на вопросах борьбы с отзовистами в Москве.

Летом 1911 г. под руководством Ленина и Сталина большевики развернули работу по подготовке созыва Пражской конференции. Московская организация единодушно признала неотложной задачей созыв партийной конференции, а также приняла решение об оказании всесторонней помощи Российской организационной комиссии. Об отношении к созываемой конференции московской организации газета «Социал-демократ» в № 24 от 18(31) октября 1911 г. сообщала, что Москва признала созыв конференции безусловно необходимым. В том же номере газеты были опубликованы резолюции Даниловского, Сокольнического и других районов, высказавшихся за созыв конференции.

В № 25 «Социал-демократа» от 8(21) ноября были опубликованы резолюции, принятые по докладу представителя Российской организационной комиссии замоскворецким, преображенским, хамовническим, рогожским, пресненским и бутырским районами московской организации РСДРП, которые высказались за созыв конференции. Большевики Москвы в принятых резолюциях резко осуждали ликвидаторов и, наоборот, приветствовали создание Российской организационной комиссии и высказывали готовность оказывать ей всякое содействие и поддержку. В отчете Российской организационной комиссии по созыву общепартийной конференции говорилось: «Все районы Москвы высказались за поддержку РОК и выбрали своего представителя в Российскую организационную комиссию». В заметке московского делегата конференции в резкой форме разоблачались клеветнические сообщения венской «Правды» Троцкого.

Московская организация большевиков к Пражской конференции пришла единой и достаточно сплоченной.

Исключительную роль в укреплении большевизма в Москве сыграла созданная Лениным и Сталиным газета «Правда». Распространению газеты среди рабочих Москвы много внимания уделяли Ленин и Сталин. Обеспокоенный недостаточным ростом числа подписчиков на газету «Правда» среди рабочих Москвы, Ленин указывал на то, что в Москве

¹ Ленин. Соч. Т. XII, стр. 383.

и Московском районе находится преобладающая масса фабрично-заводских рабочих России, однако Москва со сбором средств и в распространении газеты «Правда» отстала не только от Петербурга, но даже от Урала и Поволжья. «Всякий сознательный рабочий понимает, что Петербург без Москвы — всё равно, что одна рука без другой»¹, — писал Ленин.

Указание Ленина о необходимости максимально усилить распространение газеты «Правда» среди рабочих Москвы имело огромное политическое значение. Руководствуясь этим указанием, большевики Москвы сумели за сравнительно короткий отрезок времени провести значительную работу по завоеванию рабочих масс на свою сторону. Это дало основание Ленину в июле 1914 г. в статье «Объективные данные о силе различных течений» отметить: «В Москве из 13 союзов 10 правдистских, 3 неопределённых, но ближе к правдистам. Ликвидаторского и народнического ни одного»².

В январе 1914 г. Ленин сообщал Горькому: «Сборы на московскую газету обрадовали нас... У нас есть план постановки «Московской Правды»³. В письме от 30 октября того же года В. И. Ленин спрашивал А. М. Горького: «А видали «Наш Путь»? Каков успех-то? Уже вторая газета. Поставим и третью на юге»⁴.

В годы первой империалистической войны московская организация непоколебимо оставалась на ленинско-сталинских позициях.

Своим успехам в период войны московские большевики прежде всего обязаны посланцам В. И. Ленина — В. М. Молотову и М. И. Ульяновой, сыгравшим большую роль в строительстве и укреплении московской организации в один из самых тяжёлых периодов в жизни нашей партии. Тов. Молотову несмотря на аресты членов московской организации и многократные разгромы МК удалось не только сохранить, но значительно усилить большевистское влияние в массах рабочего класса Москвы. Этим объясняется и тот факт, что с первых дней февральской буржуазно-демократической революции московская организация представляла собой один из передовых отрядов нашей партии.

В первые же дни после свержения самодержавия Московский комитет и Московское областное бюро ЦК от имени большевиков, рабочих и трудящихся Москвы и Московской области обратились со следующей телеграммой к В. И. Ленину: «Горячо приветствуем дорогого и глубокоуважаемого товарища Владимира Ильича, неутомимого борца и истинного идейного вождя российского пролетариата. В самые глухие годы реакции, в переживаемые нами годы идейного развала, Вы всегда неутомимо стояли на страже интересов рабочего класса и высоко держали знамя революции и международного социализма. С нетерпением ждём Вашего возвращения в наши ряды. БЦК и МК РСДРП»⁵.

¹ Ленин. Соч. Т. XVI, стр. 50.

² Ленин. Соч. Т. XVII, стр. 525.

³ Ленинский сборник I, стр. 130.

⁴ Там же, стр. 143.

⁵ «Правда» № 6 от 12 марта 1917 года.

О ПОСЛЕДНЕМ ПЕРИОДЕ РАБОТЫ В. И. ЛЕНИНА

Л. Фотиева

Внешнее положение советского государства в 1921—1922 гг. было исключительно тяжёлым. Хотя основные силы интервенции и контрреволюции были разбиты и гражданская война в основном закончена, над страной продолжала висеть угроза новой войны. Ленин неоднократно предупреждал в своих выступлениях, что надо быть начеку, ибо наша страна окружена со всех сторон врагами, которые бешено ненавидят и стремятся задушить молодую Советскую республику.

Не менее тяжёлой и сложной была внутренняя обстановка. Народное хозяйство было разрушено семилетней войной. В стране свирепствовал голод, враги советской власти старались использовать для своих контрреволюционных целей колебания мелкобуржуазного крестьянства, вызванные лишениями и разорением крестьянского хозяйства. Чуждые и враждебные элементы внутри партии объединялись для ожесточённой борьбы против партийного руководства, стремясь подорвать единство нашей партии и тем погубить Советскую республику.

X съезд РКП(б) принял исторической важности решения: о продналоге, о единстве партии и по национальному вопросу. Решение съезда о замене продовольственной развёрстки продовольственным налогом знаменовало переход к новой экономической политике. Это был крутой поворот в нашей хозяйственной жизни.

В июле 1921 г. жестокий голод, вызванный неурожаем, особенно в Поволжье, сделал положение в стране ещё более тяжёлым. Правительство и партия принимали все возможные и необходимые меры для борьбы с голодом, разрухой и для восстановления народного хозяйства. Положение усугублялось ещё тем, что новая экономическая политика не всеми была правильно понята и на этой почве шла борьба, которую антипартийные элементы использовали в своих преступных целях.

И всю тяжесть борьбы за преодоление трудностей выносили на своих плечах Ленин и его верный соратник Сталин.

Ленин, как всегда, работал исключительно интенсивно, со всей страстью борца и революционера. Заботясь о здоровье и сохранении работоспособности товарищей, посылая их на отдых и лечение, на «капитальный ремонт», как часто говаривал Владимир Ильич, он о себе говорил, что удовлетворяется пока «текущим ремонтом», и досадливо отмахивался, когда товарищи пытались убедить его серьёзно подумать о своём здоровье. Долгие годы эмиграции, непрерывная, почти без отдыха, работа и вызванное ею переутомление, последствия ранения — всё это раньше времени подкосило здоровье Ленина.

В конце 1921 г. у Владимира Ильича появились сильные головные боли и бессонница, от которых он с тех пор не мог уже избавиться до конца жизни. Несмотря на это Ленин продолжал свою кипучую деятельность, вникая во все области работы и осуществляя всеобъемлющее руководство советским государством и партией. Его непреклонная воля и сознание огромной ответственности, лежавшей на нём, помогали ему преодолевать страдания, вызванные болезнью. Даже во время наиболее тяжёлых приступов болезни мысли о государственных делах не по-

кидали его. Едва немного оправившись, Владимир Ильич неизменно возвращался к интенсивной работе. Он требовал подробной информации, материалов по различным вопросам, писал письма, в которых давал руководящие указания, выдвигал насущные задачи, предостерегал от ошибок, указывал на решающее звено в каждый данный момент, всегда проявлял творческую инициативу и огромную оперативность в текущей работе.

Только громадным революционным темпераментом Владимира Ильича, неустанной жаждой борьбы и неудержимым стремлением к победе можно объяснить, что напряжённая творческая деятельность его как руководителя советского государства и партии казалась ему все ещё недостаточной.

Чтобы обеспечить Владимиру Ильичу хотя бы относительный отдых, врачи предложили ему переехать на некоторое время за город.

6 декабря 1921 г. Владимир Ильич писал Горькому: «Дорогой Алексей Максимович! Очень извиняюсь, что пишу наскоро. Устал дьявольски. Бессонница. Еду лечиться»¹.

Ещё в сентябре 1918 г., в период выздоровления после ранения, Владимир Ильич впервые приехал в Горки (в 30 км от Москвы). Он очень любил природу. Прекрасные природные условия Горок, старинный парк, большие леса, река Пахра привлекали его, и он стал бывать там всё чаще. Владимир Ильич совершал длинные прогулки, купался в реке, ходил в лес за грибами и ягодами. В Горках он провёл и последние месяцы своей жизни. Несколько недель вынужденного и весьма относительного отдыха в конце 1921 и начале 1922 г. Владимир Ильич провёл не в Горках, а в Болшеве и Корзинкине. И здесь Владимир Ильич, по существу, не прекращал работы. Он писал письма, записки, статьи, посылал множество поручений секретарям и время от времени приезжал в Москву для участия в заседаниях или для выступления на каком-либо собрании.

16 декабря 1921 г. Владимир Ильич пишет тов. Молотову, бывшему в то время секретарём ЦК РКП(б): «Прошу продлить мне отпуск, согласно заключения врача на срок до 2-х недель (в зависимости от хода лечения). Я буду на пленуме ЦК, по крайней мере по некоторым вопросам. На съезде советов сделаю краткий доклад, согласно решения Политбюро»².

23 декабря 1921 г. Владимир Ильич выступил с докладом на IX Всероссийском съезде советов, для чего прервал свой отпуск и приехал в Москву. В своей речи он предупредил съезд: «...взявшись за наше мирное строительство, мы приложим все силы, чтобы его продолжать непрерывно. В то же время, товарищи, будьте на-чеку, берегите обороноспособность нашей страны и нашей Красной армии, как зеницу ока, и помните, что ослабления, в отношении наших рабочих и крестьян и их завоеваний, мы не в праве допускать ни на секунду»³.

В Болшеве Ленин работал над своей философской статьёй «О значении воинствующего материализма», опубликованной в № 3 журнала «Под знаменем марксизма» в марте 1922 года. В этой статье Ленин даёт развёрнутую программу борьбы на идеологическом фронте против возникавших на почве новой экономической политики идеалистических теорий всех видов, против поповщины, за чистоту марксистской теории, за диалектический материализм.

Ещё интенсивнее стал работать Владимир Ильич по возвращении в город. 6 марта он выступил с большим докладом «О международном и внутреннем положении Советской республики» на заседании коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов, готовился к выступлению на XI съезде партии. Однако нездоровье давало сильно себя чувствовать.

¹ Ленинский сборник XXXIV, стр. 428.

² Ленинский сборник XXIII, стр. 320—321.

³ Ленин. Соч. Т. XXVII, стр. 120.

23 марта 1922 г., за несколько дней до открытия XI съезда, Владимир Ильич пишет тов. Молотову: «Прошу Вас передать пленуму ЦК: 1. Моё ходатайство освободить меня от участия в пленуме по болезни (и заседания на пленуме и доклада на съезде я не осилю); 2. Если потребуется моя явка на пленум для объяснений по поводу нижеприводимого плана доклада, я безусловно могу явиться и явлюсь часа через 2—3 после вызова».

Далее Владимир Ильич излагает план своего доклада на XI съезде партии и в заключение пишет: «Прошу пленум ЦК назначить дополнительного докладчика от ЦК, ибо мой доклад слишком общ, затем я не абсолютно уверен, что смогу его сделать, а главное — от текущей работы Политбюро уже месяцами отстал»¹.

В своём выступлении на XI съезде 27 марта 1922 г. Ленин кратко остановился на вопросе о международной конференции в Генуе. Перейдя к задачам, стоящим перед советской властью и партией, Ленин подчеркнул, что отступление, выразившееся в допущении некоторого развития капиталистических элементов, в связи с введением новой экономической политики, уже кончено и гвоздь момента — в укреплении смычки с трудовым крестьянством, в перегруппировке сил для нового наступления на капитализм, в подборе людей, в проверке фактической работы, в изучении практического опыта.

По предложению Владимира Ильича на первом пленуме ЦК после XI съезда партии, 3 апреля 1922 г., товарищ Сталин был избран генеральным секретарём ЦК партии. Вместе с тем товарищ Сталин оставался народным комиссаром по делам национальностей до ликвидации комиссариата в 1923 г. и народным комиссаром НК РКИ до мая 1922 года.

В апреле и мае Владимир Ильич председательствовал на еженедельных заседаниях Политбюро и СНК, два раза в неделю — на заседаниях СТО, вёл большую текущую оперативную работу, писал руководящие статьи и письма.

8 апреля он получил письмо от Штейнмеца, крупнейшего американского учёного, математика и электротехника. В письме Ленину Штейнмец выражал своё восхищение «удивительной работой по социальному и промышленному возрождению, которую Россия выполняет при таких тяжёлых условиях»², и предлагал свою помощь в технических вопросах и особенно в вопросах электростроительства. В тот же день Владимир Ильич ответил Штейнмецу письмом на английском языке, в котором дружески благодарил его³.

9 апреля Ленин из Горок по телефону продиктовал статью для «Правды» — «Мы заплатили слишком дорого», по поводу опубликованного в «Правде» сообщения о результатах конференции представителей трёх Интернационалов, собравшейся 2—5 апреля в Берлине для решения вопроса о созыве всемирного рабочего конгресса с целью установления тактики единого фронта. Ленин говорил об ошибках делегации (Бухарин, Радек), которая сделала политическую уступку международной буржуазии, согласившись на допущение иностранных защитников на процесс правых эсеров и пообещав, что в результате этого процесса не будет смертных приговоров. «Буржуазные дипломаты на этот раз оказались искуснее, чем наши»⁴, — писал Ленин.

11 апреля Ленин написал проект «Постановления о работе замов (заместителей председателя СНК и СТО)», где он выдвигал как основную задачу замов организацию проверки фактического исполнения законов и постановлений советской власти, сокращение штатов советских учреж-

¹ Ленин. Соч. Т. XXVII, стр. 207, 208.

² Там же, стр. 539, примеч. 127.

³ См. там же, стр. 275—276.

⁴ Там же, стр. 279.

дений и надзор за упорядочением делопроизводства в них, борьбу с бюрократизмом и волокитой.

28 апреля Владимир Ильич написал «Предисловие к брошюре: «Старые статьи на близкие к новым темы». Содержание брошюры: 1) статья В. И. Ленина «Очередные задачи Советской власти», 2) доклад на заседании ВЦИК 29 апреля 1918 г. об очередных задачах советской власти и 3) статья «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности». В «Предисловии» Ленин пишет, что, хотя прошло четыре года необычайно бурного и быстрого революционного развития, «в большей своей части это старое в данном случае даже вовсе не устарело»¹.

2 мая Владимир Ильич пишет статью «К десятилетнему юбилею «Правды», в которой говорит о быстром росте общественного развития: «Только десять лет прошло с тех пор! А прожито по содержанию борьбы и движения за это время—лет сто. Быстрота общественного развития за последнее пятилетие прямо-таки сверхъестественная, если мерить на старые мерки, на мерки европейских филистёров»².

11 мая Владимир Ильич пишет письмо в Наркомпочтель тов. Довгалевскому по поводу прочтённой им в «Известиях» заметки о работе нижегородской радиолaborатории. Он подчёркивает значение радиотелефона для агитации и пропаганды и поддерживает ходатайство Нижегородского горсовета о награждении нижегородской радиолaborатории орденом Трудового красного знамени и занесении её руководителей на красную доску.

20 мая Владимир Ильич по телефону из Горок продиктовал статью «О «двойном» подчинении и законности», адресовав её: «Тов. Сталину для Политбюро». Эта статья была написана по поводу проекта закона о прокуратуре, принятого комиссией ЦК для внесения на сессию ВЦИК. Ввиду разногласий в комиссии был принят компромиссный проект о двойном подчинении местных представителей прокурорского надзора: и центру и местному губисполкому. Владимир Ильич доказывает в своём письме, что «законность не может быть калужская и казанская... законность должна быть одна», и предлагает установить подчинение местной прокурорской власти только центру³.

Наряду с этим в апреле и мае Владимир Ильич ведёт переписку с Кржижановским и Губкиным о «Курской аномалии», занимается вопросом о проекте уголовного кодекса РСФСР, подготовляемого для внесения на сессию ВЦИК, о кредите для Центросоюза, посылает ряд писем и телеграмм, в том числе: телеграмму рабочим и инженерам Азнефти, проявившим героизм при тушении пожара на Сураханских нефтяных промыслах; письмо помощнику управделами СНК по поводу беспорядка в работе по проверке исполнения решений СНК и СТО и т. д. Многие из получаемых Владимиром Ильичем бумаг передавались по его распоряжению товарищу Сталину.

Во второй половине апреля усилившиеся головные боли и общее ухудшение состояния здоровья Владимира Ильича побудили врачей искать причину его болезни во влиянии на его организм окисления пуль, оставшихся в теле после ранения 30 августа 1918 года. В связи с этим 23 апреля 1922 г., в 12 часов дня, в Боткинской больнице была произведена операция по извлечению одной из пуль (в ключице). Операция была произведена профессором Борхартом при ассистенте-хирурге В. Н. Розанове, в присутствии главного врача больницы д-ра В. Н. Соколова, наркома здравоохранения Н. А. Семашко и др. Операция прошла хорошо. 27 апреля были сняты швы, и в этот же день Владимир Ильич председательствовал на заседании Политбюро.

¹ Ленин. Соч. Т. XXVII, стр. 290.

² Там же, стр. 292.

³ Там же, стр. 298, 299.

Операция не улучшила состояния здоровья Владимира Ильича. Во второй половине мая встал вопрос о настоятельной необходимости для него длительного лечения и отдыха.

Владимир Ильич не допускал и мысли о полном перерыве в работе и, готовясь к отъезду в Горки, принимал все меры, чтобы обеспечить детальнейшую информацию его о текущей работе всех учреждений.

21 мая 1922 г. Владимир Ильич пишет распоряжения руководителям центральных учреждений: «Секретно. Лично. Всем Наркомам (кого нет, заму). Также во все отдельные учреждения: Центральное статистическое управление, Госплан, Концессионный комитет, Комвнуторг при СТО, Центросоюз и т. п., ВЦСПС, Коминтерн, Профинтерн и т. п... Уезжая в отпуск на несколько месяцев, я очень просил бы поставить осведомление меня о наиболее важных делах и о ходе выполнения наиболее важных решений, планов, кампаний и т. д. следующим образом: посылать мне 1—2 раза в месяц самые краткие (не более 2—3 страниц) сообщения на эту тему и распорядиться о высылке мне важнейших из текущих печатных изданий Наркомата, а равно текстов напечатанных важнейших постановлений, а равно проектов. Если Наркому самому неудобна эта работа, прошу сообщить, на кого именно (зама, члена коллегии, управдела или секретаря и т. п.) он её возлагает, поручив этому лицу аккуратно держать связь с моим секретарём (Фотиева, Лепешинская). Через этих же секретарей могут быть посланы всегда запросы по телеграфу или почтой, причём текущие и срочные запросы адресуются не иначе как заму (Цюрупе), а мне лишь в копии»¹.

На своих секретарей Владимир Ильич возлагал обязанности аккуратно следить за исполнением его требований, сообщать о всех поступающих изданиях, посылать ему важнейшие из них и перечень остальных, аккуратно посылать «Правду», «Известия», «Экономическую жизнь», важнейшие иностранные издания, особенно по текущим вопросам, и некоторые заграничные русские издания.

23 мая Владимир Ильич получил из ЦК РКП(б) на голосование предложение о новом составе комиссии по делу о заказе паровозов за границей, материал по вопросу о расширении прав экономических совещаний на местах, о создании специального книжного фонда и др.

На следующий день Владимир Ильич заболел и слёг в постель. Вскоре обнаружили явления частичного паралича правой руки и ноги и небольшое расстройство речи. Владимир Ильич в это время находился в Горках. В связи с болезнью пребывание его в Горках затянулось на четыре месяца.

В «Правде» от 4 июня 1922 г. был напечатан бюллетень о состоянии здоровья В. И. Ленина: «В четверг, 24-го мая, Владимир Ильич захворал острым гастро-энтеритом, сопровождавшимся повышением температуры до 38,5. На почве предшествовавшего общего переутомления, это заболевание вызвало ухудшение нервного состояния больного и явления небольшого расстройства кровообращения, которое, однако, в ближайшие дни стало быстро восстанавливаться. В настоящее время температура Владимира Ильича нормальна, самочувствие хорошее, и больной, которому предписан абсолютный покой в течение ближайшего времени, находится на пути к полному выздоровлению».

Лучшие русские и иностранные специалисты лечили Владимира Ильича. Он был окружён неустанным вниманием и заботами близких друзей, семьи и безупречным уходом медицинского персонала.

Едва начав поправляться, Владимир Ильич снова проявляет кипучую инициативу и энергию. 28 июня Мария Ильинична пишет в секретариат Владимира Ильича: «Про сегодняшнее состояние здоровья В. доктор говорит, что скорее улучшение. Говорит хорошо и жалуется, что

¹ Ленинский сборник XXXIV, стр. 436.

надоело лежать. В. просит запереть ящики его стола в кабинете и ничего там не разбирать... Спасибо за присланное».

18 июля в «Правде» был напечатан второй бюллетень о здоровье Владимира Ильича, в котором врачи констатировали, что явления расстройства кровообращения сгладились. Больной покинул постель, чувствует себя хорошо, но тяготится предписанным ему врачами бездействием. В это время врачи считали уже возможным допустить приём Владимиром Ильичем близких товарищей, при условии не вести деловых разговоров.

Уже в первой половине июля Владимир Ильич возобновляет деловую переписку, требует присылки в Горки книг и ответов на его запросы.

Сохранился список некоторых газет и журналов, которыми пользовался Владимир Ильич в Горках летом и осенью 1922 года. Газет — 32 названия, большое количество из них на английском языке, выходящих в Лондоне, Нью-Йорке, Калькутте. Несколько газет на немецком, французском и итальянском языках. Журналы: «Коммунистический Интернационал», «Под знаменем марксизма», «Красная новь», «Красная книга», «Книга и революция», «Огонёк», «Крокодил» и другие. 137 журналов на английском, французском и немецком языках. 2 тома Маркса и Энгельса, Гегель «Феноменология духа», «Наука логики», несколько работ по вопросам экономики и политики советского государства, художественная литература, в частности Горький «Мои университеты» и др.

Товарищ Сталин неоднократно навещал Владимира Ильича в Горках. Они проводили время в дружеской беседе. Часто сидели они вместе на любимой скамейке Владимира Ильича в аллее парка. После первого посещения Владимира Ильича Иосиф Виссарионович телеграфировал в Баку тов. Орджоникидзе: «Москва. 17 июля. Вчера после полуторамесячного перерыва врачи разрешили Ильичу посещать друзей и заниматься по несколько часов работой. Я был у Ильича и нашёл, что он поправился окончательно. Сегодня уже имеем от него письмецо с директивами по текущим политическим вопросам. Врачи думают, что через месяц он сможет войти в работу по-старому. Сталин»¹.

15 сентября 1922 г. товарищ Сталин пишет заметки «Тов. Ленин на отдыхе», напечатанные в специальном приложении к «Правде». Он так описывает свои впечатления о свидании с Лениным в июле и августе: «Мне приходилось встречать на фронте старых бойцов, которые, проведя «напролёт» несколько суток в непрерывных боях, без отдыха и сна, возвращались потом с боя, как тени, падали, как скошенные, и, проспав «все восемнадцать часов подряд», вставали, после отдыха, свежие для новых боёв, без которых они «жить не могут». Товарищ Ленин во время моего первого свидания с ним в конце июля, после полуторамесячного перерыва, произвёл на меня именно такое впечатление старого бойца, успевшего отдохнуть после изнурительных непрерывных боёв и посвежевшего после отдыха. Свежий и обновлённый, но со следами усталости, переутомления. «Мне нельзя читать газеты, — иронически замечает товарищ Ленин, — мне нельзя говорить о политике, я старательно обхожу каждый клочок бумаги, валяющийся на столе, боясь, как бы он не оказался газетой и как бы не вышло из этого нарушения дисциплины». Я хохочу и превозношу до небес дисциплинированность товарища Ленина. Тут же смеёмся над врачами, которые не могут понять, что профессиональным политикам, получившим свидание, нельзя не говорить о политике. Поражает в товарище Ленине жадность к вопросам и рвение, непреодолимое рвение к работе. Видно, что изголодался. Процесс эсеров, Генуя и Гаага, виды на урожай, промышленность и финансы — все эти вопросы мелькают один за другим. Он не торопится высказать своё мнение, жалуясь, что отстал от событий; он главным образом расспрашивает и мотает на ус. Очень оживляется, узнав, что виды на урожай хорошие. Совершенно другую картину застал

¹ «Бакинский рабочий» № 161 от 21 июля 1922 года.

я спустя месяц. На этот раз товарищ Ленин окружён грудой книг и газет (ему разрешили читать и говорить о политике без ограничения). Нет больше следов усталости, переутомления. Нет признаков нервного рвения к работе, — прошёл голод. Спокойствие и уверенность вернулись к нему полностью. Наш старый Ленин, хитро глядящий на собеседника, прищурив глаз...»¹.

С чувством глубокой радости встречали трудящиеся известия о выздоровлении Ленина. Со всех концов страны посылали они приветствия Ленину, подарки и письма с выражением горячей любви к вождю. Кустари солнечного города Ферганы прислали замечательный подарок: резной стул и три резные табуретки, украшенные 23 рисунками. В письме к Владимиру Ильичу они писали: «Мы просим, Владимир Ильич, принять наш скромный подарок... пусть он послужит для Вас свидетельством, что освобождённые от колониального ига трудящиеся Востока несут в сердце своём чувство искренней любви и преданности Вам... и горячую веру в Ваше выздоровление, столь необходимое как для Запада, так и для Востока».

4 августа в Москве собралась XII всероссийская конференция РКП(б). При открытии конференции было сообщено, что здоровье Владимира Ильича, по заключению авторитетнейших врачей, и русских и иностранных, восстановилось, что ему нужен только временный отдых. За последние две недели члены Политбюро имели возможность видеть его и беседовать по ряду вопросов, интересующих и волнующих партию.

В ответ на это сообщение на конференции было принято следующее приветствие Ленину: «Всероссийская Конференция Российской Коммунистической Партии, заслушав сообщение о быстром восстановлении сил т. Ленина, шлёт своё приветствие вождю пролетарской революции»².

На вечернем заседании партконференции 5 августа 1922 г. товарищ Сталин сказал: «Товарищи. Я имею заявить, что сегодня был вызван к тов. Ленину и он в ответ на приветствие конференции уполномочил меня передать вам, что он благодарит за приветствие. Он выразил надежду, что не так далёк тот день, когда он вернётся в наши ряды на работу»³.

Формально не приступая к работе председателя СНК и СТО, Владимир Ильич занимается рядом вопросов, даёт множество поручений и руководящих указаний своему аппарату и учреждениям, деятельно готовился к возвращению в Москву.

Ещё в первой половине июля Владимир Ильич в письме председателю Концессионного комитета при Госплане предлагает систематически подбирать подробные материалы и вести точный регистрационный список всех концессионных переговоров с иностранными капиталистами, как законченных, так и прерванных, и направлять эти списки в Управление делами СНК.

Владимир Ильич возлагал большие надежды на РКИ как на орган проверки исполнения, переделки и улучшения работы советского аппарата. Но организация и методы работы РКИ не удовлетворяли его. 21 августа он получил от члена коллегии РКИ тов. Свидерского письмо и материалы о работе РКИ и в тот же день написал письмо, адресовав его членам коллегии РКИ. Он писал: «Боюсь, что работа не совсем правильно стоит. Тип работы — отдельные обследования и доклады. Старина. А переделки аппарата и улучшения его нет»⁴.

Считая одной из важнейших задач, стоявших в этот период перед советским народом, научиться работать, выработать культурные приёмы и

¹ И. Сталин. О Ленине, стр. 21—22. Госполитиздат. 1940.

² Стенографический отчёт XII партконференции, стр. 2. М. 1922.

³ Там же, стр. 59.

⁴ Ленин. Соч. Т. XXIX, стр. 425.

навыки в работе, Владимир Ильич много внимания уделял вопросам научной организации труда. В августе — сентябре 1922 г. Владимир Ильич пишет заметку «Ложка дёгтя в бочке мёда» по поводу книги О. Ерманского «Научная организация труда и система Тэйлора». 1 сентября Владимир Ильич пишет письмо тов. Аванесову (который заканчивал лечение за границей и должен был скоро вернуться в Москву) о работе отдела нормализации труда РКИ. Он даёт указания: «собрать в сё скольконибудь ценное, особенно по части нормализации работы бюрократической (порядок обмена бумажек; формы; контроль; переписка на машинке; запросы и ответы и т. д. и т. п.)»¹.

7 сентября Владимир Ильич запрашивает брошюры М. Беспрозванного «Распланировочное бюро в небольшом заводском предприятии, организованное по системе Тэйлора» и «Современная организация американских заводов» и просит узнать в архиве ВСНХ, как была разрешена или направлена к изданию эта вторая брошюра 1919 г. Получив на другой день справку, что она издана НТО ВСНХ в декабре 1918 г. в 10 тыс. экз., как популярная брошюра для рабочих, Владимир Ильич затребовал выписку из протокола редакционного совета Техиздата об этом, которая и была ему послана. Позже, уже за несколько дней до возвращения в Москву, Владимир Ильич справляется о съезде по вопросам нормализации, ходом и результатом которого он крайне интересуется.

Чрезвычайно заинтересовался Владимир Ильич прочитанной им в «Известиях» заметкой о работе американского тракторного отряда в Пермской губернии. Ещё в мае 1922 г. Общество друзей Советской России в Америке, ставившее своей целью оказать техническую помощь Советской России, послало в Пермскую губернию, в запущенный совхоз, отряд из 22 тракторов под руководством Гарольда Веера. Отряд проделал большую работу по пропаганде среди крестьян методов коллективной обработки земли при помощи трактора. Владимир Ильич предложил управделами СНК обратить сугубое внимание на это дело, проверить правильность заметки, напечатанной в «Известиях» («кажись 25 августа»), и, если подтвердится, поддержать всячески. Он предлагал в случае успеха работы отряда наградить его орденом Красного трудового знамени, послать письмо в Америку, Госбанку выработать облегчённые ссуды отряду, Наркомфину и Наркомзему разработать спешно облегчённые условия привлечения ещё тракторов.

Придавая большое значение этому виду помощи Советской стране, Владимир Ильич в дальнейшем продолжал следить за работой отряда Гарольда Веера и других подобных отрядов, организованных Обществом технической помощи Советской России, в Тамбовской и Одесской губерниях, оказывать им всестороннюю помощь по облегчению ссуд, по обеспечению горючим, по постройке жилищ, по ремонту тракторов и пр. Он ведёт по этим вопросам переписку через управделами СНК, пишет сам письмо председателю Пермского губисполкома, где отмечает, что отряд в короткий период достиг значительных результатов (вспахано до 15 тыс. десятин, из них тысяча десятин засеяна озимым хлебом), и говорит о необходимости поддержки группы, в частности о помощи в осуществлении их предложения о рациональном использовании тракторов, пишет письма в Америку Обществу друзей Советской России и Обществу технической помощи Советской России.

Намереваясь вскоре вернуться в Москву и приступить к прежней напряжённой работе, Владимир Ильич заботился и о том, чтобы работники его аппарата могли отдохнуть до его приезда и вернуться «вполне работоспособными», даёт указания управделами СНК принять необходи-

¹ Ленинский сборник VIII, стр. 89.

мые для этого меры и неоднократно и настойчиво спрашивается о том, что сделано в этом направлении.

В середине сентября переписка Владимира Ильича из Горок становится ещё интенсивнее.

Из регистрационной книги секретариата видно, что 13—17 сентября Владимиру Ильичу были посланы: протокол Политбюро, несколько запечатанных пакетов из НКВД и от товарища Сталина, фотография крестьян, сдающих продналог, и др. В эти же дни происходил обмен записками Владимира Ильича с руководителями Центросоюза по поводу подготавливаемой к печати брошюры «Центросоюз в условиях новой экономической политики». Владимир Ильич читал корректуру этой брошюры и дал автору указания о необходимых добавлениях.

Во второй половине сентября Владимир Ильич запрашивает у Наркомтруда краткую справку о том, как обстоит дело с трудгужналогом, получает материал о топливе. Узнав о катастрофическом положении в Донбассе, о сокращении добычи угля, поставившем под угрозу срыва снабжение топливом железных дорог, сахарной промышленности и городского населения, Владимир Ильич 17 сентября затребовал справку о состоянии дела и в ближайшие же дни послал несколько писем с указанием конкретных мер практической помощи Донбассу.

25 сентября Владимир Ильич запрашивал наркомюстиции тов. Курского о том, что делается для выпуска свода законов советской власти. Он требует более энергичной работы в этой области и подробной информации о ходе её.

27 сентября он посылает в редакцию «Правды» со своими пометками вырезанную из «Правды» статью В. Плетнёва «На идеологическом фронте» с упреком за допущение этой статьи к печатанию. Владимир Ильич упрекает редакцию «Правды» за то, что она не указала автору его ошибки, фальсификацию им исторического материализма.

В эти же дни Владимир Ильич получает материал о сектантстве, постановление Наркомпроса о закрытии общеобразовательных курсов при МГУ, пишет письмо о необходимости сокращения и улучшения аппарата Госплана, «подтягивания его по-военному».

Особенно много внимания уделял он в сентябре и до последних дней работы вопросу об однодневной переписи советских служащих в Москве. Он предлагал обязать всех получающих жалование от советской власти и трестов дать самим сведения; а пока не дадут, не платить никому жалования. Тогда получим быстро.

25 сентября Владимир Ильич укоряет пом. управделами за то, что до сих пор не получил ответа на свою записку о переписи. 29 сентября СТО утвердил «Программу переписи советских служащих и служащих синдикатов и трестов по городу Москве в октябре 1922 г.», а 30 сентября Совнарком утвердил постановление о производстве однодневной переписи служащих в Москве, о чём и было сообщено Владимиру Ильичу.

О результатах переписи Владимир Ильич говорил в своём первом выступлении после болезни, 31 октября 1922 г., на IV сессии ВЦИК: «В 1918 г., в августе месяце, мы произвели перепись нашего аппарата в Москве. Мы получили число 231 000 государственных и советских служащих в Москве... Недавно, в октябре 1922 г., мы произвели эту перепись ещё раз, уверенные, что мы сократили наш раздутый аппарат и что он должен уже, наверное, оказаться меньшим. Он оказался — 243 000. Вот вам итоги всех сокращений. Этот пример потребует ещё большого труда изучения и сопоставлений»¹.

Владимир Ильич в ряде своих выступлений и писем ставит важнейшую в тот период задачу — улучшить работу госаппарата.

¹ Ленин, Соч. Т. XXVII, стр. 320.

В декабре 1922 г., готовясь выступить на X съезде советов РСФСР, Владимир Ильич в конспекте своей произнесённой речи записал:

«17. Сотни тысяч служащих в госаппарате. У в е л и ч е н и е,

18. Перепись 1922 (X—XI).

19. Итоги её»¹.

К этому же вопросу возвращается Ленин, будучи уже совершенно больным. 5 февраля 1923 г. в дневнике дежурных записано: «Владимир Ильич интересовался разработкой материалов переписи, скоро ли они будут опубликованы, и просил показать ему корректуру предполагаемого сборника».

17—27 сентября в Москве происходил V всероссийский съезд профсоюзов. Президиум съезда обратился к Владимиру Ильичу с просьбой написать письмо съезду.

Проект своего письма V съезду ВЦСПС Владимир Ильич пересылает товарищу Сталину и просит вернуть его на другой же день переписанным на машинке для отправки съезду.

На первом заседании съезда, 17 сентября, было оглашено письмо Ленина: «Дорогие товарищи! Мне первый раз приходится, после долгой болезни, выступать — хотя бы и письменно — перед съездом. Позвольте мне поэтому ограничиться горячим приветствием и немногими краткими словами о положении и задачах нашей промышленности и нашей республики». Далее Ленин говорит о трудностях восстановления нашего разрушенного империалистической и гражданской войнами народного хозяйства: «Во всём мире мы пока остаёмся одни, как государство, в котором трудящиеся крестьяне под руководством рабочих строят социализм, решительно отказываясь от руководства капиталистов».

Ленин кончает своё письмо следующими словами: «Пусть каждый сознательный крестьянин и рабочий, которому случится прийти в уныние под влиянием тяжёлых условий жизни или чрезвычайной медленности нашего государственного строительства, припомнит недавнее прошлое, с господством капиталистов и помещиков. Такое воспоминание вернёт ему бодрость в работе. Всеми силами, со всех сторон усилить и улучшить работу — в этом единственное спасение рабоче-крестьянской власти»².

В «Правде» от 19 сентября сообщалось, что V съезд профсоюзов с большим волнением выслушал письмо Ленина, оглашённое президиумом съезда. Конец письма покрывается восторженными аплодисментами всего состава съезда.

Нет никакого сомнения, что приведёнными здесь вопросами не исчерпывалось участие Владимира Ильича в государственной и партийной работе в эти месяцы его вынужденного отрыва от непосредственного руководства государством и партией. С тех пор как врачи разрешили ему приём друзей и переписку, он получал весь необходимый информационный материал СНК, СТО и ЦК РКП(б), беседовал с товарищем Сталиным и другими товарищами, получал секретную почту из НКВД и от товарища Сталина, которая передавалась ему нераспечатанной, и сам посылал письма товарищу Сталину в запечатанных конвертах. С каждым днём возрастало его живое участие в работе.

Даже самые коротенькие записочки Владимира Ильича во второй половине сентября 1922 г. дышат энергией, бодростью и радостным предвкушением полного возвращения к любимой работе. Чувствуется, что он отдохнул. Одно за другим посылает он письма, записки, распоряжения, забывая иногда датировать их, — так много их было.

Чем дальше, тем больше нетерпения и страстной жажды скорее пол-

¹ Ленин. Соч. XXVII, стр. 383.

² Там же, стр. 303, 304.

ностью войти в работу в письмах и записках Владимира Ильича, посылаемых им в управление делами и секретариат СНК.

В эти же дни Владимир Ильич поручает подобрать для него решения СНК и СТО, все старые протоколы ЦК (Политбюро и пленума) и вырезки из газет, сообщает, что приедет 2 октября.

И вот 2 октября Владимир Ильич вернулся в Москву. На другой день происходило заседание Совнаркома под председательством Владимира Ильича. Оно было необычно многолюдно. Товарищи стремились поскорее увидеть дорогого Ильича после продолжительного его отсутствия.

С первого же дня Владимир Ильич приступил к работе во всём её объёме. Врачи настаивали на строгом режиме, регулярном распределении работы и отдыха. Не оспаривая предписаний врачей, Владимир Ильич обходил эти предписания с помощью множества уловок и маленьких хитростей. Можно со всей ответственностью утверждать, что в последние два с половиной месяца своей работы в Совнаркоме Владимир Ильич работал не менее интенсивно, чем до болезни. По предложению врачей рабочее время Владимира Ильича должно было ограничиваться пятью часами в день и распределяться следующим образом: с 11 до 2 и с 6 до 8 часов. Кроме воскресенья, ещё один день в неделю должен был быть совершенно свободным от работы. Владимир Ильич выбрал среду.

Но вместо 11 часов Владимир Ильич приходил в свой кабинет в 9 часов 30 минут утра и прочитывал все получаемые им газеты. Услышав движение в кабинете, мы заглядывали туда. Владимир Ильич с улыбкой говорил: «Я не работаю, я только читаю».

В 10 часов 45 минут он вызывал секретаря для доклада о полученных бумагах, назначал приёмы. С 11 часов начиналась интенсивная работа: приёмы, разговор по телефону и пр. Уходил домой Владимир Ильич в 2 часа, унося с собой кипу бумаг, и возвращался в свой кабинет в 6 часов вечера всегда с множеством устных или написанных на листочках блокнота поручений секретарям.

По желанию Ленина заседания Совнаркома и СТО, на которых он председательствовал, были перенесены с 6 часов на 5 часов 30 минут, таким образом, он и формально удлинял на полчаса свой «законный» рабочий день.

На заседаниях Владимир Ильич требовал абсолютной тишины и порядка. Посторонние разговоры, хождение и шум на заседаниях и раньше мешали Владимиру Ильичу. После болезни он этого совершенно не переносил.

Владимир Ильич имел обыкновение во время заседаний обмениваться деловыми записками со многими присутствующими товарищами. Узнав от врачей, что такое раздвоение внимания вызывает сильное утомление и может повредить здоровью Владимира Ильича, я попросила товарищей пересылать ответы на записки Владимира Ильича через меня, с тем, что они будут переданы ему после заседания. Не получая ответов и заметив скопление записок на столе секретаря, Владимир Ильич написал мне шутивную записку: «Вы, кажись, интригуете против меня? Где ответы на мои записки?» Пришлось отдать ему ответы. Так кончались все попытки вмешаться в порядок работы Владимира Ильича.

По вечерам у Владимира Ильича часто бывали приёмы. Нередко случалось, что товарищи, приходившие к нему, дав перед дверью в его кабинет чуть ли не клятвенное обещание не сидеть больше положенного срока (10—15 минут), засиживались по полчаса и больше. Трудно было оторваться от беседы с Владимиром Ильичем, а иногда он сам задерживал посетителя, увлечшись разговором. Приходилось заходить в кабинет, выразительно смотреть на часы, но это не помогало. Владимир Ильич, улыбаясь, говорил: «Мы не работаем, мы только разговариваем».

Если в зале заседаний рядом с кабинетом Владимира Ильича шло за-

седание Совнаркома или СТО, он говорил вполголоса и другим не позволял говорить громко, хотя дверь из кабинета в зал заседаний была завешена двойной портьерой.

Когда Владимир Ильич бывал в кабинете один, он не зажигал люстры и работал с настольной лампой. Уходя из кабинета, он никогда не забывал выключить свет.

Дополнительный день отдыха — среду — Владимир Ильич нередко проводил за работой, ограничивая себя лишь тем, что не председательствовал и не присутствовал на заседаниях.

Вот выдержки из дневника дежурных секретарей об одном из таких дней отдыха: «1 ноября днём. Совещание с участием Сталина. Вечером: с 7 до 8 часов — два итальянских товарища. В 8 ч. 30 м. Владимир Ильич ушёл домой. Это день отдыха».

Сохранилась следующая краткая запись о работе Ленина с 2 октября по 14 декабря 1922 г.: «Приёмов — 125 (принято 171 чел.); написано писем 110; заседаний Политбюро — 9, Совнаркома — 7, СТО — 4, совещаний комитетов — 9, совещаний загов — 1, комиссий Политбюро — 2. Всего заседаний и совещаний 25. Выступлений 3».

Через несколько дней после возвращения Владимира Ильича в Москву у него сильно разболелись зубы, он не приходил в свой кабинет и не участвовал в заседаниях. В связи с обсуждением в ЦК РКП(б) вопроса об объединении советских республик Владимир Ильич пишет такую записку в Политбюро: «Великодержавному шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть, как только избавлюсь от проклятого зуба, съем его всеми здоровыми зубами. Надо абсолютно настоять, чтобы в союзном ВЦИКе председательствовали по очереди русский, украинец, грузин и т. д. Абсолютно!»

На этой записке товарищ Сталин написал: «Правильно. И. Сталин»¹.

25 октября Приморье было освобождено от белогвардейских и японских оккупантов. Войска Красной Армии вступили во Владивосток. Владимир Ильич пишет: «Привет освобождённому Приморью».

31 октября Владимир Ильич выступил на IV сессии ВЦИК IX созыва. Это было первое выступление Ленина после перенесённой им тяжёлой болезни. Его ждали с большим волнением. Владимир Ильич также был взволнован и озабочен: удастся ли? Как выйдет?

В секретарской записи сказано, что выступлением остались довольны не только все, но и он сам: «Сказал всё, что хотел сказать». В «Правде» 1 ноября сообщалось, что сессия заседала в Андреевском зале Большого кремлёвского дворца. Присутствовали представители дипломатического корпуса. Появление Ленина было встречено бурными аплодисментами. Когда председатель предоставил ему слово, зал снова устроил горячую овацию².

В своей речи Ленин приветствовал Красную Армию, сбросившую в море последние силы белогвардейцев, и отметил, что это заслуга также и нашей дипломатии. Далее он перешёл к работе сессии, утвердившей кодекс законов о труде, земельный кодекс, закон о судостроительстве и пр. В утверждении этих кодексов и законов Ленин видел несомненные успехи, достигнутые советской властью.

13 ноября Владимир Ильич выступал на IV конгрессе Коминтерна. Свой доклад на тему «Пять лет Российской революции и перспективы мировой революции» Владимир Ильич сделал на немецком языке. Если всякое выступление перед большим собранием требует большого нервного напряжения, то в ещё большей мере это относится к выступлению на иностранном языке. Разумеется, оно было тяжелее для Владимира Ильича, хотя он свободно владел немецким языком.

¹ «Правда» от 21 января 1937 года.

² «Правда» от 1 ноября 1922 года.

Владимир Ильич особенно тщательно готовился к этому докладу. 10 ноября он затребовал стенограммы II конгресса Коминтерна и свою брошюру о продналоге на немецком языке. 11 ноября он принял одного немецкого коммуниста специально для беседы по поводу своего доклада.

В «Правде» 14 ноября 1922 г. было напечатано: «Зал переполнен больше, чем во все предыдущие заседания. Все подвигают стулья ближе к трибуне, чтобы было слышно каждое слово... Каждому хочется уловить глазом самую мелкую чёрточку в родном Ильиче»¹. «Появление тов. Ленина встречается бурными, долго не прекращающимися аплодисментами и овациями всего зала. Все встают и поют «Интернационал»².

Ленин сделал оговорку, что затронет только часть этой большой темы, а именно — будет говорить о том, как мы начали новую экономическую политику и какие имели успехи. Он подвёл итоги пройденному пути. Он говорил об успехах, достигнутых на основе новой экономической политики: без займов, одни, без посторонней помощи голод преодолели, с разрухой справились, лёгкую промышленность восстановили и в тяжёлой есть успехи. Экономии на всём и особенно на госаппарате и 20 млн. золотом вложили в тяжёлую промышленность. Это немного, но начало положено. Мы на верном пути, говорил Ленин.

Доклад Ленина продолжался более часа и удался превосходно. Вечером у Владимира Ильича был обычный приём.

20 ноября Ленин выступил на объединённом заседании пленума Московского совета депутатов трудящихся совместно с членами районных советов. Это было последнее устное выступление Ленина перед массами.

В «Правде» от 21 ноября 1922 г. сказано: «Появление на эстраде товарища Ленина встречается громкими раскатами «ура», горячими и продолжительными аплодисментами, переходящими в долго несмолкаемую овацию, почти заглушающую не менее мощные звуки «Интернационала», исполняемого оркестром музыки. Овация продолжается в течение троекратного исполнения «Интернационала». Товарищ Ленин пробует начать своё слово, но его перебивают снова и снова горячие возгласы, несущиеся со всех сторон: «Да здравствует вождь мировой революции!», «Да здравствует тов. Ленин!»

Всё выступление Ленина было проникнуто твёрдой уверенностью в победе, в правильности того пути, по которому пошла советская власть, перейдя к новой экономической политике. Он закончил свою речь следующими знаменательными словами: «Социализм уже теперь не есть вопрос отдалённого будущего, или какой-либо отвлечённой картины... Мы социализм протащили в повседневную жизнь и тут должны разобраться. Вот что составляет задачу нашего дня, вот что составляет задачу нашей эпохи. Позвольте мне закончить выражением уверенности, что как эта задача ни трудна, как она ни нова по сравнению с прежней нашей задачей, и как много трудностей она нам ни причиняет,— все мы вместе, не завтра, а в несколько лет, все мы вместе решим эту задачу во что бы то ни стало, так что из России неповской будет Россия социалистическая»³.

Нежным вниманием и заботой выражали трудящиеся свою любовь к Ленину и радость по поводу его возвращения к работе.

Рабочие Барановского фарфорового завода на общем собрании, состоявшемся 16 октября 1922 г. в местечке Барановка, Волынской губернии, Н.-Волынского уезда, заслушав доклад о международном положении и о праздновании 5-й годовщины Октябрьской революции, приняли следующее решение: «Ввиду совпадения выздоровления вождя мировой революции т. Ленина с октябрьскими торжествами и пуском завода изготовить дорогому вождю средствами рабочих именной сервиз, каковой

¹ «Правда» от 14 ноября 1922 года.

² «Правда» от 15 ноября 1922 года.

³ Ленин. Соч. Т. XXVII, стр. 366.

препроводить в Москву — Кремль, через правление Всеукраинского треста «Фарфоро-фаянс-стекло». Просить у Владимира Ильича разрешения именовать Барановский завод «Государственный фарфоровый завод имени Ленина»¹.

Накануне 5-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции рабочие Клинцовской фабрики прислали Ленину следующее письмо: «Дорогой наш Ильич! К пятой годовщине пролетарской революции мы, рабочие Стодольской суконной фабрики, решили назвать нашу фабрику твоим именем. По этому случаю мы посылаем тебе к празднику наше сердечное поздравление и скромный подарок нашей выработки. Мы будем счастливы, если ты, наш учитель и вождь, оденешь костюм, нашими руками сотканный. Носи, Ильич, на здоровье и знай, что мы всегда с тобой. Преданные революции и тебе рабочие Клинцовской фабрики имени тов. Ленина. Клинцы, 3 ноября 1922 г.»².

С большой чуткостью и сердечностью ответил рабочим Клинцовской фабрики Владимир Ильич: «Дорогие товарищи! Сердечно благодарю вас за приветствие и подарок. По секрету скажу, что подарков посылать мне не следует. Прошу очень об этой секретной просьбе пошире рассказать всем рабочим. Самые лучшие благодарности и приветы и пожелания. Ваш В. Ульянов (Ленин)»³.

Во второй половине ноября Владимир Ильич снова начал чувствовать переутомление. Усилились головные боли и бессонница.

25 ноября 1922 г. в секретарской книге записано: «Сегодня врачи предписали отдых на неделю, абсолютно не работать». С этого дня Владимир Ильич реже приходил в кабинет, не всегда председательствовал на заседаниях, зато больше просматривал книг. Но, разумеется, об абсолютном отдыхе не было и речи. 25 ноября после ухода врачей Владимир Ильич взял к себе на квартиру бумаги и продиктовал по телефону несколько записок. Вечером Владимир Ильич пришёл в кабинет, как всегда, ровно в 6 часов и говорил по телефону. С 6½ до 7½ часов у него был Цюруппа, после чего Владимир Ильич сделал несколько распоряжений и ушёл домой. Дома снова говорил по телефону с 8½ до 8¾ часа. То же происходило и в последующие дни. В один из этих дней Владимир Ильич, просматривая книги, отложил сборник статей, который Госиздат издал под названием «Политическое завещание» Энгельса, и просил библиотечаршу тов. Манучарьянц особо сохранить для него эту книгу.

В начале декабря врачи предписали Владимиру Ильичу раз в месяц уезжать на несколько дней за город. Он продолжал работать над разными вопросами. В секретарской записи в связи с поручениями Владимира Ильича за это время упоминаются концессия Уркварта, судоремонтная программа Главрыбы, доклады по электропромышленности, перепись населения и множество других дел. В то же время Владимир Ильич пишет «Заметки по вопросу о задачах нашей делегации в Гааге», приветствие третьему мировому конгрессу Коммунистического интернационала молодёжи в Москве и другие статьи и письма, даёт поручение подбирать материалы для его доклада на X съезде советов РСФСР.

Уехав за город на несколько дней, он оттуда звонит по телефону, пишет письма, требует присылки протоколов и других материалов.

Во вторник 12 декабря Владимир Ильич в последний раз работал в своём кабинете. В секретарской записи сказано: «12 декабря утром: Владимир Ильич приехал из Горок и пришёл к себе в кабинет в 11 ч. 15 м. Пробыл недолго и ушёл домой. В 12 часов вернулся и принимал Цюруппу, который был до 2-х часов. Ушёл из кабинета в 2 часа дня, не дав

¹ Из протокола общего собрания рабочих Барановского фарфорового завода 16 октября 1922 года.

² Ленин. Соч. Т. XXVII, стр. 551, примеч. 160.

³ Там же, стр. 334.

никаких поручений на вечер. Вечером: Владимир Ильич — в кабинете в 5 ч. 30 м. Говорил по телефону несколько минут. В 6 ч. 45 м. был Дзержинский. В 7 ч. 45 м. — работник Наркомвнешторга; Владимир Ильич ушёл домой в 8 ч. 15 м.».

13 декабря врачи потребовали полного отдыха Владимира Ильича и съезда его из Москвы. С этого дня Владимир Ильич приступил к «ликвидации своих дел», как он говорил: он заканчивал некоторые начатые им работы, которым он придавал важное значение и которые особенно волновали его. Сознавая лучше всех, что болезнь его прогрессирует, Владимир Ильич говорил: «Надо спешить, чтобы болезнь не застала врасплох». Он продиктовал несколько писем, принял нескольких товарищей, занимался вопросами научной организации труда, переписи, написал конспект своего выступления на X съезде советов. Это был последний документ, написанный Владимиром Ильичем собственноручно. В дальнейшем он вынужден был диктовать.

13 декабря Владимир Ильич продиктовал письмо «О монополии внешней торговли» и адресовал его: «Тов. Сталину для пленума ЦК». В этом письме Ленин выступал против Бухарина и Сокольников, которые стояли за ликвидацию монополии внешней торговли и замену её высокими таможенными пошлинами. Владимир Ильич доказывал, что никакие таможенные пошлины не защитят нашу ещё не окрепшую промышленность от конкуренции с иностранными товарами и наше крестьянское хозяйство от иностранных скупщиков сырья. Он заклеймил Бухарина как защитника спекулянтов, нэпманов, кулаков и подчеркнул важнейшее значение монополии внешней торговли в условиях капиталистического окружения как одной из командных высот диктатуры пролетариата. Вопрос о монополии внешней торговли сильно волновал Владимира Ильича, и он внёс его на разрешение пленума ЦК РКП(б). 18 декабря пленум подтвердил безусловную необходимость сохранения и организационного укрепления монополии внешней торговли.

15 декабря в дневнике дежурных секретарей записано: «Владимир Ильич сделал распоряжение о книгах: отделить книги технические, медицинские и т. п., которые отправлять обратно; сельскохозяйственные — передавать Марии Ильиничне; по производственной пропаганде, организации труда и педагогические — Надежде Константиновне; беллетристику держать до востребования и публицистику, политические мемуары и т. п. — для него. Кроме того сделал распоряжение, чтобы ему были даны все протоколы финансового комитета с запиской секретаря, не слишком длинной, но и не слишком короткой, из которой он мог бы составить ясное представление о работе финансового комитета. Настроение неважное, сказал, что чувствует себя хуже, ночь не спал».

В тот же день, 15 декабря, Владимир Ильич продиктовал письмо «Товарищу Сталину для членов ЦК». Нельзя без глубокого волнения читать это письмо. Владимир Ильич пишет: «Я кончил теперь ликвидацию своих дел и могу уезжать спокойно... Осталось только одно обстоятельство, которое меня волнует в чрезвычайно сильной мере — это невозможность выступить на съезде советов. Во вторник (19 декабря.—*Ред.*) у меня будут врачи, и мы обсудим, имеется ли хоть небольшой шанс на такое выступление. Отказ от него я считал бы для себя большим неудобством, чтобы не сказать сильнее. Конспект речи у меня был уже написан несколько дней назад. Я предлагаю, поэтому, не приостанавливая подготовки для выступления кого-либо другого вместо меня, сохранить до среды возможность того, что я выступлю сам, может быть, с речью, сильно сокращённой против обычного, например, с речью в три четверти часа. Такая речь несколько не помешает речи моего заместителя (кого бы вы ни уполномочили для этой цели), но, я думаю, будет полезна и политически и в смысле личном, ибо устранит повод для большого волнения. Прошу иметь

это в виду и если открытие съезда ещё затянется, известить меня заблаговременно через моего секретаря»¹.

В конспекте речи, о котором упоминается в этом письме, Владимир Ильич подвёл итоги пройденному пути и наметил перспективы на будущий период. В кратких, скупых словах этого конспекта даны целые сокровища мыслей, развитых им позже, в его последних гениальных статьях-директивах.

16 декабря в состоянии здоровья Владимира Ильича наступило резкое ухудшение — паралич правой руки и ноги. Он слёг в постель, пришлось отказаться от мысли выступить на съезде советов, и в тот же день вечером Владимир Ильич распорядился, чтобы об этом сообщили товарищу Сталину. Переезд на машине в Горки для Владимира Ильича был слишком тяжёл, и он решил остаться в городе.

С этого времени начался новый, очень тяжёлый период болезни Владимира Ильича.

X всероссийский съезд советов собрался 23 декабря 1922 года. Важнейшим вопросом съезда было создание Союза Советских Социалистических Республик. С окончанием гражданской войны объединение советских республик в единое союзное государство приобрело важнейшее значение для обеспечения внешней безопасности, успешного внутреннего хозяйственного развития и свободного национального развития народов.

X всероссийскому съезду советов предшествовали VII съезд советов УССР, IV съезд советов БССР и V съезд советов ЗСФСР, которые единодушно приняли решения об объединении этих республик в союз на принципе добровольности и равенства народов.

На X всероссийском съезде советов, как и на I съезде советов РСФСР, открывшемся 30 декабря 1922 г., с докладом об образовании СССР выступил товарищ Сталин. Съезд советов СССР послал «пламенный привет почётному председателю I съезда советов СССР и вождю мирового пролетариата — товарищу Владимиру Ильичу Ленину»².

В эти дни Владимир Ильич лежал больной в своей квартире в Кремле. Врачи настаивали на полном и безусловном отдыхе, отказе от всякой работы и даже от чтения газет, которое неизбежно вызвало бы напряжённую работу мысли.

Но, борясь с болезнью со сверхъестественным напряжением сил и своей железной воли, Ленин до последней возможности продолжал руководить работой партии. 23 декабря, при первом проблеске улучшения в состоянии здоровья, Владимир Ильич вызвал секретаря, продиктовал несколько писем и просил прислать ему списки получаемых для него книг.

Через несколько дней Владимир Ильич получил согласие врачей диктовать свой дневник сначала по 20 минут в день. Вскоре было прибавлено ещё 20 минут (утром и вечером). Воспользовавшись этим разрешением, Владимир Ильич продиктовал в январе — марте 1923 г. свои последние гениальные статьи, ставшие надолго руководящими для нашей партии: «Странички из дневника», «О кооперации», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «О нашей революции» и «Лучше меньше, да лучше».

В этих статьях Ленин утвердил ещё раз положение о полной возможности построения социализма в нашей стране и дал стройный, глубоко продуманный план строительства социализма. Он подчеркнул необходимость сохранения и укрепления союза рабочих и крестьян для упрочения диктатуры пролетариата, необходимость развития тяжёлой промышленности на основе новейшей техники — электрификации как материальной базы социализма. Ленин указал в этих статьях конкретный путь построения социалистического общества в нашей стране, наиболее понятный и доступный для крестьянства, выдвинул свой кооперативный план.

¹ Ленин, Соч. Т. XXVII, стр. 559. Примеч. 178.

² Стенографический отчёт I съезда советов СССР, стр. 18. М. 1939.

Ленин развил конкретный план реорганизации нашего госаппарата, улучшения и удешевления его, с тем чтобы всю экономию употребить на развитие крупной промышленности.

Владимир Ильич до болезни не любил и не умел диктовать. Он говорил часто, что привык иметь перед глазами написанный текст и отсутствие этого условия при диктовке затрудняет его. Кроме того его стесняло то обстоятельство, что в те минуты, когда он, продиктовав фразу, обдумывал дальнейшее, стенографистка сидела, ожидая продолжения. Пытаясь приучить себя к диктовке, Владимир Ильич просил, чтобы стенографистка имела при себе какую-либо книгу для чтения в перерывах. Однако это не помогало. Тогда стенографистку поместили в соседней комнате, дали ей наушники и Владимир Ильич диктовал ей по телефону. Но и к этому приёму Владимир Ильич прибегал редко и неохотно.

Каждую из своих последних статей Владимир Ильич диктовал в несколько приёмов. Диктуя, он быстро, скороговоркой, проговаривал сложившуюся в уме фразу и умолкал, обдумывая дальнейшее. После окончания диктовки запись тотчас же расшифровывалась, переписывалась на машинке и передавалась Владимиру Ильичу. На кровати его было сделано приспособление, нечто вроде пюпитра. Положив на него свою статью, Владимир Ильич проверял запись. В те дни, когда состояние здоровья было лучше, он шутил, улыбался, спрашивал, не очень ли устали работники его секретариата. Но часто Владимир Ильич страдал головными болями, и тогда во время диктовки на голове его лежал холодный компресс.

2 января 1923 г. Ленин диктовал статью «Странички из дневника»; 4 и 6 января — «О кооперации»; 9, 13, 19, 22 и 23 января — «Как нам реорганизовать Рабкрин»; 16 и 17 января — «О нашей революции»; 2, 4, 5, 6, 7 и 9 февраля — «Лучше меньше, да лучше».

В феврале в состоянии здоровья Владимира Ильича наступило некоторое улучшение. Врачи обещали через месяц разрешить чтение газет.

В секретариате Владимира Ильича сохранилась запись стенографистки Володичевой, сделанная ею 6 февраля, во время просмотра Владимиром Ильичем статьи «Лучше меньше, да лучше»: «Пробегаю статью, Владимир Ильич делал отступления, говорил о своей старой привычке писать, а не диктовать; что теперь он понимает, почему стенографисты его не удовлетворяли; что он привык видеть свою рукопись перед глазами, останавливаться, обдумывать в затруднительных случаях то место, в котором он «увязал», ходить по комнате, даже просто убежать куда-нибудь гулять; что ему и теперь часто хочется схватить карандаш и писать или внести самому исправления. Вспомнил о том, как он пытался диктовать свою статью стенографу ещё в 1918 году, как он, в том случае, когда чувствовал, что «вязнет», в смущении «гнал» всё дальше и дальше с «неимоверной» быстротой, и как это привело к тому, что ему пришлось сжечь всю рукопись, после чего он сел писать и написал «Ренегата Каутского», которым остался доволен».

10 февраля Владимир Ильич запросил по списку ряд книг, среди которых были: Рожицын «Новая наука и марксизм», «Основные проблемы денег». Сборник статей, Фалькнер «Передом в развитии мирового промышленного кризиса», Цыперович «Мы сами!», Аксельрод (Ортодокс) «Против идеализма», Древис «Миф о Христе», Курлов «Конец русского царизма», Модзалевский «Пролетарское мифотворчество. Об идеалистических уклонах современной пролетарской поэзии».

Но через несколько дней Владимиру Ильичу снова стало хуже. 27 февраля он запросил стенографический отчёт X съезда советов РСФСР и VII том «Записок о революции» Суханова.

2 марта Владимир Ильич в последний раз просмотрел свою статью «Лучше меньше, да лучше» и дал распоряжение отправить её в печать.

9 марта произошёл третий, крайне тяжёлый приступ болезни

В. И. Ленина, вызвавший паралич правой половины тела и резкое поражение органов речи. Владимир Ильич не мог больше работать, но он оставался ещё в своей квартире в Кремле под наблюдением лучших специалистов и окружённый заботами своей семьи, своих друзей, товарища Сталина.

12 марта было опубликовано правительственное сообщение о состоянии здоровья Ленина. В этом сообщении излагался ход заболевания В. И. Ленина и был дан первый бюллетень о состоянии его здоровья.

С этого времени регулярно публиковались бюллетени о состоянии здоровья Ленина. Вся страна с тревогой ждала этих бюллетеней. Со всех концов страны трудящиеся посылали письма и телеграммы, в которых выражали любовь и преданность своему учителю и вождю и пожелания выздоровления. В телеграмме от горнорабочих говорилось: «Третий Донецкий съезд Всероссийский съезд горнорабочих шлёт вам горячий привет и искреннее пожелание скорейшего выздоровления. Шахтёры Донбасса желают и требуют от всех сил природы и науки сохранения Вашей неопределимой для мирового пролетариата жизни».

В телеграмме, подписанной С. М. Будённым, сказано: «Бойцы, командиры и политработники 1-й конной армии в день 4-й годовщины головной дивизии шлют пламенный привет вождю пролетариата мозгу Российской коммунистической партии, товарищу Ленину, и желают полнейшего выздоровления».

Во всех телеграммах и письмах трудящихся отражены тревога и забота о здоровье и жизни любимого вождя.

С наступлением тёплых дней, по предложению врачей, Владимир Ильич переехал в Горки. 15 мая, потрясённые до глубины души, стараясь остаться незамеченными Владимиром Ильичем, смотрели мы в окно, как его на носилках вносили в машину, чтобы везти в Горки, где он оставался уже до конца своей жизни.

Со всей силой своей железной воли боролся за выздоровление Ленин. В июле в здоровье его наступило некоторое улучшение. Он уже начал ходить без посторонней помощи, опираясь лишь на палку. Врачи подавали надежды на выздоровление. 19 октября, выйдя на прогулку, Владимир Ильич неожиданно зашёл в гараж и потребовал, чтобы его отвезли в Москву. Приехав в Кремль, зашёл к себе на квартиру, заглянул в зал заседаний, в свой кабинет, спустился с лестницы, сел в машину, проехал по сельскохозяйственной выставке в Парке культуры и отдыха и вернулся в Горки. Эту поездку он совершил вместе с Надеждой Константиновной и Марией Ильиничной.

Это была последняя поездка Владимира Ильича в Москву.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДЕРЕВНЯ НАКАНУНЕ РЕФОРМЫ 1837—1838 ГОДОВ

(Нечерноземный район)

Проф. Н. Дружинин

Государственные крестьяне составляли особую прослойку в рядах земледельческого населения дореформенной России. В отличие от помещичьих крепостных, сидевших на землях частных владельцев и обложенных барщиной и оброком, государственные крестьяне сидели на государственной, казённой земле и были обязаны наряду с государственными и местными налогами платить в казну феодальный оброк (в большей части губерний) или отбывать феодальные повинности арендаторам казённых имений (в западных районах). Сословие государственных крестьян было юридически оформлено при Петре I и составилось из разнообразных групп, имевших различную историческую судьбу: из остатков незакрепощённого населения Северного Поморья и Сибири, из завоёванных нерусских национальностей (татар, удмуртов, коми и пр.), из населения коронных польских и шведских имений и т. д. По данным восьмой народной ревизии 1838 г., числилось около 8 млн. государственных крестьян, т. е. 34% всего крестьянского населения империи. Юридически государственные, или казённые, крестьяне считались свободными людьми, но экономически они представляли собой объект феодальной эксплуатации со стороны государственной казны.

В середине 30-х годов XIX в. правительством Николая I была задумана реформа управления государственными крестьянами с целью остановить процесс их хозяйственного упадка, поднять их финансовую платёжеспособность и создать из казённой деревни социально-экономическую опору для выхода из кризиса феодально-крепостнической формации. Проведение реформы было возложено на специально образованное V отделение царской канцелярии, подчинённое графу П. Д. Киселёву. Чтобы разработать проект реформы, Киселёв предварительно произвёл повсеместную ревизию государственных имений, продолжавшуюся 5 лет — с 1836 по 1840 год. Материалы этой ревизии дают возможность обрисовать социально-экономическое положение государственных крестьян накануне реформы Киселёва в различных районах дореформенной России. В частности, немалый интерес представляют сведения о государственной деревне нечернозёмной

полосы, там, где переход от феодальной формации к капиталистической обнаруживался всего быстрее и отчётливее. Иллюстрациями этого процесса могут служить хозяйственные описания трёх крупных нечернозёмных районов — Северного Поморья, Озёрного края и Центральной промышленной области.

Для характеристики Северного Поморья мы располагаем достаточными данными по Вологодской губернии; они находят себе дополнение в сведениях о соседних губерниях и в журнальных описаниях всего Северного края¹. Природные условия Вологодской губернии определяли собой экономику и быт местного крестьянства. Это был край обширных, преимущественно хвойных, лесов и непроходимых болотных топей. Многочисленные реки, в том числе широкая, давно освоенная водная артерия — Северная Двина с притоками, — прорезали огромные, редко населённые пространства. Суровый климат и неплодородная песчано-глинистая почва создавали трудные условия для жизни крестьянина-хлебороба. Зато лесная тайга кишела разнообразными видами северной фауны, а речные побережья были покрыты отложениями ценных ископаемых. По берегам рек и озёр расстились поёмные луга с сочной травяной растительностью, а в лесных чащах местами открывалась возможность расчисток и заведения пашен. В более плодородных, особенно югозападных уездах, с давних времён существовало земледелие; обширные северо-восточные районы, покрытые вековыми лесами, представляли благоприятные условия для развития охотничьих промыслов.

¹ Центральный архив народного хозяйства (ЦАНХ), ф. V о., д. № 26454, 26453, 26456, 26485 (№ 29); Лоден Э. Хозяйственное обозрение Вологодской губернии («Журнал министерства государственных имуществ» «ЖМГИ» №№ 1 и 2 за 1943 г.; «Хозяйственное обозрение северного края России» («ЖМГИ») №№ 4 и 5 за 1841 г.; Келлер И. О мочальном промысле («ЖМГИ» № 3 за 1841 г.).

Государственные крестьяне Вологодского края в подавляющем большинстве были потомками старинного, чернососного крестьянства, не знавшего крепостного права и составлявшего свободные земельные общины. По данным ревизии Киселёва, из всей массы государственных крестьян только 26% входило в категорию экономических крестьян, когда-то принадлежавших многочисленным северным монастырям.

Своеобразным явлением Вологодской губернии было наличие половников, сидевших на частновладельческих землях и частью обложенных подушной податью. По национальному составу вологодские крестьяне делились на русских, населявших главным образом средние и югозападные уезды, и коми, занимавших по преимуществу северные районы.

Население было рассеяно больше всего по течению рек; некоторые волости были удалены от губернского центра на полторы тысячи вёрст; отдельные селения оказывались замкнутыми и резко обособленными друг от друга лесами при отсутствии хороших соединительных дорог.

Когда летом 1837 г. вологодский ревизор Нагель попал в центральный Вельский уезд, он с огромным трудом мог проникнуть в деревню Силицкую: с одной стороны она была отделена от Устьянских волостей 26-вёрстным волоком, покрытым «болотами, пнями и грязями», с другой стороны через сплошные болота её соединял 30-вёрстный, почти непроходимый волок с торговым посёлком Черевковым. Чтобы попасть из Силицкой в Черевков, Нагелю нужно было или ехать 600 вёрст круглым путём, через Архангельскую губернию, или при помощи героических мер отважиться на преодоление 30-вёрстных разливавшихся болот. Ревизор выбрал последний путь: мобилизовал сотню крестьян, взял переменных лошадей и при помощи «разных снарядов» после 14-часовой напряжённой борьбы с природой переташился через 30-вёрстную преграду. Эти особенности Вологодского края задерживали социально-экономическое развитие государственной деревни, консервировали старинные, патриархально-застойные формы хозяйственной жизни.

Так же как в XIV—XVII вв., основным занятием вологодского крестьянства оставалась лесная охота на крупного и особенно на мелкого зверя. Вековое истребление северной пушнины не могло уничтожить безграничные богатства Северного края: ещё сохранялись куницы и горностаи, водились медведи, песцы и лисы; тайга кишела огромным количеством белок и рябчиков. Каждую зиму в конце ноября из деревень, населённых коми, начинался выход охотничьих артелей, человек по двенадцати, вооружённых самодельными винтовками и компасом. На собаках везли запасы сухарей; проникали в лесные чащи, иногда на 500 вёрст от места постоянного жительства, жили во временных шалашах и до конца декабря били лесного зверя. Охотники возвращались нагруженные добычей и после месячного отдыха снова отправлялись в лес, где проводили время до конца марта.

По берегам рек и озёр по-старому процветало рыболовство.

Земледелие в средних уездах — Великоустюжском, Вельском, Никольском, Тотемском — велось по традиционной системе — на лесных пожогах: предварительно вырубались участки крупного леса, который выжигался и превращался в «подсеку», хорошо удобренную древесной золой; на этих пашнях получалось несколько урожаев ржи, затем полевые угодья забрасывались на 8—12 лет, и они снова покрывались лесными зарослями. На вторично вырубленных и очищенных «пальниках» разводили лён. Югозападнее — в Вологодском, Грязовецком, Кадниковском уездах — существовали постоянные трёхпольные пашни, которые поддерживались навесным удобрением. Для урожая хлеба требовались ранние посевы. Местами применялся способ искусственного дозревания: крестьяне вынуждены были жать хлеб ещё зелёным и связками развешивать на изгородях и стойках колосьями вниз. Из сельскохозяйственных культур преобладали рожь, овёс и ячмень. В огородах разводили капусту, редьку и особенно репу; всё шире распространялись посевы картофеля.

По берегам Сухоны, Юга, Вилети и других рек с большим успехом разводили лён. Местами, на подсеках, сеяли тимофеевку, которая восполняла недостаток лугового пространства.

Скотоводство играло вспомогательную роль и должно было обеспечивать поля навесным удобрением. Вологодский скот в 30-х годах XIX в. не отличался высокими качествами; из-за недостатка кормов его питали соломою, и только на поёмных лугах Двины, Вычегды и Сысолы государственные крестьяне могли откармливать скот на убой, пользуясь им как дополнительным источником денежного дохода.

Земледельческий инвентарь почти повсеместно был крайне примитивным: пахали косулей, близкой к типу сохи, разрыхляли землю деревянной сучковатой бороной, жали серпом, косили старинной «горбушей» с короткой рукояткой, низко наклонившись над землёй. Малорослые и плохо упитанные лошади тянули одноколые телеги. На северо-востоке вместо телег часто употребляли простые полозья или дровни.

Патриархальному земледелию соответствовали такие же черты деревенского быта: обилие леса помогало строить большие, поднятые над землёй избы; но эти избы были большей частью курные, с печами без труб, соединённые общей соломенной или деревянной кровлей с надворными постройками — сеновалами, овинами и скотным двором.

В вологодской деревне господствовало натуральное хозяйство: из окружающего леса строили избы и делали предметы домашнего обихода; из собственного холста и овечьей шерсти изготавливали одежду; питались продуктами своего хозяйства — охотничьего, рыбного, земледельческого.

Но и в этом отсталом деревенском хозяйстве возникали новые экономические процессы, постепенно подтачивавшие традици-

онные устои. Государственные крестьяне не могли жить без содействия рынка: они нуждались не только в привозном хлебе и соли; не только покупали земледельческие орудия и железо, тратились на водку и табак; усиление налогового пресса настойчиво требовало от государственной деревни изыскания новых, более широких источников денежного дохода. Несмотря на обилие пустующих казённых земель крестьянские наделы были недостаточны по своим размерам. При скудости почвы и суровости климата 3—4 десятины на ревизскую душу не могли обеспечить прожиточного минимума вологодского крестьянина. Поиски дополнительного дохода находили себе опору в наличии судоходных водных путей, которые соединяли Северное Поморье с одной стороны с беломорскими портами, прежде всего с Архангельском, с другой стороны — с внутренними губерниями и, в частности, с Петербургом. Открывалась возможность вывозить местные лесные и земледельческие продукты, а это давало толчок развитию промыслов и товарно-денежного обращения. В прилегающих лесах крестьяне гнали смолу, жгли уголь, занимались сидкой дёгтя, добывали золу и сажу, рубили, пилили и сплавляли деревья. В начале лета крестьяне Никольского уезда целыми семьями уходили в липовые леса, сдирали липовую кору, мочили и раздирали её на ленты, ткали рогожи, плели лапти, изготовляли мочала и снасти.

В широких размерах были распространены собиране и заготовка грибов и ягод. Ближе к речным дорогам, особенно по реке Сизьме, была развита постройка барок. В связи с обилием леса и дерева, особенно в Кадниковском уезде и около Устюга, процветали плотничье и столярное ремёсла. На берегах рек крестьяне занимались в лоцманы и сплавщики барок. В районах ископаемых ломали и перевозили известковую плиту, точильный камень, слюду, разрабатывали песок и глину.

Из продуктов земледельческого хозяйства широко сбывался лён: его продавали в Архангельск и Петербург по 9—13 руб. за пуд. В Грязовецком, Вологодском и Вельском уездах из льна изготовляли тонкую пряжу, холстину и полотно; местами, там, где было больше развито скотоводство, сбывали в Петербург масло и мясо. Для обмена и скупки товаров существовали торговые центры, вроде еженедельного воскресного базара в селе Черевкове, Вельского уезда, или имевшей крупное хозяйственное значение Грязовецкой ярмарки.

Насколько значительна была речная перевозка товаров, показывают данные о размерах местного судоходства: в 1838 г. по северным рекам прошло 4683 судна, плота и лодки. Судоходством было занято 27 234 человека. Существовал и массовый отход на заработки, особенно в Петербург, куда ежегодно направлялись каменотёсы, каменщики, печники, землекопы; общее количество отлучавшихся по паспортам достигало 13½ тыс. человек, из них значительную долю составляли государственные крестьяне.

К сожалению, ни данные ревизии, ни журнальные сводки не выясняют нам социальной природы мелких промыслов Вологодской губернии. Источники говорят об артелях охотников и участников мочального промысла, но мало останавливаются на вопросе об организации производства и сбыта продуктов. Однако несомненно, что наряду с одиночными самостоятельными ремесленниками здесь действовали скупщики и мелкие предприниматели. Данные ревизии говорят о заметном расслоении вологодского казённого крестьянства. В Вельском уезде государственные крестьяне в среднем имели на душу по $\frac{3}{4}$ лошади, по $1\frac{1}{2}$ коровы и по 2 овцы, но были крестьяне зажиточные, имевшие от 5 до 15 коров и до 30 голов мелкого скота, и были крестьянские дворы, не имевшие ни одной лошади и ни одной коровы. Некоторые зажиточные крестьяне скупали наделы своих односельчан и вели хозяйство с помощью батраков, которые за 5 летних месяцев получали от 30 до 60 руб. ассигнациями. Деревенские богатеи, выступали в роли «мужиков-монополистов», скупавших по дешёвой цене продукты мелких нуждающихся хозяев. Повидимому, из той же зажиточной среды выдвигались отдельные капиталисты, бравшие на себя подряды и поставки. Вологодский ревизор подробно знакомит нас с ростовщическими операциями процветавшими в Устьянских волостях, Вельского уезда.

После уборки хлеба местная земская полиция жестоко выколачивала подати и недоимки. Бедные крестьяне вынуждены были продавать хлеб и скот богатым мужикам за две трети цены: хлеб — по 80—90 коп. за пуд вместо 1 р. 10 к. — 1 р. 20 к., корову — за 3—5 руб. вместо рыночных 6—7 руб.; спустя некоторое время те же крестьяне, нуждавшиеся в хлебе, должны были покупать его у богатых мужиков по 1 р. 60 к. — 1 р. 80 к. за пуд; не имея свободных денег, они были обязаны расплатиться осенью, с накидкой 15%.

Хотя в вологодской деревне практиковались уравнительные переделы, но фактически они не достигали поставленной цели: в состав «добросовестных» мерщиков обыкновенно попадали сторонники богатеёв-кулаков, и переделы земельных угодий совершались в интересах зажиточной верхушки.

Тем не менее крестьянское самоуправление сохранило в этих отдалённых и замкнутых районах больше пережитков старины; влияние вековых традиций налагало определённую печать на крестьянскую общину; деревенские выборные были теснее и глубже связаны с земледельческими массами, а сами крестьянские массы сохранили в себе больше инициативы и независимости.

Среди вологодских казённых крестьян было немало хронических недоимщиков, за которых «в разруб» платили, хотя и сильно ропща, богатые односельчане. Обеднение Устьянских волостей, усилившееся после неурожаев и падежей скота в 1830-х годах, обратило на себя особенно пристальное вни-

мание ревизора. Главные причины этого явления он видел в малоземелье, недостатке промыслов и в эксплуатации крестьянской массы властными богатыми. Под давлением вечной нужды в ряде районов Вологодской губернии обнаружилась массовая тяга крестьян к переселению.

В общем та же картина открывается перед нами при изучении Архангельской и Олонецкой губерний: и здесь вследствие обилия лесных пространств и рыболовных угодий преобладали охота, рыбная ловля и лесные промыслы. И здесь, в условиях натурального хозяйства и застойной техники, крестьяне втягивались в товарно-денежные отношения, сбывая на рынок продукты своего труда, нанимаясь на лесопильные и другие заводы, уходя на дальние заработки. И тут, с одной стороны, выделялись скупщики и предприниматели, с другой — малоземельные недоимщики — батраки¹.

Северозападный Озёрный край во многом напоминал Северное Поморье: обилие лесов, болот и озёр, неплодородная глинисто-песчаная почва и относительная близость морского побережья оказывали сильное влияние на хозяйственное развитие этого района. Но Озёрный край имел свои отличительные особенности, которые резко выделяли его из состава прилегающих губерний. Для характеристики этой северозападной полосы Европейской России мы имеем достаточный материал, относящийся к ревизии Псковской губернии. В 1826 г. она была сделана объектом административных экспериментов и превращена в образцовую губернию с преобразованным управлением.

Псковская губерния, подобно Петербургской и Новгородской, занимала иное положение, чем отдалённое Северное Поморье: она была расположена южнее и ближе к западному морскому побережью; климат её не был таким суровым и отличался большей влажностью, что создавало более благоприятные условия для развития земледелия и скотоводства. С другой стороны, Псковская губерния с давних пор была плотнее заселена и многочисленными водными путями теснее связана с южными и восточными районами. Её лесистый покров подвергся большому истреблению и не имел такой многообразной и богатой фауны, как северная тайга. В течение многих веков здесь развивалась сельскохозяйственная культура, земля очищалась от валунов и камней, почва подвергалась удобрению и обработке. Наконец, Псковская губерния граничила с важнейшими вывозными портами и была пространственно и экономически связана со столичным военно-административным и политическим центром — Петербургом. Эти особенности топографии и исторического

прошлого обусловили характерные черты в экономической жизни псковской государственной деревни.

Казённые крестьяне Псковской губернии не представляют такой компактной и преобладающей массы местного населения, как в Вологодской губернии. Происхождение и состав псковского казённого крестьянства были тоже иными: подавляющее большинство (более 70%) принадлежало к числу экономических, т. е. бывших церковных и монастырских, крестьян; второе место по численности (около 24%) составляли бывшие удельные, также крепостные крестьяне. Они были рассеяны на значительной территории небольшими сёлами и деревнями, часто по 1—5 дворов; поселения по 20—50 дворов были редкостью, а многонаселённые сёла, по 100—200 дворов, встречались только отдельными единицами. Однако псковская деревня не знала той замкнутости и разбросанности, которые отличали глухие уезды Северного Поморья: не только озёрными и речными путями, но и многочисленными сухопутными дорогами она была втянута в живой оборот внешнего и внутреннего общения. Благодаря близости к морю и к Петербургу, в условиях древней сложившейся торговли псковское казённое крестьянство интенсивнее и быстрее переживало сменявшиеся фазы социально-экономического развития.

Охота на лесного зверя и птицу не могла иметь здесь такого крупного определяющего значения, как в Вологодской губернии: она играла вспомогательную роль и была подсобным источником крестьянского питания и денежного дохода. Гораздо важнее было занятие рыболовством, особенно на берегах Псковского озера, обильного разнообразными видами рыб.

Но основным, глубоко укоренившимся занятием деревенского населения было не рыболовство, а земледелие. Несмотря на скудную, часто каменистую почву, истощённость плохо удобряемой почвы, низкий уровень сельскохозяйственной техники и недостаточные земельные наделы, псковские крестьяне были прежде всего упорными и привычными хлеборобами. Поля засеивались рожью, ячменём, овсом и немного — гречихой. Повсеместно возделывался картофель. В северозападных уездах — Порховском, Псковском, Островском, Олонецком, Новоржевском — яровые поля целиком были заняты культурой льна.

Однако земледелие, как правило, не обеспечивало потребностей государственного крестьянина. Чтобы иметь достаточный доход, земледелец должен был располагать определённой нормой надела с удовлетворительным качеством почвы и минимальным количеством скота. По наблюдениям псковского ревизора, поля Псковской губернии имели три типа почвы: суглинок или красную глину, смешанные с песком и чернозёмом, — это были лучшие земли, которые могли при удобрении давать хорошие урожаи; хрящеватую почву из небольшого количест-

¹ Расслоение в Ижемской волости, Архангельской губ., см. у Д. М. Хонькина. Волнения ижемских крестьян 1833—1838 гг., стр. 6—25.

па глины, смешанной с серой землёй и мелким камнем, — эти земли были среднего качества и требовали большего унавоживания; твёрдую глину, подзол и чистый песок, составлявшие неплодородную землю и дававшие урожай только при условии обильного удобрения. По вычислениям того же ревизора, обладатель 6 десятин хорошей почвы и 9 голов скота (5 крупного и 4 мелкого), дававшего ежегодно по 40 возов навоза на десятину, мог получить 44 руб. чистого дохода и покрыть все необходимые расходы; то же крестьянское семейство, располагавшее 8 десятинами средней земли и 11 головами скота (в том числе 7 крупного), могло вложить 60 возов удобрения на десятину и получить чистого дохода 5 р. 50 к., т. е. сумму, недостаточную для уплаты податей; наконец, имея 12 десятин худшей земли и 13 голов скота, крестьянин вкладывал в каждую десятину 75 возов удобрения и получал «умеренный» урожай, дававший денежный дефицит в 13 рублей 25 копеек. Каждое семейство, в вычислениях ревизора, имело 2 мужских

души. В состав земельной нормы включалась и сенокосная земля: в первом случае — 1½ десятины, во втором — 2 и в третьем — 3 десятины.

Таким образом, только лучшие почвы обеспечивали прожиточный минимум псковскому крестьянину и освобождали от необходимости изыскивать дополнительные источники денежного дохода. Но такие земли были сравнительно редки; в подавляющем большинстве случаев крестьянин нуждался в подсобном заработке, даже имея достаточные наделы и значительное количество скота. Но ни нормальных земельных наделов, ни указанного количества скота и навоза не было в распоряжении псковского государственного крестьянина.

Статистические материалы, собранные ревизией по 26 казённым волостям Псковской губернии, дают нам наглядное представление о качественном и количественном распределении земли между государственными крестьянами. Подводя итоги по волостным данным, мы получаем следующую картину распределения почв¹.

№	Качество земли	Число волостей	Число ревизских душ	% к общему числу ревизских душ
I	Выше посредственного	7	25 491	29,6
II	Посредственное	13	42 089	49,0
III	Ниже посредственного	6	18 417	21,4
Итого		26	85 997	100

Таким образом, на основании личного обследования ревизора, которое охватило более трёх четвертей наличного крестьянского населения, менее трети земледельцев имели почвы, приближающиеся к первому

типу, около половины — земли среднего качества и более одной пятой — неплодородные угодья.

Количественно эта земля распределялась следующим образом:

Средние размеры надела на ревизскую душу	Число волостей	Число ревизских душ	% к общему числу душ
Менее 2 десятин	3	11 112	12,9
От 2 до 3 десятин	14	50 548	58,8
„ 3 до 4 „	4	13 781	16,0
„ 4 до 5 „	2	7 032	8,2
Более 5 десятин	3	3 524	4,1
Итого	26	85 997	100

Следовательно, более 70% учтённых земледельцев имели менее 6 десятин на семейство, состоявшее из 2 мужских ревизских душ, т. е. менее той нормы, выдвинутой ревизором, которая соответствовала почвам наилучшего качества. Но так как почвы высшего качества принадлежали самое большее одной трети деревенского населения, то отсюда ясно, насколько наделение псковских государственных крестьян противоречило требованиям безубыточного сельского хозяйства (остальные нуждались в 8—12 и более десятинах). Таков был результат хищнических захватов со стороны поме-

щиков и бюрократической политики министерства финансов.

Положение ещё более ухудшалось вследствие недостатка сенокосов и, следовательно, невозможности держать нужное количество скота и иметь требуемое количество навозного удобрения. Таково общее впечатление, вынесенное ревизором из посредственного осмотра государственных имений. В этом отношении показательны данные по сельским приказам, отошедшим

¹ Таблица вычислена на основании данных в деле № 26423, лл. 37—39.

в казну из удельного управления: они имели следующее количество лошадей, ро-

гатого скота и мелкого скота (овец, свиней и пр.)¹:

Приказы	Число селений	Число дворов	Лошадей		Рогатого скота		Мелкого скота	Скота на двор
			всего	на двор	всего	на двор	Всего	
Псковской (Псковского и Порховск. уезд.)	125	1 070	1 620	1,5	4 116	3,8	7 629	7,1
Грибулевский (Островского у.) . .	139	828	1 513	1,6	4 706	5,7	10 076	12,1
Велейский (Опочецкого у.)	269	1 027	1 967	1,9	7 352	7,1	7 908	7,7
Покровский (Опочецкого у.)	234	1 076	2 114	2,0	6 042	5,6	6 617	6,1
Воронецкий (Опочецкого у.)	126	629	1 184	1,9	3 907	6,2	4 559	7,2
Спасо-Никольский (Великолуцкого у.)	134	763	1 930	2,5	3 840	5,0	13 100	17,2
Вязовский (Великолуцкого у.) . . .	199	1 106	2 190	2,0	4 557	4,1	6 737	6,1

По общему заключению современников, хозяйственное положение удельных крестьян было значительно лучше, чем крестьян государственных. Но, как видим, и в этой, наиболее обеспеченной прослойке казённого крестьянства только обладатели высококачественных и средних земель (и то не всегда) могли получить нормальное количество навоза. Кроме того не следует забывать, что перед нами средние, живелированные цифры: большинство крестьян даже в сельских приказах имело гораздо меньше скота, — итоги, данные по приказам, искусственно увеличены за счёт многолошадных и многоскотных дворов деревенских богатеев.

Гораздо хуже было состояние коренных, давно закреплённых за казной государственных крестьян. В качестве примера можно привести распределение лошадей в Чужбинской волости, Псковского уезда. В её состав входило 24 деревни, насчитывавшие 205 дворов. В 18 деревнях (129 дворов) крестьяне имели в среднем по одной лошади, а в 6 деревнях (76 дворов) 38 хозяев были безлошадными. В частности, в деревне Тербищ (24 двора) половина хозяев не имела лошадей; в деревне Чужбине из 15 дворов только 5 имели лошадей; в деревне Выслово безлошадных было 4 двора из 7; в Амосове и Теплякове (по 3 двора каждое) сохранилось только по одной лошади на всю деревню².

В результате скудости почвы и малого количества удобрения псковская государственная деревня страдала низкими урожаями: по вычислениям ревизора, в среднем за предшествовавшие 10 лет лучшие почвы давали сам-шесть озимого и сам-четыре ярового, а худшие почвы — сам-три озимого и сам-два ярового.

Главным подспорьем крестьян были яровые посевы льна, на который прогрессивно повышался спрос и стояли выгодные товарные цены. Однако и здесь ревизор имел основание бить тревогу: вследствие недостатка удобрения урожай льна понижались, и эта важнейшая отрасль псковского земледелия не имела под собой твёрдого основания.

Земельный вопрос в псковской государственной деревне осложнялся, как и в дру-

гих районах, крайней неравномерностью распределения земли не только между хозяевами одного и того же селения, но и между различными казёнными селениями. Чтобы устранить эту неравномерность и привести наделение землёй в соответствие с меняющимся составом семейств, крестьянская община производила периодические переделы; ежегодно присяжные мерщики вносили поправки в наличное землевладение каждого селения; после каждой народной ревизии производилось уравнивание земель между селениями. Особенно тщательно делились полосно, на «коны», сообразно качеству почвы, так называемые ободворочные земли, находившиеся поблизости от селения, около дворов, и подвергавшиеся более интенсивному удобрению и использованию. Лесные и сенокосные угодья оставались в общем пользовании, причём сенокосы отводились ежегодно, соразмерно потребностям каждого крестьянского семейства. Чересполосный делёж ободворочных земель назывался «чёрным делом» и сохранялся как традиционный, общепризнанный обычай.

Социально-экономические сдвиги, которые переживала государственная деревня, наносили удары практике общинных переделов: по донесениям ревизоров, ободворочные земли, как лучше расположенные, стали закрепляться за семействами на правах неизменного, потомственного владения; некоторые вытчки стали захватывать себе из общинных угодий больше земли, чем полагалось им по установленному праву, а междуселенные переделы, которые производились от ревизии к ревизии, стали сопровождаться вопиющими злоупотреблениями мерщиков. При осмотре имений псковский ревизор был засыпан жалобами крестьян на неправильное распределение земель после ревизии 1835 г.: мерщики вымогали взятки у отдельных селений и обделяли менее податливые общества; не уплатившие взток получали взамен пахотных угодий исключительно неудобные земли, хотя и в двойном количестве; им отводили дачи за

¹ ЦАНХ, ф. V о., д. № 26123, лл. 32—33.

² Там же, лл. 18—19.

10—25 вёрст от селения; некоторым считали десятину в 2400, другим — в 3200 кв. сажень, отнимали у селений лучшие, удобренные земли и отдавали их другим. В нарушение действующего закона отрезали уголья у селений, не имеющих 8-десятинной пропорции. Бывали случаи, когда земля, отведённая селению и уже использованная крестьянами, отбиралась обратно и передавалась другому крестьянскому обществу. Результатом подобных переделов было разорение многих крестьян, которые были лишены возможности обрабатывать доставшиеся им участки. Это разложение старинных, общинных обычаев, которое ещё больше обостряло аграрную проблему, коренилось в глубоких изменениях хозяйственной жизни псковского государственного крестьянства¹.

Господство натурального хозяйства не мешало псковской деревне ещё в давние времена поддерживать связи с местным и даже с внешним рынками. В начале XIX в., в условиях роста товарно-денежного обращения, эти связи стали более широкими и более сложными. Малоземелье, недостаток скота, низкая урожайность делали традиционное земледельческое хозяйство ненадёжным источником крестьянского дохода. Подавляющая масса государственных крестьян могла удовлетворять свои основные потребности и уплачивать многочисленные сборы только при одном условии: если она получала подсобный заработок от занятий торговлей и промышленностью. Близость балтийских портов и Петербурга открывала в этом отношении большие возможности пе-

ред псковской государственной деревней. Крестьяне сбывали на рынке не только лён: в Холмском уезде, более богатом лугами, они сплавляли в Петербург по реке Ловати большие транспорты с сеном, в лесных районах занимались возкой и продажей дров, около Пскова продавали огородные овощи и нанимались в извоз; в Вязовском приказе, Великолуцкого уезда, не имевшем земель, пригодных для земледелия, обменяли различные районы и выменивали мелочной товар на шетину; этой торговлей было занято 2 тыс. человек, они ежегодно выручали до 60 тыс. рублей. Наряду с торговлей были распространены местные мелкие промыслы: в уездных городах и торговых селениях много крестьян было занято треплей льна; там, где ещё не были истреблены леса, так же как на севере, гнали дёготь, делали деревянную посуду, изготовляли сани, телеги и разные деревянные поделки, пилили лес, строили и сплавляли барки, добывали средства плотничьим ремеслом. На островах Псковского озера и в приозёрных деревнях процветала рыбная ловля. Около Изборска существовали алебастровые ломки. В разных пунктах губернии крестьяне занимались выделкой кирпича и гончарной посуды, обработкой овчин и кож, сапожным и портновским мастерством. По подсчётам ревизора, ежегодно около 10 тыс. человек выбирали паспорта и отправлялись в отхожие промыслы².

О степени развития и доходности промыслов можно судить по материалам сельских приказов бывших удельных крестьян. Данные, представленные ревизором, таковы³:

Название приказов	Число селений	Число дворов	Число промышленников			Средний ежегодный доход	
			Торгующ. со-совест.	Хозяев	Работников	общий с земледелием	независимо от земледелия
Псковский	125	1 070	5	918	531	98 220	46 734
Грибулевский	139	828	—	533	940	110 000	43 180
Велейский	269	1 027	1	860	1 226	119 705	63 261
Покровский	234	1 076	1	726	1 117	90 418	59 198
Воронецкий	126	629	1	250	568	32 900	34 978
Спасо-Никольский	134	763	—	597	250	4 340	33 662
Вязовский	199	1 106	—	918	898	—	53 610
Итого	1 226	6 499	8	4 802	5 530	455 583	334 623

Эти итоги представляют двойной интерес. Прежде всего они показывают, насколько широко было охвачено псковское крестьянство промысловыми занятиями и какой крупный удельный вес имели промыслы в денежном бюджете крестьянина: в Воронежском и особенно в Спасо-Никольском приказах промышленность занимала ведущее место в экономической жизни населения. С другой стороны, таблица бросает свет на классовую природу крестьянских промыс-

лов: наряду с рубрикой «Хозяев», под которыми скрываются не только самостоятельные ремесленники, но и мелкие капиталисты-предприниматели, мы находим здесь категорию «работников», которые продавали этим предпринимателям рабочую силу. Сохранились более подробные данные по Спасо-Никольскому приказу, которые помогают

¹ ЦАНХ, ф. V о., д. № 26424, лл. 9—11, 57—120.

² Там же, лл. 12—18; Гернгросс А. Алебастровые ломки в Псковской губернии («ЖМГИ» № 6 за 1842 год).

³ Там же, д. № 26423, лл. 32—33.

конкретнее представить условия возникновения и развития промысла псковского государственного крестьянства. Спасо-Никольский приказ насчитывал 2782 мужчин и 3175 женщин. Земли считались здесь достаточно хлебобородными; крестьяне засевали в общем 2799 четвертей ржи и получали от этого озимого клина 11 196 четвертей, т. е. урожай был сам-четыре; на яровых полях посев равнялся 3499 четвертям, а урожай — 12 199, т. е. сам-три. Тем не менее в силу малоземелья (средний надел удобной земли составлял здесь 3,83 десятины) урожая хватало только для собственного потребления и в продажу на рынок ничего не поступало. Почва не благоприятствовала разведению льна, и этот важный источник денежного дохода был недоступен спасо-Никольским крестьянам. Оставалось покрывать необходимые денежные расходы промысловыми занятиями¹: выделкой кож, изготовлением колёс и гончарной посуды, плотничьим ремеслом. Кроме того крестьяне занимались извозом: они отправлялись в Петербург, Ригу и Нарву, откуда привозили сельди и соль². Таким образом, в Псковской губернии даже в районах лучших земель занятие промышленностью и подсобные заработки иногда оказывались необходимым условием для поддержания самостоятельного крестьянского хозяйства.

К такому же выводу приводят нас данные по деревне Киришино, Чужбинской волости, Псковского уезда, населённой давними государственными крестьянами. В селении было 54 ревизские души (из них одна — «неосёдлая»), которые имели в своём распоряжении 100 дес. 600 саж. пахотной земли, 46 дес. 1600 саж. сенокоса и 9 дес. 800 саж. неудобной земли. Следовательно, в среднем на каждую ревизскую душу приходилось по 1 дес. 2040 саж. пашни и менее 1 дес. сенокоса. По приблизительному вычислению ревизора, средний урожай, собранный с такого среднего надела, мог быть оценён в 54 р. 37 к., но этот условный «доход» ещё не характеризует действительных денежных поступлений. В условиях остро малого земельного большая часть урожая потреблялась самими крестьянами, и для уплаты повинностей, так же как для покупки нужных товаров, приходилось прибегать к неземледельческим занятиям. В районе Чужбинской волости находились залежи глины и камня, которые разрабатывались местными крестьянами. От ломки плиты и камня и от выделки кирпича население Киришина получало в среднем по 12 р. 26 к. ежегодного дохода на ревизскую душу. Кроме того 19 хозяев занимались «вольными промыслами», которые в среднем давали по 65 р. 78 к. дохода на каждое семейство. Таким образом, доход от промышленности значительно превышал условный «доход» от земле-

делия. Сельское хозяйство удовлетворяло натурой основные потребности крестьянина — в питании, частью в одежде и в жилище. Все остальные нужды надо было покрывать с помощью промышленности. Так местные природные и социальные условия неотвратимо толкали псковского государственного крестьянина на внеземледельческие промыслы, втягивая его в орбиту развивающегося денежного хозяйства³.

Данные о классовом расслоении спасо-Никольских крестьян подтверждаются другими наблюдениями и выводами ревизора. Крестьянские промыслы Псковской губернии находились под сильным влиянием торгового и ростовщического капитала. На рыбных ловлях по берегам Псковского озера было занято 319 человек, из которых 80 были «хозяевами», получавшими по 500 руб. ежегодного дохода; 75 работников-рыболовов получали в среднем по 150 руб. заработной платы в рыбный сезон. Кроме того зажиточные псковские крестьяне торговали скотом, содержали почтовые станции и постоялые дворы; доходы таких предпринимателей колебались от 300 до 500 руб. в год. На Изборских алебастровых ломках работали крестьянские артели по 4—8 человек, которые сбывали продукцию оптовым торговцам, жестоко эксплуатировавшим работников: крестьяне брали у скупщиков ссуды деньгами и хлебом, получали от них орудия труда и должны были отрабатывать эти ссуды на кабальных условиях за низкую заработную плату. Треплею льна крестьяне занимались по вольному найму, получая на собственном содержании от 15 до 25 руб. в месяц. Богатые крестьяне-рыбопромышленники имели у себя не только большие склады для пойманной и консервированной рыбы, но и снеткосушильные печи — «верный главнейший источник их благосостояния».

Торговый капитал не только налагал руку на крестьянские промыслы: он проникал и в сферу земледельческого хозяйства, создавая кабальные условия для сбыта сельскохозяйственных продуктов. Продажа льна в Псковской губернии была сосредоточена в руках нескольких десятков крестьян, которые обладали капиталом от тысячи до 15 тыс. рублей. Живя в волостях основных льноводческих районов, эти «бульнии» держали от себя в экономической зависимости массы крестьян-земледельцев. Пользуясь нуждой государственных крестьян, они закупали лён на корню, выдавая земледельцам денежные ссуды под ростовщические проценты. Собранный урожай целиком поступал в распоряжение бульней, которые произвольно устанавливали низкие цены на лён, беспощадно обмеривали и обманывали при расчётах свою клиентуру и вдобавок требовали от крестьянина нескольких недель отработок. «От сего притеснения,— заключает свои наблюдения псков-

¹ Под рубрикой «Доход общий с землей» в Спасо-Никольском приказе разумеется доход, связанный с разработкой глины.

² ЦАНХ, д. № 26423, лл. 45—46.

³ Там же, лл. 34—35.

ский ревизор, — крестьяне томятся в постоянной нищете, а кредитом, оказываемым им булыжниками, сопряжённым с разорением поселян и основанным на выгодах нескольких монополистов, купечеству пресечен путь к правильной торговле». Скупленные запасы льна сосредоточивались в крупном торговом посаде Сольцы, а отсюда по водным путям переправлялись в Петербург, где продавались по высоким рыночным ценам и доставляли огромные барыши крестьянам-спекулянтам. Капиталистическое предпринимательство сочеталось здесь с примитивными формами феодальной эксплуатации, в соответствии с уровнем развития отсталого, полунатурального хозяйства.

Таким образом, внедрение денежно-рыночного обращения сопровождалось в государственной деревне Псковской губернии процессом расслоения крестьянства, ещё более отчётливым и заметным, чем в губернии Вологодской. На одном полюсе государственной деревни складывалась прослойка крестьян-«хозяев» и скупщиков, расширявших размеры своих сельскохозяйственных угодий; на другом полюсе из среды крестьянской массы выделялись обедневшие и разорённые земледельцы, которые забрасывали сельское хозяйство и предпочитали сдавать свои земли в аренду зажиточным односельчанам. По данным ревизии, из 114 594 ревизских душ 3343 души, т. е. 3%, состояли в разряде несёдлых и бездомовных. Но и средние слои псковского государственного крестьянства не пользовались обеспеченностью и довольством. Псковская губерния числилась одной из самых недоимочных; несмотря на многократные рассрочки и сложения задолженных сумм, податные недоборы прогрессивно росли и были одним из источников растущего беспокойства министерства финансов. И здесь наблюдалась стихийная тяга к переселению, которое казалось разоряющимся крестьянам единственным средством поправить своё пошатнувшееся хозяйство. Сам ревизор, подводя итоги безрадостным наблюдениям над положением псковских государственных крестьян, приходил к выводу, «что одни ремёсла и промыслы поддерживают и могут упрочить быт и что одно развитие сих способов может улучшить их состояние и уничтожить быстро возрастающую бедность некоторых деревень».

Судя по отрывочным данным, сохранившимся по Новгородской и Петербургской губерниям, социально-экономические особенности псковской деревни с некоторыми неизбежными отклонениями были характерными для государственных крестьян всего Северозападного края. Повсюду мы встречаем приблизительно такие же природные условия, относительно низкую урожайность, недостаток доходов от хлебопашества, развитие торговли и промыслов и прогрессирующее расслоение крестьянской массы¹.

Центральный промышленный район по своим природным условиям и историческому развитию существенно отличался и от Северного Поморья и от Северозападного края. Расположенный несколько южнее, он имел более тёплый климат, благоприятствовавший развитию земледелия. Хотя суглинистая и супесчаная почва этого района сильно уступала чернозёму плодородного юга, но при наличии систематического удобрения она обеспечивала население достаточные урожаи. Здесь не было такого обилия лесов, болот и озёр. Многовековая эксплуатация природных богатств привела к сильнейшему сокращению лесных массивов и уничтожению когда-то изобильной лесной фауны. На расчищенных площадях с давних пор были заведены пахотные и сенокосные угодья, жилое густое и хозяйственно спаянное население. Большие судоходные и сплавные реки — Волга, Ока и их многочисленные притоки — связывали этот район с самыми отдалёнными областями запада, востока и юга. Сама природа способствовала превращению этого старинного населённого края в экономическое средоточие Восточноевропейской равнины. Условия исторического развития Центрального района ещё более закрепили за ним это общественное значение. Именно здесь создавалась наиболее благоприятная обстановка для возникновения денежного хозяйства, роста торгового обращения и широкого распространения промышленных предприятий.

Несмотря на более благоприятные почвенные и климатические условия сравнительно с Северным Поморьем и Озёрным краем земледелие в Центральном промышленном районе не могло обеспечить прожиточного минимума государственному крестьянству. В результате непрерывной, многовековой обработки, при господстве трёхпольной системы и низком уровне техники, суглинки и супески центральных губерний утратили значительную долю своей производительной силы. Земельные захваты и рост народонаселения сильно отразились на размерах крестьянского надела. Сдавленный малоземельем и бессильный возратить истощённым землям утраченное плодородие, государственный крестьянин в не меньшей степени, чем на севере и на северозападе, нуждался в поисках дополнительных источников дохода. Географическое положение и более интенсивное экономическое развитие района открывали перед крестьянином ещё более широкие возможности, чем в губерниях Северного и Северозападного краёв. Начиная с XVI в. здесь наблюдался прогрессирующий рост торговли и промышленности; в XVII в. Москва превратилась в узловой центр общенационального рынка; в XVIII в. здесь разрослась крупная мануфактурная промышленность. Отсюда шли многочисленные сухопутные и водные магистрали, здесь был живой оборот транзитной торговли; растущее городское население служило источником усиливающегося

¹ ЦАНХ, ф. V о., д. № 26423, лл. 135—137.

рыночного спроса. Процессы, подтачивавшие основы феодальной формации, — отделение ремесла от земледелия, развитие денежного обращения, накопление капитала, применение свободной рабочей силы — наблюдались здесь не только в городе, но и в деревне. При этих условиях государственное крестьянство Центрального промышленного района ещё в XVIII в. оказалось втянутым в бурлящий водоворот торгово-промышленной жизни.

Из всех административных единиц данного района наиболее передовой в хозяйственном отношении являлась Московская губерния. Ревизия 1836—1840 гг. не оставила подробного обзора социально-экономической жизни московского крестьянства. Тем не менее сохранившиеся материалы дают нам полную возможность разобраться в специфических особенностях московской государственной деревни.

Охотничьи промыслы не играли здесь определяющей роли, как на севере, и не были развиты в такой степени, как в Озёрном крае. Основным занятием жителей оставалось сельское хозяйство. Но земледелие и скотоводство, стимулируемые близостью крупного столичного центра, всё более и более отступали здесь перед ростом торговли и промышленности, не только мелкой, но и крупной.

По подсчётам московского ревизора, в государственных волостях Московской губернии числилось 143 641 душа мужского пола¹. Значительную долю этого населения составляли экономические, т. е. бывшие церковные, крестьяне; крупными прослойками входили в него однодворцы и ямщики; менее значительными группами являлись старых служб служилые люди, отставные солдаты, архиерейские служители. Степень земельного обеспечения московских государственных крестьян характеризуется следующими поездными данными:

Земельные наделы государственных крестьян Московской губернии

Уезды	Число душ мужского пола	Число семей	Пашни, сенокосы и усадебные земли		Леса с полянами		Всего десятин на душу
			всего десятин	на душу	всего десятин	на душу	
Московский (5 волостей и 1 ям)	12 304	113	30 482	2,4	83 890	2,7	5,1
Коломенский (3 волости и 1 ям)	7 323	32	16 675	2,2	3 390	0,4	2,6
Серпуховский (4 волости и 1 ям)	10 789	71	33 968	3,1	12 696	1,1	4,2
Клинский (5 волостей и 2 яма)	15 858	198	56 681	3,5	47 372	2,9	6,4
Богородский (3 волости)	11 109	109	32 494	2,9	34 834	3,1	6,0
Можайский (3 волости и 1 ям)	6 233	60	23 088	3,7	5 166	0,8	4,5
Рузский (3 волости)	8 822	84	30 474	3,4	10 174	1,1	4,5
Подольский (5 волостей)	7 227	77	25 681	3,5	4 421	0,6	4,1
Бронницкий (3 волости)	6 916	35	17 189	2,4	2 300	0,3	2,7
Верейский (4 волости)	5 964	50	27 154	4,5	7 566	1,2	5,7
Дмитровский (8 волостей)	23 241	287	71 045	3,0	80 419	3,4	6,4
Волоколамский (5 волостей)	10 873	101	39 836	3,6	11 068	1,0	4,6
Звенигородский (6 волостей)	13 982	119	41 347	2,9	24 897	1,7	4,6
Итого 57 волостей и 6 ямов	143 641	1 336	446 065	3,1	278 200	1,9	5,0

Таким образом, средний поездный надел пашенной, сенокосной и приусадебной земли колебался между 2,2 десятины (в Коломенском уезде) и 4,5 десятины (в Верейском уезде) при среднем губернском наделе в 3,1 десятины. При этом наименьшие наделы падали на Московский и восточные уезды — Коломенский, Бронницкий, Богородский; более значительные наделы были в западных и северных уездах — Верейском, Можайском, Клинском, Волоколамском. Однако и максимальные нормы при данном уровне сельскохозяйственной техники не обеспечивали прожиточного минимума государственному крестьянину, тем более что действительные размеры надела были у большинства государственных крестьян ниже этой средней, нивелирующей нормы.

Таким образом, не случайно именно в восточных уездах, так же как в Московском,

была особенно развита крестьянская промышленность. К тому же нуждавшееся крестьянство именно здесь находило благоприятные условия для развития торговли и промыслов: если передовая экономическая роль Московского уезда была обусловлена близостью крупного, многонаселённого центра, то на востоке и на юге проходили важнейшие водные пути и сухопутные тракты; вокруг этих торговых артерий располагались давно сложившиеся торгово-промышленные сёла, в которых из поколения в поколение передавались навыки коммерческого и ре-

¹ В состав населения волостей ревизором были также включены купцы и мещане, жившие в деревнях, обычно выходявшие из среды местного крестьянства. Данные приготовительной комиссии исправили эту цифру в сторону некоторого увеличения.

месленного мастерства. По данным ревизии, дополненным и уточненным последующими изысканиями, наиболее развитыми в промышленном и торговом отношении были государственные деревни Богородского уезда: здесь всё крестьянское население было занято теми или иными промыслами; в Московском уезде промышленники составляли 91% государственного крестьянства, в Бронницком уезде — 70%, в Серпуховском — 67%, в Подольском — 56%, в Коломенском — 53%. Значительно меньше были развиты крестьянские промыслы и торговля в западных и югозападных уездах: в Звенигородском уезде в промышленности было занято 32% государственных крестьян, в Волоколамском — 25%, в Рузском и Верейском — по 21%, в Можайском — только 16%. Наименее промышленным был север Московской губернии: в Клинском уезде 17% государственных крестьян занимались промыслами, а в Дмитровском уезде — только 11%¹. Особенно выделялись своими торговыми оборотами государственные селения Вохна, Рогачёво, Пятница-Берендеевка, Стрелецкая слобода, Завидово, Хотунь.

Земледелие у государственных крестьян Московской губернии часто специализировалось и приобретало ярко выраженный торговый характер. Столица предъявляла широкий рыночный спрос на огородные овощи. Отсюда — расцвет подмосковного огородничества, которым занимались очень многие крестьяне, жившие в окрестностях города, особенно между Рязанской, Тульской и Калужской дорогами. В некоторых казённых селениях полевые угодья почти все были заняты овощными культурами, обработка земли была интенсивной, крестьяне применяли плодопеременную систему и вкладывали в почву много навозного удобрения. Такой характер носило торговое огородничество в большом казённом селе Карачарове и в прилегающей к нему деревне Новой. Карачаровские поля не знали пара, здесь применялся четырёхсменный оборот, на полях в громадном количестве выращивались картофель и репа².

Широко развитая торговля требовала массового подвоза товаров. Отсюда — значительное распространение извозов, которыми занимались государственные крестьяне во всех подмосковных районах. Из северных и северозападных уездов — Клинского, Дмитровского, Звенигородского — крестьяне безли в столицу дрова, к речным пристаням подвозили разнообразные товары местного производства. Село Рогачёво, Дмитровского уезда, выдвинулось и стало первоклассным торговым центром благодаря близости к волжской пристани Устью. Отсюда по на-

правлению к Петербургу двигались барки с хлебом и салом; являясь крупным складочным пунктом, Рогачёво было одновременно центром московского извозного промысла.

На многочисленных сухопутных пунктах, оживлённых постоянным движением людей и товаров, многими государственными крестьянами были построены постоянные дворы. По берегам рек, так же как в Вологодской и Псковской губерниях, кормились от судходного промысла. Там, где сохранились большие казённые леса, крестьяне — иногда без разрешения — рубили и сплавляли дрова, жгли уголь, заготавливали дрань, производили разнообразные деревянные изделия. В различных пунктах, например в селе Протопопове, Коломенского уезда, или около села Острова, Подольского уезда, разрабатывались залежи камня и мрамора. Серпуховской уезд славился месторождениями глины; здесь был особенно распространён горшечный промысел. Наконец, отличительной особенностью Московской губернии было широкое распространение текстильной промышленности. Большое количество крестьян восточных и южных уездов, особенно Богородского, занимались ткачеством и набойкой тканей; во многих сёлах Коломенского уезда были распространены размотка и трощение шёлка.

Наряду с текстильной промышленностью существовали разнообразные специальные промыслы: в Клинском уезде изготовление маленьких зеркал, в Серпуховском и Подольском уездах — производство булавок и пр. По подсчёту ревизора, ежегодно из казённых селений Московской губернии отлучались по паспортам и билетам 24 396 человек, т. е. около 17% всего мужского населения.

Мелкие промыслы московских государственных крестьян ещё в большей степени, чем в северных и северозападных губерниях, были подчинены влиянию торгового, ростовщического капитала. Скупщик выступал не только в роли посредника, но и в качестве организатора производства, раздавая заказы рассеянным, мелким производителям. Благодаря развитию крупной мануфактуры наряду со скупщиками действовали «фабриканты», т. е. крупные промышленные предприниматели, раздававшие заказы по государственным деревням. Посредниками между рассеянными рабочими и владельцами мануфактуры нередко выступали мелкие мастера: это были более зажиточные и оборотистые крестьяне-промышленники, которые распределяли между работающими полученные заказы и собирали среди них готовую продукцию. Часто самостоятельное производство товаров на рынок сочеталось у одного и того же производителя с постоянной работой на «фабриканта»: самостоятельно сбывались более грубые сорта, а для крупного предпринимателя изготавливались более тонкие.

В отдельных случаях наблюдались своеобразные формы коллективного капитала:

¹ Протопопов Д. О промыслах государственных крестьян Московской губернии («ЖМГИ» № 2 за 1842 год).

² Об огородничестве в Москве и её окрестностях и в особенности в селе Карачарове («ЖМГИ» № 6 за 1841 год) — ср. «ЖМГИ» № 1 за 1843 год. Смесь.

стического предпринимательства. Там, где имелись ломки камня и мрамора, — в Коломенском и Подольском уездах — местные крестьянские общества или сдавали их в аренду или эксплуатировали с помощью пришлых, вольнонаёмных рабочих.

Сохранились данные о заработках рабочих из государственных крестьян, обладавших техническими навыками (ткачей, набойщиков и пр.): они получали от 167 до 342 руб. в год; наиболее квалифицированные зарабатывали от 300 до 1000 рублей¹.

В связи с быстрым ростом товарного обращения классовое расслоение в подмосковной государственной деревне вырисовывается более резкими чертами, чем в Вологодской и Псковской губерниях. Из среды огородников, торговцев и мелких промышленников выделялись более зажиточные крестьяне, которые накапливали денежные средства и использовали их в целях капиталистического предпринимательства. И здесь, в связи с общей экономической отсталостью, процветали кабально-ростовщические операции. Скупщики и «фабриканты», выдвигавшиеся из рядов мелкой крестьянской буржуазии, не стеснялись в средствах, эксплуатируя середняцкую и бедняцкую массу крестьян. В селе Белые Колодези, Коломенского уезда, славились своим богатством государственные крестьяне Савелий и Константин Мосоловы, имевшие несколько крупных мануфактур и несколько доходных домов. Они были связаны с московским купечеством, кредитовались у него на значительные суммы и вели широкие торговые операции. На месте своего жительства Мосоловы имели хлопчатобумажную и полотняную фабрики, насчитывавшие более 200 рабочих из местных крестьян. Здесь применялись машины и широко использовался труд женщин и малолетних. После происшедшего пожара убытки на предприятии были оценены в сумме 19 тыс. рублей. Мосоловы, ссужая крестьян хлебом и деньгами для внесения налогов, являлись типичными капиталистами-ростовщиками и держали местное крестьянство в полной экономической зависимости.

Такие богател не были исключением в рядах подмосковного государственного крестьянства. Сохранились сведения о ямщике-торговце Тверской слободы Арсении Сметанникове, который кредитовался у крестьянина А. Бадяева на сумму 1790 рублей. В Рогожской слободе жил ямщик Пётр Мягков, который кредитовался у купцов Бубы и Ходжигло на сумму 18 701 рубль 60 копеек. Вообще подмосковные ямщики выделялись своей «безбедной жизнью» и широкие торговые обороты предпочитали выполнению своих обязанностей; ямскую повинность они исправляли наймом, подрывая для

этой цели содержателя лошадей и уплачивая ему ежегодно 26 360 рублей².

Росту мелкой и крупной буржуазии, которая верховодила на крестьянских сходах; соответствовал обратный процесс — обеднения и пролетаризации определённой части государственного крестьянства. На государственных крестьянах Московской губернии лежали большие недоимки — и государственные, и земские, и хлебные. По подсчётам ревизора, крестьяне должны были собственноручно казне 284 027 руб. 1½ коп., за земские повинности и в капитал продовольствия — 186 871 руб. 10½ коп. и хлебом в натуре — 80 174 четвертей. Из этой суммы 149 481 руб. 27¼ коп. составляли специальные ссуды, отпущенные нуждающимся в продовольствии. Важнейшей причиной недоимочности московских волостей ревизор считал «умножение в сих волостях неосёдлых крестьян, бобылей, бурлаков и нищих»³.

Несмотря на широкое развитие торговли и промышленности, разносторонние связи с городом, отлучки на заработки, в подмосковной деревне сохранялись черты патриархального бедного быта: например «чёрные» (курные) избы, которые рассматривались ревизором, как «остаток первобытного дикого состояния наших предков», продолжали сохраняться в большей части казённых селений. Тем не менее новые социально-экономические процессы оказывали глубокое влияние на психику государственного крестьянина: консервативно настроенный ревизор чрезвычайно скорбел об ослаблении старинных крестьянских добродетелей — «религиозности и нравственности поселян». Поясняя свою мысль, ревизор прибавлял: «Самые волостные начальства их почти повсеместно подтвердили, что большая часть поселян даже духовные требы оставляет в небрежении, в особенности находящиеся в отлучках или заработках. Состояние нравственности их, очевидно, неудовлетворительно. Семейные несогласия весьма часты. Промышленность, изгнав простоту деревенских нравов, ничем не заменила отсутствия их». Падение традиционной религиозной веры и учащение семейных разделов были ближайшими последствиями слагающихся капиталистических отношений: вторгаясь в подмосковную деревню, новые жизненные впечатления подрывали в крестьянах авторитарную психоидеологию и воспитывали в них новые чувства — независимости и индивидуализма. Учитывая это прогрессивное, но нежелательное для правительства явление, Киселёв обратил на него особенное внимание совещательного комитета при V отделе. Он предложил ему высказаться о причинах «неисполнения треб, неповиновения крестьян, худых выборов начальств» и пр. Так изменялся социально-экономический и моральный облик государственной

¹ ЦАНХ, ф. V о., д. № 26421(54), лл. 2—5; д. № 26423, лл. 128—129. Протопопов Д. Указ. соч.

² Московский областной исторический архив, ф. 13, д. № 18, лл. 470—471, 892, 904; ЦАНХ, ф. V о., д. № 26423, лл. 128—129.

³ ЦАНХ, ф. V о., д. № 26426, т. I, лл. 2—15, 183, 217.

деревни в наиболее передовой по своему хозяйству Московской губернии¹.

Сохранившиеся данные ярославской и калужской ревизий показывают, что особенности подмосковной государственной деревни были типичными для всего Центрального промышленного района. В этом отношении характерны выводы, сделанные ярославской приурочительной комиссией на основании обширных материалов ревизии и личных наблюдений старшего члена: «Недостаток в пахотной земле, близость больших городов, положение по Волге и пример многих обогатившихся без земледелия в здешних действительных обывателях возбудили склонность к промышленности, отчего и род их жизни представляется как бы скитающимся. Оставляя свои дома и занимаясь работами и промышленностью, приобретают они выгоды столько значительные, что при соображении их достоинство земледелия представляется крайне неудовлетворительным, и потому поспешение о нём предоставляют по большей части женщинам и занимающимся работникам, не заботясь достаточно усиливать способ к оному». За исключением отсталых Мологского и Пошехонского уездов, ярославские государственные крестьяне, подобно московским, занимались разнообразными мелкими промыслами, сплавляли барки, вели торговлю и тысячами расходились из родных деревень — коробейниками, офенями, плотниками, штукатурами, малярами, чернорабочими и пр. Те же процессы — втягивание государственных крестьян в торговлю и промышленность, выделение предпримчивых богачеев, эксплуатацию ими крестьянской массы — рисовал в своём донесении ревизор Калужской губернии². Специфические условия различных губерний не могли заслонить основного явления, характерного для государственной деревни Центрального промышленного района, — зарождения и бы-

строго роста капиталистических отношений в недрах отживающего крепостнического строя.

Сопоставляя между собой три описанных района — Северное Поморье, Озёрный край и Центральную промышленную область, — мы находим в них не только социально-экономические отличия, но и целый ряд сходных, объединяющих черт. Перед нами не только три пространственно обособленные территории, но в то же время три последовательных этапа в развитии единого социально-экономического процесса — разложения патриархально-феодалных устоев и внедрения новых, капиталистических отношений. В глуши Северного Поморья, вдали от экономического центра, этот процесс обнаруживался наименее резко, проходя раннюю стадию своего развития. В условиях Озёрного края, на перепутье между экономическим центром и Балтийским побережьем, он проявлялся интенсивнее и оказывал большее влияние на внутренний состав земледельческого населения. Наибольшего развёртывания достиг этот процесс в экономическом центре, куда сходились торговые пути со всех концов государственной территории. Природные условия нечернозёмного края способствовали росту торговли и промышленности: крестьянин, живший исключительно земледельческими доходами, не мог удовлетворить непрерывно возрастающие потребности — и собственные и государственные. Но не природные, а общественно-экономические условия в ходе их исторического развития определили собой направление и темпы перехода к новой формации. Там, где история подготовила более благоприятную почву для расширения рыночных связей, — в Московском промышленном районе — устои феодального порядка были подорваны шире и глубже. Наиболее обделённая природой северная окраина России отставала в развитии, сохраняя в своём деревенском укладе преобладающие черты натурально-хозяйственного строя, но и здесь совершались те же закономерные изменения, которые рано или поздно должны были вывести государственное крестьянство на новую хозяйственную дорогу.

¹ ЦАНХ, ф. V о., д. № 26426, т. 1, лл. 142—145, 2—15.

² ЦАНХ, ф. V о., д. № 26440, лл. 67—69; д. № 26423, л. 116; д. № 26485(2), л. 12.

ВОЛЬТЕР-ИСТОРИК

Акад. В. Волгин

В литературном наследии Вольтера исторические работы занимают очень значительное место. Нет никакого сомнения в том, что для Вольтера эта форма его деятельности, как и все другие её формы, была прежде всего общественным служением. В руках Вольтера историческое исследование было одним из орудий общественной борьбы, одним из орудий пропаганды идей просвещения и свободы. Историческая наука Вольтера — отнюдь не «беспартийная» наука. Вольтера можно считать основоположником буржуазной историографии. Но именно потому, что его исторические работы служили передовому классу своего времени в период его борьбы с отжившими общественными формами, они составляют крупнейший шаг вперёд в понимании процесса развития человеческого общества. «Если первенство чего-нибудь да стоит, — писал о Вольтере Пушкин, — то вспомните, что Вольтер первым пошёл по новой дороге и внёс светильник философии в тёмные архивы истории»¹.

Довольтеровская историография или вообще не ставила перед собой вопроса о движущих силах истории или разрешала этот вопрос на почве религиозного мирозерцания: история — осуществление божественного плана, историей движет промысел божий. С этих позиций было написано крупнейшее историческое произведение XVII в. — «Рассуждения о всемирной истории» Боссюэ. Вольтер вместе с положительной религией отвергал учение о промысле божием, как о силе, вмешивающейся в действие естественных законов. Он неизбежно должен был отбросить и геологическое понимание истории. Его история — наука чисто светская. В ней действуют не божественные силы, а обыкновенные люди, повинующиеся в своей деятельности обыкновенным мотивам человеческих действий. Поскольку отдельные события не могут рассматриваться как моменты в осуществлении божественного плана, Вольтер часто говорит об истории как о сцеплении случайностей. Но эти случайности связаны причинной связью и подчиняются естественным законам бытия².

В более ранних произведениях Вольтер в борьбе против янсенистского учения о

предопределении допускает иногда выражения, дающие основания говорить о нём как о стороннике свободы воли. Божественное предопределение, утверждает Вольтер, не оказывает никакого влияния на то, что совершается. Люди и животные обладают способностью двигаться, куда они намерены, — следовательно, они свободны. Свобода состоит в способности желать чего-либо «не по какой-либо иной причине, кроме собственной воли». Однако подобные выражения встречаются у Вольтера редко. В большинстве случаев он толкует свободу и в этот период своей деятельности лишь как «свободу решиться делать то, что представляется хорошим», т. е. свободу подчиняться своим собственным мотивам, из чего вовсе не вытекает признание этих мотивов не имеющими иной причины, кроме самой воли.

Во всяком случае, в более поздних работах Вольтер выступает самым решительным и последовательным сторонником детерминизма. Ничто не происходит без причины. Говорить о следствии без причины, значит говорить вздор. Было бы странно, если бы вся природа повиновалась вечным законам и лишь человек, «небольшое животное высотой в пять футов», мог бы действовать по своей прихоти. Когда я могу сделать то, что хочу, тогда я свободен; но я хочу того, чего я хочу, в силу необходимости, ибо иначе я хотел бы беспричинно, что невозможно. Законы мира нерушимы, всё в мире необходимо: «Тела тяготеют к центру земли, не обладая способностью повиснуть в воздухе, грушевые деревья никак не могут приносить ананасы, всё в мире согласовано, связано, ограничено»³. Из всех этих соображений Вольтер делает вывод, весьма важный для понимания человеческой истории: «Каждое событие в настоящем рождается из прошлого и является отцом будущего... вечная цепь не может быть ни порвана, ни запутана... неизбежная судьба является законом всей природы».

В первых исторических трудах Вольтера среди массы «случайностей» особое значение имеет случайное появление в тот или иной момент великого человека. Великие люди дают мощный толчок развитию человечества, особенно когда в их руках оказывается верховная власть. В более позднем «Опыте о нравах» великие люди теряют

¹ Пушкин А. Соч. Т. IX, стр. 33. Изд. «Academia».

² «Pensées sur l'administration publique». Oeuvres. Т. XXIX, р. 34; см. также диалог «Брамин и иезуит» и др.

³ «Dictionnaire philosophique», article Destin.

для Вольтера своё исключительное значение, в известном смысле они как бы растворяются в общем движении, производимом массами под давлением обстоятельств и естественных свойств человеческой природы. Это характерное изменение в отношении Вольтера к «великому человеку» представляет, возможно, некую параллель к эволюции его политических взглядов, отражают известное разочарование в идее «добраго короля», рост симпатий к «республиканским идеям».

Среди сил, действующих в человеческом обществе, Вольтер иногда выделяет как основную силу интересы. Вольтер оспаривает учение Монтескье о движущих силах общества при разных формах правления (добродетель — в республике, честь — в монархии, страх — в деспотии). Эти силы действуют везде. Но основным двигателем человеческих действий при всех формах правления являются интересы. За исключением редких моментов энтузиазма наше поведение определяется интересом нашего самосохранения, нашего благополучия, наших удовольствий, нашей репутации и т. д.¹ В каждой стране тот или иной из этих интересов господствует над другими. Так, например, в Англии господствующим интересом является обеспечение прав гражданина. Всякая власть стремится использовать интересы в своих целях. С другой стороны, интересы определяют отношение граждан к той или иной власти, их мнения. Так, министр всегда предпочтёт абсолютизм, барон пожелает, чтобы бароны участвовали в законодательстве, земледelec захочет, чтобы его тоже не забыли². Когда один из собеседников в «Диалоге А., В. и С.» заявляет, что он любит аристократию и что народ недостойн управлять, другой иронически ему отвечает: «Вы — богатый сеньёр, и я одобряю ваш образ мыслей; вы были бы за турецкое правление, если бы были императором в Константинополе». Следует признать, что учение Вольтера об обществе выгодно отличается своими реалистическими чертами от большинства общественных теорий XVIII века.

Было бы, однако, совершенно неверно считать Вольтера на основании этих рассуждений об интересах материалистом. Вольтер не даёт в своих работах монистического толкования истории, хотя ему не чуждо понимание тесной связи и взаимозависимости различных сторон исторического процесса. Во всяком случае, в своих конкретно исторических работах Вольтер не делает попытки построить своё изложение, исходя из теории «интересов». Не находим мы у него и анализа понятия «интересы». Он уделяет большое внимание экономической жизни обществ; но не меньшее внимание он уделяет их умственному развитию. Было бы неправильно утверждать, что он считает тот или иной из этих рядов явлений основным, дающим ключ к пониманию исторического процесса в целом. У него, несом-

ненно, чувствуется тенденция рассматривать как основную движущую силу истории умственное развитие, просвещение. Но и эта тенденция не находит должного развития. В общем механика исторического процесса остаётся у него нескрытой, как, впрочем, не вскрыта она и буржуазной историографией XIX—XX веков.

Классовая позиция, занимаемая Вольтером в общественной борьбе его времени, определяет круг интересующих его исторических явлений. Если историки предшествующего периода занимались по преимуществу политической и военной историей, т. е. тем, что более всего интересовало высшие классы феодального общества, — то Вольтер стремится дать историю цивилизации, в которой факты политической жизни и военные действия занимают подчинённое положение. «Шлюз канала, соединяющего два моря, — пишет он, — картина Пуссена, прекрасная трагедия, открытие новой истины, — в тысячу раз драгоценнее всяких придворных хроник, всяких военных сообщений». В других местах Вольтер подчёркивает свой интерес к тому, как люди одевались и работали, каковы были освещение и отопление, каков был характер торговых сношений, каково было соотношение между классами общества, когда изобрели ветряные мельницы и т. п. Мы видим, как у Вольтера в его представлениях о существовании истории сплетаются факты экономического и идеологического порядка. К «истории монархов, дипломатов и полководцев» он высказывает иногда пренебрежение, явно не соответствующее действительному значению. Этот несомненный перегиб, оправданный, впрочем, условиями времени, может быть понят только как буржуазная реакция не только против феодальной историографии, но и против феодально-абсолютистского режима с характерными для этого режима династическими войнами и беспринципными придворными интригами.

Наряду с изменением в направлении основного научного интереса классовая позиция Вольтера определила значительное расширение исторического кругозора его работ по сравнению с работами его предшественников. Во «всемирной истории» до вольтеровского периода большое внимание уделялось «священной» истории иудейского народа как исходному пункту «христианской цивилизации». В дальнейшем излагалась история Греции и Рима и, наконец, история европейских народов. Такова была господствующая историческая схема, связанная с господствующей религиозной идеологией.

Два мотива отталкивали Вольтера от этой схемы. Первый мотив был связан с ростом хозяйственных отношений между Европой и самыми отдалёнными странами мира. Названия этих стран получили для европейской буржуазии к XVIII в. новый смысл. С каждой из них связывалось представление о том или ином товаре, ряд торговых предприятий строил на сношениях с ними своё благосостояние. Естественно, возникал интерес к их внутренней жизни и к их историческим судьбам. Этот интерес

¹ «Pensées sur l'administration publique». Oeuvres. Vol. XXIX, p. 31. 1784.

² Ibidem, p. 25—26.

побуждал Вольтера отвести место в своём изложении народам стран Востока — халдеям, китайцам, индусам и т. д. «Когда Вольтер пьёт кофе из Аравии в чашке из Китая, то он чувствует, как расширяется его исторический горизонт»¹. Но, вероятно, ещё действеннее был второй мотив — идеологический. Старая схема была теснейшим образом связана со старой идеологией, с христианской традицией. Стремясь подорвать влияние этой традиции, Вольтер ревностно искал исторического материала, который лишил бы «священную» историю её авторитета. Для него было чрезвычайно важно показать, что существовали цивилизации более древние, более распространённые, создавшие больше ценностей, чем цивилизация небольшого и малокультурного народца, не имеющего никаких оснований считать себя избранным. Этой цели прекрасно служило включение в план всемирной истории древних обществ Востока. В результате получалось, с одной стороны, несомненное исправление исторической перспективы, весьма плодотворное для развития исторической науки, с другой — потрясение исторических основ церковного учения, весьма важное для вольтеровской критики христианства и католической церкви.

Борьба с церковью, несомненно, содействовала развитию ещё одной важной положительной черты Вольтера как историка — свойственного ему мастерства исторической критики. Способность к тонкой, ядовитой, пронизательной и уничтожающей критике составляла вообще одну из самых замечательных сторон вольтеровского таланта. Направить этот дар на дело критики исторических источников, выработать соответственные технические приёмы побуждала Вольтера главным образом необходимость критического анализа источников, лежащих в основе христианского учения. Но орудие, оттачиваемое на критике «священного писания», применялось им и к другим видам исторических источников. И если в приёмах критики Вольтера кое-что устарело и он не всегда сам остаётся им верен, то всё же они должны быть отмечены в истории нашей науки как весьма значительное достижение.

В сжатой и очень доходчивой форме система аргументов Вольтера против «священной истории» дана в небольшом диалоге «Обед у графа де Буленвийе»², в произведении, которое было осуждено на сожжение и от которого Вольтер был вынужден отречься, приписав его авторство давно умершему лицу.

В диалоге аббат Кюе защищает правомерно-католическую позицию, а граф, графиня и второй гость, Фрере, совместно ведут на неё наступление. Граф решительно оспаривает божественное происхождение «священных» книг: «Справедливое небо! Что это за бог, который нуждается в комментариях и

которого заставляют постоянно говорить и за и против? Что за четыре божественные книги, время составления которых неизвестно и авторы которых, столь мало установленные, противоречат друг другу на каждой странице?»³. Книги, на которых основывается учение церкви, переполнены непристойностями, софизмами и абсурдами, оскорбляющими разум. О многом, что в них рассказывается, неприлично говорить в обществах. «Может ли здравомыслящий человек, — поддерживает графа Фрере, — верить в чудеса Моисея, о которых почему-то ничего не упоминают ни египтяне, ни греки, осведомлённые о всех вымыслах Египта и Сирии. Память о таких поразительных вещах, удивляющих природу, сохранилась бы у всех народов». Чтобы перевернуть законы природы, нужны были серьёзные мотивы. Но зачем было богу Израиля умерщвлять всех первенцев Египта, чтобы израильтяне в числе шестисот тридцати тысяч бойцов обратились в бегство из Египта? Зачем было богу разверзать Чермное море, чтобы его изблуженный народ умирал затем от голода в пустыне? Почему же бог просто не отдал Египет израильтянам? К Фрере присоединяется и графиня, которая ядовито спрашивает аббата: неужели создатель мара сделался евреем для того, чтобы превратить воду в вино на свадебном пиру, когда все гости были уже пьяны? Неужели он мог иссушить смоковницу, рассердившись на неё за то, что она не дала плодов, когда время им ещё не пристало?

Если таковы основы христианства, то дальнейшая его история ещё хуже. С энтузиазма начинается, говорит графиня, кончается плутнями: в религии то же, что в игре. В истории католицизма мы видим сплетение самых плоских обманов, непрерывающуюся очередь поддельвателей: поддельывают письма Иисуса Христа, письма Пилата, письма Сенеки, правила апостольские, евангелия числом более сорока. Это позорные архивы лжи, называемые благочестивыми подлогами. Воистину престол папы утверждён на отвратительных химерах. Фрере считает, что Иисус был человеком чистым, честным основателем новой секты, каких было много тогда в Иудее. Он произнёс несколько нескромных речей против должностных лиц и был за это казнён. Его ученики были мало известны, пока не встретили в Александрии платоников, которые «подкрепили грёзы галилеян грёзами Платона». Так образовалось новое вероучение, сторонники которого вскоре из обманутых превратились в обманщиков. Но пока ещё они не имели в руках иного, более страшного оружия. Они стали кровожадными, когда Константин — это чудовище, обгрённое кровью тестя, зятя, племянника, сына и жены, — став на их деньги императором, возвёл их религию на престол.

«Со времени Никейского собора до мятежа в Севеннах не проходило ни одного года, когда бы христианство не проливало кровь... Взгляните на этот ряд ужасных

¹ Лансон. Вольтер, стр. 109. Русское издание 1911 года.

² «Le diner du comte de Boulainvilliers». Oeuvres. T. XXXVI, p. 357—394. 1784.

³ Oeuvres. T. XXXVI, p. 360.

избиений: столько граждан, умирающих в пытках, столько умерщвлённых государей, костры, зажжённые на ваших соборах, двенадцать миллионов невинных обитателей нового полушария, убитых, как дикие звери в зверинце, под тем предлогом, что они не хотели быть христианами. А в нашем полушарии старики, дети, матери, женщины, девицы, гибнущие в Крестовых войнах против альбигойцев, в войнах гуситов, лютеран, кальвинистов, анабаптистов, в Варфоломеевскую ночь, в сечах Ирландии, Пьемонта, Севени. А между тем епископ Рима, покаясь роскошно на ложе отдыха, даёт целовать себе ногу в то время, как пятьдесят скопцов развлекают его скуку своими трелями». «Бог мне свидетель, — заканчивает свою речь Фрере, — портрет этот очень схож».

Вольтеровская критика книг Ветхого и Нового заветов представляется нам теперь, после успехов в этой области исторической науки XIX—XX вв., чрезвычайно упрощённой. Но цель, которую ставил себе Вольтер, этой критикой достигалась. Тщательно выискивая и выставляя напоказ нелепости этих «священных» книг, Вольтер стремился доказать их человеческое происхождение, рассеять окружающий их и делавший их неприкосновенными для человеческого разума ореол «божественного откровения». Вольтер внушал своим читателям, что библия представляет собой смесь преданий, хроник, поучительных рассказов, принадлежавших маленькому невежественному и суеверному пастушескому народу. Признавая историческое существование Иисуса, Вольтер доказывал, что он был только человек, что он не создал ни христианской догматики, ни христианской иерархии, что канонические евангелия возникли гораздо позднее, что дальнейшая история христианства изобилует измышлениями, основанными на подделках и фальсификациях. Христианство, утверждает он, добилось господствующего положения при помощи денег: разбогатевшие на торговых операциях христиане кредитовали императоров и тем поставили их от себя в зависимость. Всё это было ново для широкой читающей массы, всё это преподносилось в ясной, подчас довольно грубой форме, вызывавшей и по сей день вызывающей возмущение не только среди ревнителей веры, но и среди людей с высокоразвитой «академической» терпимостью к суевериям и нетерпимостью к критике.

Чтобы правильно оценить все характерные особенности вольтеровской критики библии и евангелия, надо иметь в виду, что большинство произведений Вольтера, посвящённых критике «священных» книг, было написано в то время, когда он был до глубины души потрясён разгулом религиозного фанатизма, рядом юридических убийств на религиозной почве. Вольтер, по его собственным словам, считал неприличным допустить на свои уста улыбку, пока он не добьётся реабилитации жертв этих «религиозных» процессов — Каласа, Сирвена, де ля Барра. Ему было не до деликатности в его рискованной борьбе с сильным и опасным вра-

гом, на глазах у всего народа предававшим мучительной казни невинных людей по ложному обвинению в преступлениях против веры.

Для характеристики тех высоких и строгих требований, которые предъявлял Вольтер к историческому исследованию и к лежащим в его основе источникам, независимо от их религиозного характера, стоит остановиться, как на образце рассуждений Вольтера на эту тему, на его критических замечаниях по поводу книги Монтескье «Дух законов». Недостатки этой книги, по видимому, очень волновали Вольтера: он посвятил ей особый этюд — «Commentaire sur l'esprit des lois» — и неоднократно возвращался к ней в других своих работах.

Самый большой упрёк, какой Вольтер делает Монтескье как историку, — это упрёк в некритическом отношении к тем произведениям, из которых он черпает свой материал. Монтескье без всяких оговорок пересказывает в своей книге рассказы разных путешественников, вернее, бродяг, которые распространяют самые невероятные басни о странах Востока. Возможно ли, спрашивает Вольтер, чтобы серьёзный человек на основании таких басен говорил о законах Макасара, Баптама, Борнео? Ведь авторы этих басен побывали во дворцах всех государей Индии, не выходя из конторы голландского купца, в которой они служат¹. В отношении других, более известных стран Монтескье также полагается слепо на совершенно недостоверные рассказы миссионеров. В результате «Дух законов» переполнен множеством совершенно неправдоподобных сказок.

Но недостаточно отбросить недоброкачественные источники. Необходимо отнестись критически и к источникам, в общем доброкачественным. Прекрасный пример такого критического анализа дают замечания Вольтера по поводу законодательства Ликурга. Мы знаем, с каким слепым доверием относилось большинство писателей XVIII в. к легенде о Ликурге. На законы Ликурга опирались в своих рассуждениях, исходя из признания этих законов несомненным историческим фактом, и теоретики предреволюционной эпохи и практические деятели эпохи революции. Вольтер идёт в этом вопросе вразрез с господствующими взглядами, далеко опережая своё время. Он упрекает Монтескье в том, что последний, не колеблясь, повторяет рассказы о порядках Лакедемона, не подвергая тщательной проверке источники наших сведений о них. Между тем, говорит Вольтер, мы ведь во все не имеем подлинных лакедемонских законов. Мы имеем о них представление лишь по нескольким отрывкам из Плутарха, который жил много столетий спустя после Ликурга. История лакедемонян становится более или менее достоверной лишь со времени войн с Ксерксом. Возможно, заключает Вольтер, что прекрасные времена (des beaux siècles) Лакедемона похожи на времена первоначальной церкви, на золотой век и т. п. (т. е. относятся к числу легенд

¹ Oeuvres. T. XXIX, p. 376—377.

и выдумок)¹. Это рассуждение делает большую честь критической проицательности Вольтера.

Вольтер понимает также, что научное использование источника не допускает ни искажений его текста, ни неправильных и произвольных толкований: он знает, сколько ложных предрассудков возникло именно в результате таких толкований. Он решительно осуждает Монтескье за его легкомысленное отношение к точности цитат и ссылок, за искажение смысла показаний того или иного автора путём приписывания ему того, чего он вовсе не говорит. Так, Монтескье утверждает, что в Эпидамне во избежание порчи нравов назначали особое должностное лицо для торговли с варварами. Но, во-первых, возражает Вольтер, у Плутарха, на котором, очевидно, основывается этот рассказ Монтескье, нет речи о должностном лице (хороша была бы торговля Парижа, если бы её поручили вести советнику парламента!); во-вторых, ни из чего не вытекает, что эта мера была принята во имя моральных целей: «Разве мы учредили Индийскую компанию для улучшения наших нравов?»².

История должна давать лишь точно установленные факты, отнюдь не искажая их. Но задача историка не сводится к их установлению. Хаотическое, беспорядочное нагромождение фактов, отягощая ум, не только не способствует, по мнению Вольтера, его развитию. Историк должен суметь отделить важное от неважного, отбросить мелочи, место которым не в исторических трудах, а в летописях или в справочниках. Такие летописи и справочники нужны, но Вольтер понимает, что для великого дела просвещения, которому он служит, нужны исторические труды иного рода, создание которых он и ставит себе целью. Мы уже видели, какие факты считает он важными для настоящей истории, какими социальными мотивами определяется их отбор. Но нужен не только правильный отбор фактов: этого недостаточно для решения задач, которые ставит перед историей век просвещения. Нужно правильное освещение фактов светом философской мысли, чтобы из хаоса получалась стройная и цельная картина.

Считая, таким образом, философское обобщение фактов необходимым, Вольтер, однако, решительно осуждает навязывание фактам предвзятых «метафизических теорий». Такой предвзятой метафизической теорией является для Вольтера уже упомянутое нами учение Монтескье о движущих силах общества при разных формах правления. Теория, не основанная на фактах, навязываемая фактам, неизбежно искажает их или даёт им ложное объяснение. Согласно Монтескье, республика основана на добродетели, а монархия — на чести. Но Женева прогнала своих епископов вовсе не из добродетели; Рагуза добилась свободы не добродетелью, а обязательством выплачивать Порте ежегодно 25 тыс. экю. С дру-

гой стороны, можно не поверить, что монархии, созданные в своё время готами, гепидами, аланами, были основаны на чести³. Такой же натянутой, не соответствующей фактам теорией является теория Монтескье о влиянии климата на общественные отношения. Конечно, верно — и это всегда было известно, — что почва, орошение и т. д. оказывают известное влияние на жизнь людей. Но невероятно, чтобы счастье и права граждан зависели от тепла и холода. Климат в Италии не переменялся со времён Ромула и Рема, а сколько перемен пережила она на протяжении этих веков! Неверно, что северяне всегда побеждали южан: завоевания арабов, завоевания римлян в Северной Европе показывают обратное. Климат может определять культовые обычаи (например обычай омовения в водах Ганга вряд ли мог бы возникнуть на берегах Вислы), но не религию. Увлечённый ложной теорией, Монтескье утверждает, что обычаи, нравы и законы на Востоке сейчас таковы же, какими были тысячу лет назад. В действительности обычаи и нравы христиан вытеснили там обычаи и нравы Сирии и Египта, обычаи магнетизма — обычаи персов. А затем всё было вновь опрокинуто турками⁴.

Отрицательное отношение к теориям, приносимым в историческое исследование извне, — большое достижение исторической мысли Вольтера. И оно, несомненно, психологически связано с его борьбой против христианства: ведь именно христианско-теологическая концепция была в его время наиболее авторитетной и распространённой исторической концепцией, названной историей как обязательный вывод из теологических положений. С другой стороны, убеждение Вольтера в том, что исторические факты, тщательно проверенные и исследованные, сами по себе дают достаточный материал для обобщений и что философски осмысленная история может быть не только занимательна, но и поучительна в общественном отношении, несомненно, психологически связано с оптимистическим мироощущением того класса, представителем которого он является, с верой в то, что в конечном счёте исторический процесс идёт в направлении его идеалов.

Общие выводы, к которым приходит Вольтер в результате исследования исторических фактов, ярко отражают ту позицию, которую он занимает в идейной борьбе своего времени.

Вольтер решительно отвергает связанную с теорией естественного права идеализацию первобытного состояния. Неверно, утверждает он, что дикари живут под властью естественного закона. Наоборот, дикари искажают природу, а культурные люди ей следуют. Прогресс — закон природы. Инстинкты и рассудок, данные природой, толкают нас вперёд, научают искать благосостояния на путях взаимной помощи. Следовательно, чем больше развиты искусства, чем лучше законы, чем более обеспечена

¹ Oeuvres. T. XXIX, p. 369.

² Ibidem, p. 370—371.

³ Ibidem, p. 380—387.

⁴ Ibidem.

собственность, тем больше соблюдаются естественные законы. Пчела, которая не собирает мёда, курица, которая не несёт яиц, нарушают естественный закон. Точно так же нарушает естественный закон изолированный дикарь («если только он существует, в чём я сильно сомневаюсь», — добавляет Вольтер). Дикий бразильянец — вовсе не естественный человек, это — животное, которое ещё не полностью развило свои свойства, куколка, которая станет бабочкой лишь через несколько лет¹.

Вольтер склонен думать, что начальной формой государства является республика, возникающая из соединения семей. Это естественный ход развития. Не случайно, что европейцы, приехав в Америку, нашли там почти везде республики (?). То же мы видим в Африке; то же было в древнем мире. Монархия возникает из насилия и грабежа (хотя, оговаривается Вольтер, республики тоже этим занимались). Представим себе два живущих рядом небольших народа. Пока они живут спокойно, в их среде царит равенство, данное природой. Но между соседями всегда есть основание для столкновений. Когда один народец нападает на другой, в нём обязательно выделяется в качестве руководителя более сильный и более ловкий. Покорение врага ведёт в стане победителей к ссорам из-за добычи. Вождь на войне, естественно, становится также судьёй между своими соплеменниками. Его начинают считать великим человеком и начинают ему повиноваться. Так вырастает монархическая власть².

Вольтер, таким образом, не разделяет теории общественного договора. Если рассуждать теоретически, говорит он, власть могут давать либо соглашение либо сила. Но исторически общество возникло не из соглашения, а из силы.

История — процесс вечного изменения, в ней нет ничего неизменного: меняются нравы, обычаи, формы правления. Эти изменения совершаются самими людьми под давлением естественных человеческих мотивов, без потустороннего вмешательства. Основными законами в точном смысле являются законы природы, установленные самим богом. Но обычно основными законами называют старинные обычаи и предрассудки, которые никак нельзя считать неприкосновенными. Как и все условные законы, они созданы людьми, и другие люди вправе их изменить. История знает немало таких перемен. Карл XII правил деспотично, а его преемники имеют не больше власти, чем короли Польши. Путь, который человечество совершает, изобилует страданиями. Историки, начиная с каролингских летописцев и до современных академиков, в своём раболепном преклонении перед силой прославляют обманы, мошенничество, несправедливость, жестокость, царящие повсюду, поддерживая этим заблуждения, которые содействуют угнетению человечества, подавлению

человеческого разума. Долг подлинного историка — не оправдывать мрачное прошлое и настоящее, а разоблачать все преступления властителей человечества — королей и духовенства, сделать историю орудием просвещения, способствовать этим осознанию царящего зла. «Человек со здравым смыслом, читая историю, занят главным образом её опровержением». Прошлое нужно знать, чтобы вернее с ним покончить. Несмотря на все препятствия человечество всё же постепенно, хотя и очень медленно, прогрессирует, улучшает условия своего существования. Наибольшее число несчастий имеет своей причиной предрассудки и фанатизм. Просвещение мало-помалу распространяется, власть предрассудков ослабевает, улучшаются нравы, законы, растут наука и промышленность. Вольтер верит, что в будущем разум и искусство будут иметь ещё большие успехи, полезные ремесла ещё больше разовьются, предрассудки понемногу рассеются и просвещение получит значительно более широкое распространение. Этому развитию человечества способствуют все народы: в истории нет ни избранных народов, ни высших рас.

Пропагандистская роль этой общей исторической картины в условиях XVIII в. совершенно ясна. Совершенно ясно, каким историческим целям она служила. Но у Вольтера делу боевой пропаганды служит не только общая концепция исторического процесса. К какому бы частному историческому вопросу он ни подходил, вы всегда чувствуете в нём борца против религиозных предрассудков и фанатизма, против гнёта, насилия и жестокостей феодального порядка. Лансон правильно характеризует «Опыт о нравах» Вольтера как произведение горячего гуманитарного прозелитизма.

Мы уже видели на примере истории возникновения и развития христианства, как историческое исследование служит у Вольтера делу общественной борьбы его времени. Аналогичные мотивы общественной борьбы чувствуем мы и в той резкой критике, которой подвергает Вольтер нравы, идеи и порядки средних веков — их фанатизм, невежество, грубость, жестокость, «мошеничества» пап и духовенства, насилия и произвол королей и феодалов, бесконечные, бессмысленные и разрушительные династические и религиозные войны. Всё сочувствие Вольтера на стороне народа, который несмотря на тяготеющий над ним гнёт творит материальные и духовные ценности, обрабатывает землю, создаёт ремёсла и искусства. Понятие «народ» охватывает у Вольтера всё «третье сословие» в целом. Что касается низших общественных слоёв, плебса, то отношение к ним у Вольтера двойственное. Он сочувствует их страданиям, выказывает иногда понимание неизбежности их социального протеста, их восстаний. Но он считает эти восстания бесплодными и вредными, считает радикальное изменение положения широких масс невозможным, их самостоятельные выступления опасными. В связи с этим он, как известно, вы-

¹ Oeuvres. T. XXIX, p. 269—271.

² Ibidem, p. 256—257.

сказывается иногда даже против их просвещения.

Характерно расхождение Вольтера с Монтескье по вопросу о значении германских элементов в образовании средневековых народов и учреждений — расхождение, в котором сказалось, несомненно, различие в их социальных позициях.

Монтескье — сторонник компромисса с феодализмом; некоторые элементы феодализма он считает вполне правомерными (сенъериальная юстиция, политические и налоговые привилегии). Это определяет его отношение к силе, создавшей, по его мнению, феодализм, — к варварским племенам, вторгшимся на территорию Римской империи, и к их вождям, толкает его к известной идеализации «германских» традиций. Вольтер, как последовательный враг феодализма, с большим раздражением критикует эти германстические, «готические» тенденции Монтескье.

Ссылаясь на Тацита, Монтескье утверждает, что англичане унаследовали от германцев идею их политического управления. Эта прекрасная система была будто бы найдена в германских лесах. «Быть может, оттуда же, из лесов, — ядовито и с глубоким пониманием связи исторических явлений спрашивает Вольтер, — быть может, оттуда же происходят и английские суконные мануфактуры?»¹ В другом месте Монтескье говорит о франках: «наши отцы». «Так, — говорит Вольтер, — называют их многие квази-историки. Но, мой друг, откуда ты знаешь, — продолжает Вольтер, — откуда ты знаешь, что ты приходишь от франков, пришедших из зарейнских болот грабить галлов, а не из бедной галльской семьи? И что за честь происходить от франков?»

У Вольтера имена всех этих «орд», как он выражается: остготов, вестготов, гуннов, вандалов, франков, разрушивших Римскую империю и её культуру, — вызывают отвращение и ужас. «Кто были эти франки, которых Монтескье из Бордо называет *pepères*? Это были жестокие звери, искавшие пастбища и пищи. Хлодвиг, этот строитель

церквей и монастырей, ознаменовал своё правление рядом ужасающих преступлений; таковы же были его преемники. Варварские законодатели, которых идеализирует Монтескье, были чудовищные злодеи². Очень интересно, что непримиримо отрицательное отношение к феодализму чрезвычайно обостряет историческое зрение Вольтера и позволяет ему различить черты ненавистного ему порядка там, где его мало кто видел не только в XVIII, но и в XIX веке. Он утверждает, что феодализм в различных формах существовал и в Римской империи и при лангобардских королях в Италии, в Оттоманской империи, в Персии, в Монголии, в Перу, в России³.

Характерная черта Вольтера-историка обусловила наличие в его трудах ряда недостатков, из которых основным следует считать искажение исторической перспективы, перенесение оценок, правильных для современности, на отдалённое прошлое. Так, резко и справедливо критикуя феодализм, Вольтер оказывается не в состоянии понять, что переход к феодализму от рабовладельческого строя древности составлял прогресс в общем развитии человечества. Так, резко и справедливо критикуя христианство, Вольтер оказывается не в состоянии полностью раскрыть его историческое значение и его культурную роль в известные моменты европейской истории. Подлинно объективной, подлинно научной истории не мог создать в XVIII в. даже наиболее всеобъемлющий и разносторонний мыслитель. Научная история возникла значительно позже, на иной классовой основе. Для превращения истории в подлинную науку те методологические принципы, которые давала учёному-историку буржуазная просветительная философия XVIII в., были недостаточны; для этого было необходимо применение к историческому процессу методологических принципов диалектического материализма. Тем не менее исторические труды Вольтера навсегда останутся памятниками весьма значительного момента не только в формировании буржуазной идеологии, но и в становлении исторической науки.

¹ Oeuvres. T. XXIX, p. 393.

² Ibidem, p. 391—392, 412—422.

³ Ibidem, p. 401.

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИГИ НАЦИЙ*

(Японо-китайский конфликт по вопросу о Манчжурии 1931—1933 годов)

Проф. Б. Штейн

В течение своего двадцатилетнего существования (1919—1939 гг.) Лига наций (Ассамблея или Совет, а в некоторых случаях Ассамблея и Совет) рассмотрела около 50 политических конфликтов, возникавших между отдельными государствами в этот промежуток времени. Эти конфликты были разнообразны как по своему содержанию, так и по значению с точки зрения влияния на международную обстановку в целом. Так например, хотя спор между Великобританией и Финляндией по поводу конфискации английским правительством во время первой мировой войны нескольких финских пароходов и занял ряд заседаний Совета, но ясно, что этот спор не мог вызвать ни войны между этими государствами, ни даже разрыва дипломатических отношений. Другое дело такие конфликты, как японо-китайский в 1931—1933 гг., итало-абиссинский в 1935 г., германо-итальянская вооружённая интервенция в Испанию в 1936—1939 гг. и т. п. Эти конфликты не только являлись военными столкновениями между «сторонами в конфликте», но они стали важными этапами в развитии международной агрессии, с одной стороны, и «политики невмешательства» — с другой, т. е. в развитии двух политических тенденций, которые привели ко второй мировой войне.

Настоящая статья посвящена исследованию первого крупного международного конфликта, который рассматривался Лигой наций. Именно захват Манчжурии Японией положил начало процессу последовательного развития и нарастания агрессии со стороны трёх государств, которые впоследствии создали «ось Рим—Берлин» и «треугольник Рим—Берлин—Токио». С другой стороны, захват Манчжурии Японией и обсуждение этого конфликта в Лиге наций впервые выявили политическую тенденцию ведущих западноевропейских государств, получившую впоследствии наименование «политики невмешательства».

Следует напомнить, что Муссолини уже после захвата Абиссинии говорил, что он окончательно решился на этот захват

именно в 1933 г.; когда обнаружилось полное бессилие Лиги наций и нежелание её эффективно противодействовать захвату Манчжурии Японией. В самом деле, известно, что несмотря на очевидное нарушение Японией ряда статей устава Лиги наций (10, 11 и 15-й), несмотря на то что ст. 16 устава Лиги наций требовала применения к Японии санкций, Лига от применения санкций отказалась. Это самоустранение Лиги наций наряду с другими причинами привело к полному её краху.

Японо-китайский конфликт, вызванный захватом Манчжурии, в данной статье нас интересует не с точки зрения последовательного развития событий в Манчжурии и оккупации её японскими войсками, а лишь с точки зрения отражения этого конфликта в дискуссии, имевшей место в Совете и Ассамблее Лиги в течение 1931—1933 годов. Вот почему истории оккупации Манчжурии мы будем касаться лишь в той мере, в какой это необходимо для пояснения как прений в Лиге наций, так и её резолюций.

19 сентября 1931 г. представители Японии и Китая информировали Совет Лиги об инциденте, происшедшем накануне вечером в окрестностях Мукдена между японскими и китайскими войсками.

В сообщении китайского правительства говорилось о том, что «в 22 часа 18 сентября 1931 г. регулярные японские части без какого бы то ни было повода открыли ружейный и артиллерийский огонь против китайских солдат в Мукдене, бомбардировали арсенал и казармы, обстреляли склады с амуницией и разоружили китайские части в Чангчуне, Кваньчендце и других местах»¹. Согласно версии японского командования, сообщённой Совету Лиги 26 декабря, «патруль из семи японских солдат во главе с лейтенантом, производивший учение в зоне железной дороги к северу от Мукдена, около 22 час. 30 мин. услышал впереди себя сильный взрыв. Он перешёл дорогу и, примерно, в пятистах метрах севернее того места, где произошёл взрыв, увидел разбегавшихся китайских солдат. Патруль

* Настоящая статья представляет собой часть 3-й главы подготовляемой к печати книги автора «История Лиги наций».

¹ «Journal officiel» за декабрь 1931 г., стр. 2453.

сначала бросился их преследовать, но был обстрелян китайскими солдатами, находившимися в укрытии, примерно, в количестве от 400 до 500. Преследуя китайских солдат, японский отряд занял часть китайских казарм на севере от Мукдена»¹.

При всём расхождении китайской и японской версий относительно инцидента 18 сентября 1931 г. совершенно очевидно, что этот инцидент мог бы явиться незначительным эпизодом, способным быть улаженным на месте, если бы... он и был таким эпизодом. Между тем в действительности инцидент 18 сентября явился началом планомерной оккупации Манчжурии японскими войсками.

21 сентября китайское правительство обратилось в Совет Лиги с просьбой, чтобы последний, согласно ст. 11 устава, немедленно принял меры, дабы помешать обострению обстановки, которая ставит под угрозу мир между народами, восстановить статус кво и установить размер и характер репараций Китайской республике. Лига наций была вынуждена заняться этой проблемой.

22 сентября Совет уполномочил своего президента (представителя Испании):

«1. Обратиться к правительствам Китая и Японии с срочным предложением воздержаться от всякого акта, способного обострить обстановку или помешать мирному улаживанию проблемы.

2. Изыскать в консультации с представителями Китая и Японии соответствующие средства, чтобы позволить обеим странам немедленно приступить к отводу их войск без нарушения безопасности жизни их граждан или неприкосновенности их имущества»².

Совет постановил кроме того переслать правительству США в порядке информации протоколы своих заседаний и документы, относящиеся к ним. Это был первый шаг Лиги наций, направленный на установление непосредственного контакта с США по вопросу о событиях в Манчжурии.

23 сентября китайское правительство, отвечая на послание президента Совета, настаивало на принятии срочных мер для немедленного отвода японских войск. 24 сентября японское правительство, отвечая на послание президента Совета, сообщило, что отвод японских войск уже начался и проводится в пределах, обеспечивающих безопасность японских подданных и охрану железных дорог.

25 сентября правительство США в письме на имя Совета Лиги наций сообщило о посылке им японскому и китайскому правительствам идентичных нот, базирующихся на принципах, изложенных в резолюции Совета Лиги от 22 сентября 1931 года.

В ноте США, сообщённой в копии Совету Лиги наций, говорилось: «Правительство и народ Соединённых Штатов следят с чувством сожаления и беспокойства за последними событиями в Манчжурии. Принимая во внимание искреннее желание американ-

ского народа, дабы в международных отношениях преобладали мирные принципы и методы, а равно существование договоров, многие из которых были подписаны США и постановления которых предназначены для урегулирования споров между нациями без обращения к силе, американское правительство считает себя вправе выразить китайскому и японскому правительствам надежду, что они обяжут свои военные силы избегать новых враждебных актов и что они примут в отношении своих вооружённых сил решение, позволяющее выполнить обязательства, наложенные международным правом и международными договорами, и что они воздержатся от каких-либо действий, способных компрометировать урегулирование их спора дружественным путём»³.

Это обращение американского правительства представляло собой, таким образом, первое официальное вмешательство США в японо-китайский конфликт и первое предупреждение, что США готовы координировать свои действия с мерами, которые примет Лига наций против японской агрессии в Манчжурии. Однако в этот период Лига наций и правительство США действовали раздельно, хотя и осведомляли друг друга о предпринимаемых шагах.

25 сентября Совет постановил обратиться к японскому правительству с предложением отвести в кратчайший срок войска из внутренней железнодорожной зоны. Совет принял к сведению заверения китайского правительства о готовности принять на себя, по мере отвода японских войск, ответственность за безопасность японских подданных и охрану их имущества вне зоны железной дороги. 30 сентября представитель Китая обратился с предложением к Совету заключить под эгидой Совета специальный договор, фиксирующий положения, которые должны быть приняты на месте и которые установят близкую дату отвода войск.

30 сентября Совет: «1. Принял к сведению ответы китайского и японского правительств, данные на срочное обращение, которое было им адресовано президентом Совета, а равно и сообщение о тех мерах, которые были предприняты, согласно этому обращению. 2. Признал важность декларации японского правительства, согласно которой Япония не имеет никаких территориальных притязаний в Манчжурии. 3... Принял к сведению декларацию, сделанную представителем Японии, согласно которой его правительство будет осуществлять настолько возможно быстро уже начавшийся отвод японских войск, дабы их сосредоточить в зоне железной дороги. 4... Принял к сведению декларацию представителя Китая, согласно которой его правительство примет на себя ответственность за безопасность японских граждан и неприкосновенность имущества, принадлежащего им вне указанной зоны, по мере того, как будет осуществляться отвод японских войск. 5... Принял к сведению тот факт, что представители Китая и Японии дали заверения

¹ «Journal officiel» за декабрь 1931 г., стр. 2478.

² P.V.C. LXV, p. 2265—2274.

³ «Journal officiel» за декабрь 1931 г., стр. 2456.

их правительств о принятии взаимно всех необходимых мер, дабы не углублять инцидент и не осложнять обстановку. 6... Предлагает обеим сторонам сделать всё необходимое для ускорения восстановления между ними нормальных отношений. 7... Предлагает обеим сторонам сообщить Совету полную и частую информацию об изменении обстановки...»¹.

Эта резолюция и решение об отсрочке заседаний Совета до 14 октября объективно предоставили японскому правительству свободу рук в Манчжурии, чем оно и воспользовалось. Отхода японских войск не последовало. Наоборот, они систематически увеличивали зону оккупации Манчжурии.

9 октября 1931 г. правительство Китая потребовало срочного созыва Совета Лиги, ссылаясь на действия «наступательного характера» японских войск в Манчжурии. В тот же день председатель Совета напомнил правительствам Китая и Японии о принятых ими на себя обязательствах и созвал Совет на 13 октября.

Параллельно развивалось сотрудничество между Советом Лиги и США. 12 октября 1931 г. государственный департамент США обратился к Совету Лиги с посланием, в котором заявил, что правительство США, «действуя независимо при помощи своих дипломатических путей, попытается усилить действия Лиги наций и заявит ясно, что оно не является заинтересованным в этом вопросе и что оно не теряет из виду те обязательства, которые Япония и Китай взяли на себя по отношению к другим подписавшим Парижский трактат, а равно пакт девяти держав, если придёт соответствующий момент, когда окажется необходимым, чтобы эти обязательства были реализованы».

Послание государственного департамента США явилось их вторым открытым шагом, свидетельствующим о том, что в США с неослабевающим вниманием следили за развитием манчжурских событий и готовы были поддержать Лигу наций, если бы она приняла действенные меры к прекращению японской агрессии. Впервые в послании государственного департамента была сделана ссылка на пакт Келлога и на пакт девяти держав. Если ссылка на пакт Келлога могла и не произвести на японское правительство большого впечатления, ибо этот пакт нарушался и до агрессии в Манчжурии, то напоминание о пакте девяти держав звучало достаточно серьёзно.

15 октября Совет Лиги наций предложил правительству США прислать своего представителя, который бы принял участие в заседании Совета. Этому решению предшествовало заседание Совета, на котором представитель Японии пытался помешать приглашению США. Предложение о приглашении представителя США внёс Аристид Бриан, бывший в то время председателем Совета Лиги. Указав на то, что контакт с США по вопросу о событиях в Манчжурии уже установлен и что в данном случае речь идёт о соблюдении обязательств, не только

вытекающих из устава Лиги наций, но и из Парижского пакта, Бриан подчеркнул, что среди подписавших этот пакт США фигурируют в числе первых, что они были автором этого пакта. Бриан при этом напомнил и о своей роли в создании пакта Бриана — Келлога. «Американское правительство, — продолжал он, — уже выразило свою горячую симпатию по поводу позиции, занятой Лигой наций, и заявило о своём желании усилить действия Лиги»².

Бриан заметил, что, если будет послано приглашение правительству США уполномочить своего представителя занять место за столом Совета, это будет соответствовать желанию многих членов Совета.

На это выступление Бриана немедленно реагировал японский представитель Иошизава. Он просил председателя Совета огласить письмо, посланное им Бриану утром того же дня. В этом письме Иошизава сформулировал в пяти пунктах свои «сомнения» в законности (с точки зрения устава Лиги наций) приглашения для участия в Совете представителя государства, не являющегося членом Лиги наций. Нет надобности приводить эти «юридические сомнения» Иошизавы. Интересно лишь отметить, что в пятом пункте его возражений была сделана попытка сорвать возможное приглашение представителя США «законным образом». Он полагал, что решение Совета о приглашении должно быть принято единогласно, а так как Япония состояла членом Совета и голосовала бы против, то подобное решение было бы, во всяком случае, сорвано.

После выступления Иошизавы последовала дискуссия, в которой приняли участие Бриан, представитель Великобритании лорд Ридинг и представитель Испании Мадарьяга. Как представитель Великобритании, так и представитель Испании поддерживали предложение Бриана о приглашении США. В последний момент Иошизава сделал новую попытку сорвать решение Совета и потребовал создания комитета юридических экспертов для изучения законности приглашения США. Лорд Ридинг потребовал предварительного ответа Иошизавы, примет ли он решение этого комитета, если такой будет образован. Иошизава отказался дать твёрдое обещание принять решение комитета. Тогда Бриан поставил предложение Иошизавы (о создании комитета юристов) на голосование. Это предложение было отклонено двенадцатью голосами, против двух. Характерно, что второй голос (первый, естественно, принадлежал Японии) принадлежал представителю Германии. Таким образом, уже в 1931 г. Германия оказала помощь японской агрессии. Эта помощь, впрочем, была робкой, ибо следующее голосование по вопросу о приглашении США дало такие результаты: 13 членов Совета голосовали за и 1 (Япония) — против. Германия тогда не посмела голосовать против.

16 октября правительство США приняло предложение Совета Лиги послать своего представителя, который бы «занял место за

¹ P.V.C. LXV, p. 2307—2309.

² «Journal officiel» за декабрь 1931 г., стр. 2322.

столом Совета и мог бы обсудить с последним расхождение между постановлениями Парижского пакта и печальной обстановкой, создавшейся в Манчжурии»¹.

На заседании Совета 16 октября по приглашению председателя Совета представитель США генеральный консул США в Женеве Джильберт Пренсис занял место за столом Совета. На этом же заседании он изложил точку зрения США так, как она была сформулирована в послании государственного секретаря США от 12 октября 1931 г., цитированного выше. Таким образом, с 15 октября 1931 г. представитель США участвовал в заседаниях Совета.

24 октября Совет отклонил тринадцатью голосами против одного проект резолюции, представленный представителем Японии, согласно которому отвод японских войск ставился в зависимость от предварительного соглашения между японским и китайским правительствами об основных принципах, регулирующих нормальные отношения, т. е. гарантирующих безопасность жизни японских граждан и охрану принадлежащего им имущества². Совет отложил заседания до 16 ноября 1931 г. с тем, чтобы вновь обсудить создавшуюся обстановку.

Ввиду того что обсуждение вопроса происходило в порядке ст. 11 устава, а последняя требует единогласия (включая и голоса «сторон в конфликте»), Совет Лиги наций, по существу, не принял никакого решения по вопросу о японской агрессии.

Итак, после месяца обсуждения манчжурского конфликта Совет Лиги наций оказался не в состоянии вынести какое-либо решение, препятствующее агрессии. 24 октября конфликт оставался в том же положении, в котором он находился 22 сентября 1931 г., с той лишь разницей, что район, подвергшийся агрессии, увеличился.

24 октября китайское правительство обратилось к Совету Лиги с декларацией, в которой оно давало обещание лояльно выполнять все обязательства, вытекающие из устава, и урегулировать на основе арбитражной или судебной процедуры все разногласия с Японией, относящиеся к интерпретации договоров. 26 октября японское правительство заявило в обращении к Совету об уточнении «основных принципов», признания которых Япония требовала от Китая как условия отвода своих войск. 29 октября президент Совета адресовал японскому правительству свои замечания по поводу декларации, опубликованной японским правительством в Токио 26 октября 1931 года. В этой декларации японское правительство настаивало на том, чтобы Китай предварительно согласился на ряд условий, представляющих, в сущности говоря, свободу действий Японии в Манчжурии.

16 ноября 1931 г. в Париже под председательством Бриана вновь собрался Совет Лиги наций. Ознакомившись с общей обстановкой, Совет постановил «обсудить на частных собраниях процедуру, при помощи которой можно было бы добиться ликвида-

ции конфликта»³. Эта фраза, сообщавшая о перенесении дискуссии на «частные заседания Совета» (т. е. неофициальные и притом секретные разговоры делегатов Совета), скрывала полное бессилие Совета принять какое-либо решение, направленное против Японии. Никто из руководящих членов Совета (Великобритания, Франция) и думать не хотел о применении ст. 16, т. е. санкций. В течение пяти дней не могли найти выхода из создавшегося положения. На шестой день «выход» был найден... представителем Японии. 21 ноября представитель Японии предложил Совету послать на место «комиссию изучения», считая, что было бы желательно доставить Совету объективные данные. Это предложение устраивало членов Совета, ибо оно создавало легальную основу для отсрочки решения по существу. 22 ноября китайское правительство в особом меморандуме представило свои соображения по вопросу о назначении «комиссии изучения». Японское предложение сделалось предметом согласования между правительствами членов Совета.

Между тем японские войска расширяли зону оккупации Манчжурии.

25 ноября китайское правительство обратило внимание Совета на положение в районе Чин-Чоу, где создалась угроза столкновения между японскими войсками и войсками Чжан Сюэ-ляна, и просило принять необходимые меры для создания нейтральной зоны между японскими и китайскими войсками.

26 ноября японское правительство сообщило Совету о «серьезной угрозе», созданной присутствием в районе Чин-Чоу значительных регулярных китайских войск, а также тем, что китайские власти используют «бандитские отряды и солдат, переодетых в гражданское платье». Японское правительство утверждало, что японские войска не предпримут никаких враждебных действий, кроме актов необходимой защиты или полицейских мероприятий.

28 ноября китайское правительство сообщило Совету о предстоящей атаке японских войск в Чин-Чоу и настаивало на немедленном вмешательстве Совета. В тот же день японское правительство напомнило Совету о том, что оно уже обязалось не допускать проникновения японских войск в зону, очищенную китайскими войсками, кроме непредвиденных серьезных обстоятельств, и заявило, что оно считает бесполезным вмешательство третьих в инцидент, который может быть урегулирован непосредственно с Китаем.

Обмен мнениями между членами Совета по вопросу о японском предложении послать в Манчжурию «комиссию изучения» дал положительный результат.

9 и 10 декабря 1931 г. в Париже состоялось новое заседание Совета, на котором была принята следующая резолюция: «Совет: 1... Подтверждает свою резолюцию от 30 сентября 1931 г., принятую единогласно и которой обе стороны торжественно заявили себя связанными. 2... Принимает к сведению

¹ ДОС С 723 М. 328. 1931, VII.

² P.V.C. LXV, p. 2358.

³ P.V.C. LXV, p. 2364—2371.

нию обязательства обеих сторон принять необходимые меры, дабы избежать нового обострения обстановки и воздержаться от всякой инициативы, способной вызвать новые столкновения и новые потери человеческих жизней. 3... Предлагает обеим сторонам продолжать держать Совет Лиги в курсе меняющейся обстановки. 4... Предлагает другим членам Совета доставлять Совету информацию, которую они будут получать от своих представителей на месте. 5. Решает назначить комиссию из пяти членов, которая будет уполномочена приступить к исследованию на месте и представить доклад о всех обстоятельствах, способных затронуть международные отношения, создать угрозу миру между Китаем и Японией или доброе согласие между этими двумя странами, от чего зависит мир»¹.

Характерно, что японский делегат в момент принятия этой резолюции заявил, что, «само собою разумеется, п. 2 резолюции не может помешать японским вооружённым силам принимать те меры, которые могут сделаться необходимыми для обеспечения жизни и имущества японского народа против бандитов, действующих в Манчжурии»². (Под «бандитами» понимались китайские войска, действовавшие в Манчжурии против Японии.) Таким образом, «принимая» резолюцию 10 декабря, Япония в то же время выговаривала себе полную свободу действий в Манчжурии.

23 декабря началось японское наступление в направлении Чин-Чоу. 3 января 1932 г. Чин-Чоу был оккупирован. 26 декабря 1931 г. китайское правительство сообщило о продвижении японских частей в направлении Чин-Чоу и просило президента Совета принять действенные меры, дабы осуществить второй пункт резолюции от 10 декабря. 27 декабря японское правительство сообщило об «усилении деятельности разбойничьих орд, угрожающих миру и безопасности Южной Манчжурии», вследствие чего японские войска предприняли наступление с целью организовать новую кампанию против «бандитов» и, в частности, в районе Чин-Чоу. 31 декабря китайское правительство сообщило, что японская армия двигается на запад от реки Ляо и что Япония увеличивает свою вооружённую силу в Манчжурии. Как впоследствии констатировала в своём докладе комиссия 19, к этому времени «в Южной Манчжурии китайский суверенитет был уничтожен»³.

14 января 1932 г. президент Совета сообщил, что «комиссия изучения», предусмотренная резолюцией 10 декабря 1931 г., сформирована в следующем составе: лорд Литтон (Великобритания) — председатель, граф Альдрованди-Марескотти (Италия), генерал Клодель (Франция), генерал Мак-Гой (США) и доктор Шнее (Германия).

С января 1932 г. конфликт в Манчжурии осложнился событиями в Шанхае, где

вспыхнули военные действия между японскими и китайскими войсками. Воодушевлённое успехом оккупации Манчжурии и полной бездеятельностью держав, японское командование решило захватить Шанхай — центр международной торговли с Китаем.

29 января 1932 г. японские вооружённые силы напали на Шанхай. Однако это нападение имело совершенно иные последствия, нежели захват Манчжурии. В Манчжурии японским войскам почти не было оказано сопротивления, а в Шанхае началась настоящая война. Японские вооружённые силы встретили упорное сопротивление 19-й кантонской армии, которой помогали шанхайские рабочие. Япония сосредоточила у Шанхая довольно крупные силы. В нападении на Шанхай принимали участие 37 военных судов, 4 пехотные дивизии и несколько полков морской пехоты. Сопротивление, оказанное Японии в Шанхае, сыграло роль в дальнейшей судьбе этого конфликта.

В задачу настоящей работы не входит изучение событий, происшедших в Шанхае между январём и маем 1932 года. Нам важно отметить лишь несколько характерных обстоятельств, которые отличали эти события от манчжурского вопроса с точки зрения позиции Лиги наций.

События в Шанхае разразились в наиболее неудобное для Лиги наций время. С одной стороны, в то время только что отправилась в Манчжурию комиссия Литтона, которая должна была «объективно расследовать события в Манчжурии», нападение же Японии на Шанхай чрезвычайно осложняло обстановку. С другой стороны, военные действия в Шанхае, начатые Японией, происходили буквально накануне открытия международной конференции по сокращению вооружений. Эта конференция открылась 2 февраля 1932 года. Война в Шанхае являлась далеко не оптимистической прелюдией к этой конференции. Таковы были внешние особенности шанхайских событий.

Гораздо важнее были другие особенности — экономическая сторона вопроса. Попытка Японии захватить Шанхай означала непосредственный удар по насущным интересам ряда держав и в первую очередь Великобритании, США и Франции. В Шанхае английские интересы были затронуты в гораздо большей степени, нежели в Манчжурии. Захват Шанхая означал полное вытеснение Великобритании из Китая. Вот почему отношение Лиги наций к шанхайским событиям было значительно более активным, нежели к событиям в Манчжурии. В этом можно убедиться при рассмотрении хотя бы в суммарном виде процедуры обсуждения в Лиге наций шанхайского инцидента.

25 января 1932 г. Совет Лиги обратился к представителям Китая и Японии с предложением их правительствам принять необходимые меры к тому, чтобы в Шанхае не вспыхнул новый пожар.

29 января китайское правительство обратилось в Совет Лиги с заявлением о том, что конфликт с Японией может вызвать

¹ P.V.C. LXV, p. 2378.

² Ibidem.

³ «Journal officiel». Suppl., spéc. No. 112, p. 62.

разрыв между двумя странами. Оно просило дополнительно применить к указанному конфликту не только ст. 11, но и ст. 15 устава Лиги наций и ставило об этом в известность Совет, дабы последний мог принять соответствующие меры; указанные в этих двух статьях. 29 января, ссылаясь на §§ 1 и 2 ст. 15 устава Лиги наций, генеральный секретарь Лиги предложил представителям Китая и Японии представить экспозе их точек зрения вместе с документами и материалами, которые бы их поддерживали.

С точки зрения особенностей событий в Шанхае, о которых мы говорили выше, характерно, что Совет Лиги по первой же просьбе Китая действовал согласно ст. 15 устава, а не пытался задержаться на ст. 11, как это было в вопросе о Манчжурии.

30 января 1932 г. Совет Лиги предложил правительствам — членам Совета (кроме заинтересованных сторон), — имевших официальных представителей в Шанхае, образовать из этих представителей комиссию, которая должна будет направить генеральному секретарю Лиги доклад об инцидентах, происшедших в Шанхае и его окрестностях, а равно о причинах этих инцидентов и их эволюции. Эта шанхайская комиссия была образована из консулов Италии (президент), Германии, Великобритании, Испании и Франции. Консул США, не входя в комиссию, сотрудничал с нею.

1 февраля китайское правительство заявило, что оно отнюдь не имеет намерения объявить войну Японии и что оно ограничится «осуществлением права законной защиты, которая неотъемлемо принадлежит суверенитету китайского государства»¹. В тот же день японское правительство сообщило, что «действия, к которым японские вооружённые силы были принуждены прибегнуть в Шанхае, имели своим происхождением агрессию со стороны китайцев, сопровождавшуюся повторными нарушениями договоров, заключённых при посредничестве представителей третьих держав»².

2 февраля 1932 г. на заседании Совета Лиги наций представитель Великобритании информировал Совет Лиги о том, что его правительство обратилось к Токио и Нанкину со следующими формальными требованиями: 1) положить конец всяким актам насилия и всякой подготовке враждебных действий; 2) отвести в зоне Шанхая обеим сторонам свои войска и для усиления безопасности международной концессии создать нейтральную зону; 3) немедленно открыть переговоры, с тем чтобы разрешить все противоречия в духе Парижского пакта и резолюции Совета от 10 декабря 1931 года.

6 февраля шанхайская комиссия Лиги наций направила свой первый отчёт в Лигу. 7 февраля представитель Китая потребовал немедленного созыва Совета для рассмотрения этого доклада. В тот же день японское правительство заявило, что оно ограничивается обеспечением спокойствия на Дальнем

Востоке любыми мерами и не имеет никаких политических целей в районе Шанхая.

9 февраля Совет снова обсуждал этот вопрос. Президент Совета настаивал перед представителем Японии на создании в кратчайший срок нейтральной зоны в Шанхае, которая будет оккупирована международными вооружёнными силами, находящимися в этом городе.

12 февраля шанхайская комиссия представила новый доклад, в котором утверждала, что начиная с 3 февраля имеет место открытое состояние войны и что всякая мысль о перемирии должна быть оставлена. В тот же день китайское правительство потребовало перенесения конфликта в Ассамблею на основании § 9 ст. 15 устава Лиги³.

16 февраля члены Совета (без спорящих сторон) обратились с декларацией к японскому правительству. Эта декларация в основном была идентична обращению правительства Великобритании, которое было оглашено на заседании Совета 2 февраля и которое мы цитировали выше. 18 февраля китайское правительство потребовало немедленного созыва Совета в связи с японским ультиматумом, требующим отвода китайских войск на 20 км к северу, востоку и западу от международной концессии Шанхая до 17 часов 20 февраля 1932 года. 19 февраля Совет адресовал японскому правительству обращение, в котором настойчиво требовал продлить срок ультиматума. В тот же день Совет постановил, чтобы 3 марта Ассамблея рассмотрела японо-китайский конфликт, согласно § 9 ст. 15 устава.

29 февраля 1932 г. представитель Великобритании на заседании Совета информировал последний, что командующие японскими и китайскими войсками в Шанхае накануне собрались на борту английского адмиральского судна, дабы изучить возможность заключения соглашения о прекращении враждебных действий, что это соглашение было заключено на основе обоюдного и одновременного отхода обеих армий и что было изучено также в деталях, каким образом эвакуированная зона может быть контролируема при помощи нейтралов. В заключение предложения были переданы заинтересованным правительствам.

Президент Совета сообщил следующий план переговоров:

1. Немедленный созыв в Шанхае конференции из представителей китайского и японского правительств, а также представителей всех других основных держав, которые имеют специальные интересы в концессиях Шанхая. Эта конференция должна будет добиться окончательного прекращения враждебных действий и установления мира в районе Шанхая.

³ § 9 ст. 15 устава Лиги наций гласил: «Совет Лиги может во всех случаях, предусмотренных в настоящей статье, перенести спорный вопрос в Ассамблею. Точно так же Ассамблея должна принять к рассмотрению вопрос по требованию одной из сторон. Эта просьба должна быть представлена в течение 14 дней, считая с момента обсуждения вопроса в Совете».

¹ ДОС С 156 М. 69. 1932, VII.

² ДОС С 161 М. 74. 1932, VII.

2. База дискуссии на конференции будет следующей: а) Япония не имеет ни политических или территориальных претензий, ни намерения организовать японскую концессию в Шанхае, ни поощрять в какой-либо иной форме исключительные интересы японцев; б) Китай участвует в конференции, но принимается во внимание, что безопасность и целостность международной концессии и французской концессии будут сохранены на основании договора, который гарантирует от всякой опасности эти зоны и живущих там резидентов.

3. Созыв этой конференции, естественно, подчинён соглашению на месте о прекращении враждебных действий. Совет рассчитывает, что это условие будет быстро осуществлено. Предлагается всем военным, морским и гражданским властям основных держав, представленных в Шанхае, оказать возможную помощь, дабы заключить это соглашение.

Представители Италии, Великобритании и Франции заявили, что их правительства присоединяются к предложениям президента. В тот же день правительство США заявило также о своём присоединении к этим планам переговоров. Со своей стороны японское правительство заявило о своих возражениях против применения ст. 15 устава к японо-китайскому конфликту и с этой оговоркой приняло приглашение на Ассамблею.

Таким образом, с 30 января по 3 марта 1932 г. Лига наций занималась японо-китайским конфликтом лишь в той мере, в какой речь шла о событиях в Шанхае. За этот промежуток времени обстановка в Манчжурии коренным образом изменилась.

17 февраля 1932 г. в Манчжурии был образован Высший административный совет, который 18 февраля опубликовал декларацию «о независимости Манчжурии». Чрезвычайно любопытно, что на заседании Совета Лиги 19 февраля представитель Японии объяснил, что в Манчжурии «независимость» является синонимом «автономии» и что «Япония смотрит весьма благосклонно на установление этой независимости»¹. 19 марта все местные власти Манчжурии были объединены в одно «независимое» государство—Манчжоу-Го. Генри Пу-и (бывший китайский император Сюан Тунг) принял на себя управление этим государством. Китайское правительство ещё 17 ноября 1931 г. сообщило, что бывший император «под охраной японцев был перевезён с японской концессии в Тяньцзине в Мукден с несомненной целью создать подобие правительства и провозгласить его императором»².

Провозглашением «независимости» Манчжурии и прокламацией Пу-и «императором Манчжурии» Япония поставила Лигу наций перед совершившимся фактом. Лига наций не реагировала на это, дожидаясь... доклада «комиссии изучения» (Литтона).

3 марта открылась чрезвычайная Ассамб-

лея, она образовала генеральную комиссию, составленную из представителей всех государств, а 4 марта приняла следующую резолюцию: «Напоминая предложения, сделанные Советом Лиги 29 февраля, и не касаясь других мероприятий, которые были рассмотрены, Ассамблея:

1) предлагает японскому и китайскому правительствам принять немедленно необходимые меры, дабы обеспечить действительное выполнение приказов, данных командующими обеих сторон (в Шанхае) для прекращения военных действий;

2) просит другие державы, которые имеют специальные интересы в концессиях Шанхая, осведомить Ассамблею об условиях, в которых было выполнено формальное предложение, указанное в предыдущем параграфе;

3) рекомендует, чтобы были организованы переговоры японских и китайских представителей с помощью военных, морских и гражданских властей держав, дабы было заключено соглашение, которое окончательно прекратит враждебные действия и урегулирует отход японских войск»³.

Итак, первая резолюция чрезвычайной Ассамблеи касалась событий в Шанхае, а не захвата Манчжурии. Только 11 марта Ассамблея приняла резолюцию, которая имела отношение к вопросу о Манчжурии:

«II. Ассамблея, утверждая, что попытка урегулирования японо-китайского конфликта под военным давлением с той и другой стороны будет противоречить духу устава Лиги наций, напоминает резолюции Совета от 30 сентября и 10 декабря 1931 г., принятые в согласии с сторонами; напоминает также свою собственную резолюцию от 4 марта 1932 г., принятую также совместно со сторонами по вопросу об окончательном прекращении враждебных действий и отводе японских сил.

III. Ассамблея постановляет создать комиссию из 19 членов, а именно: президент Ассамблеи, который будет выполнять обязанности председателя комиссии, члены Совета (кроме спорящих сторон) и 6 других членов, избранных тайным голосованием. Эта комиссия будет осуществлять свои функции от имени и под контролем Ассамблеи и будет уполномочена:

1) ...предоставить как можно скорее доклад о прекращении враждебных действий и заключении соглашений, могущих сделать окончательным это прекращение, а равно урегулировать вопрос об отводе японских частей, в согласии с резолюцией Ассамблеи от 4 марта 1932 г.;

2) наблюдать за выполнением резолюций, принятых Советом 30 сентября и 10 декабря 1931 г.;

3) принять все меры к подготовке урегулирования спора, в согласии со сторонами, на основании ст. 15 § 3 устава, и представить экспозе Ассамблеи;

4) предложить, если это окажется необ-

¹ «Journal officiel». Специальное добавление № 112, стр. 64.

² «Journal officiel» за декабрь 1931 года.

³ «Journal officiel». Suppl., spéc. No. 101, p. 43—44.

ходимым, Ассамблее передать постоянной палате международного правосудия просьбу о консультативном заключении;

5) эвентуально подготовить проект доклада, предусмотренного § 4 ст. 15 устава;

6) подготовить всякое другое срочное мероприятие, которое может сделаться необходимым;

7) представить Ассамблее как можно скорее и самое позднее к 1 мая 1932 г. первый доклад о положении вещей.

Ассамблея остаётся нераспущенной, и её председатель может созвать её в любой момент, когда найдёт это нужным»¹.

В тот же день Ассамблея тайным голосованием утвердила Швейцарию, Чехословакию, Колумбию, Португалию, Венгрию и Швецию в качестве членов, посылающих своих представителей в комиссию 19.

Эта резолюция требует некоторых пояснений. Прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что Ассамблея начала свою деятельность с образования комиссии, которой поручалось действовать от имени Ассамблеи. Совершенно очевидно, что подобная комиссия, к тому же составленная в большинстве из представителей малых и совершенно не заинтересованных в том или ином исходе японо-китайского конфликта стран, не имела и не могла иметь того авторитета и престижа, которые имели Лига и её Ассамблея. Образовывая эту комиссию, Ассамблея перекладывала на неё ответственность, которая лежала на самой Ассамблее. Такова одна сторона вопроса.

Далее резолюция предлагала комиссии приступить к урегулированию конфликта на основании § 3 ст. 15 устава. Предыдущая дискуссия воочию показала, что все попытки согласительной процедуры исчерпаны и что осталось перейти к процедуре судебной, предусмотренной ст. 15 устава Лиги наций. Однако ст. 15 имеет разные параграфы. Только § 4 ст. 15 представляет возможность вынесения такой рекомендации спорящим сторонам, от отношения к которой той или иной стороны зависит и возможное применение санкций. Наоборот, § 3 ст. 15 говорит (как и процедура ст.ст. 11 и 12) о согласительной процедуре. В § 3 ст. 15 сказано, что «Совет Лиги прилагает усилия к тому, чтобы обеспечить урегулирование спора». Резолюция чрезвычайной Ассамблеи от 11 марта, несмотря на то что в предшествующей дискуссии выяснился крах примирительной процедуры, тем не менее поручила комиссии 19 продолжать именно эту процедуру и лишь предусмотрела возможность перехода в дальнейшем к процедуре судебной, согласно § 4. Таким образом, и на этот раз была сделана новая попытка отсрочить решение вопроса.

12 марта 1932 г. китайское правительство приняло резолюцию Ассамблеи от 11 марта. 30 апреля комиссия Литтона прислала предварительный доклад Совету Лиги. 5 мая состоялось подписание соглашения об окон-

чательном прекращении враждебных действий в Шанхае. 23 июня китайская делегация обратилась с письмом к специальному комитету (комиссия 19) чрезвычайной Ассамблеи. В этом письме, «принимая во внимание серьёзное положение», созданное тем обстоятельством, что японо-китайский парламент принял резолюцию о признании правительства Манчжоу-Го, китайская делегация просила предложить японскому правительству «воздержаться от всякой инициативы, которая могла бы обострить положение».

4 сентября 1932 г. комиссия Литтона направила новый доклад Совету Лиги, представлявший целый том и содержащий обширные исследования по истории, экономике, этнографии Манчжурии и подробное изложение японо-китайского конфликта в разных его стадиях. Авторы доклада всячески стремились проявить свою «объективность», не давая повода заподозрить их в пристрастном отношении к той или другой стороне. Эти их стремления и нежелание брать на себя роль судьи встретили горячее одобрение руководителей Лиги наций, в особенности одного из основоположников «политики невмешательства», сэра Джона Саймона (ныне лорд Саймон).

При всей своей «объективности» авторы доклада не могли не признать факта нападения японских войск на Манчжурию. Таким образом, фактическая сторона японской агрессии была констатирована в докладе комиссии Литтона. Этого, собственно говоря, было достаточно для применения к Японии § 4 ст. 15 устава, а в случае неприятия ею рекомендаций, согласно этому параграфу, и продолжения военных действий — применения к ней санкций, согласно ст. 16.

В своём докладе комиссия Литтона не ограничилась констатацией факта нападения японских вооружённых сил на Манчжурию и не поспешила на описание «обстановки» и «специфических условий», которые должны были, если не открыто оправдать, то, во всяком случае, в значительной мере «объяснить причины» нападения. Доклад подробно рассказывал о кампании в Китае (в частности в Манчжурии) против иностранцев вообще и японцев в особенности (ксенофобия) и о бойкоте японских товаров. Таким образом, в этой части доклада были повторены те же аргументы, которыми японцы не только объясняли, но и оправдывали нападение на Манчжурию как меру «законной самозащиты».

Авторы доклада неоднократно подчёркивали, что простое восстановление статуса кво, существовавшее до 18 сентября 1931 г., с их точки зрения, не разрешит вопроса. Правда, они вынуждены были заявить, что условием какого бы то ни было решения манчжурской проблемы должна явиться предварительная эвакуация японских войск из Манчжурии. Однако эвакуация отнюдь не должна была, по мнению комиссии Литтона, вернуть Китаю полный суверенитет над Манчжурией, который был грубо нарушен японским нападением 18—19 сентября

¹ «Journal officiel». Suppl., spéc. No. 101, p. 87—88.

1931 года. «Конструктивные предложения» комиссии Литтона заключались в создании для Манчжурии режима «широкой автономии». На деле эта «автономия», конечно, была несовместима с суверенитетом Китая и фактически отменяла его. Автономная Манчжурия, согласно докладу Литтона, должна была носить «интернациональный характер» и находиться под международным контролем. Само собой разумеется, что все «права» Японии в Манчжурии должны были быть сохранены. Таким образом, комиссия Литтона, по существу, делала попытку разделить эксплуатацию Манчжурии между Японией, с одной стороны, и другими «заинтересованными» державами — с другой.

Уже тогда можно было не сомневаться в том, что Япония, захватившая вооружённым путём Манчжурию, отнюдь не склонна будет ни выводить свои войска отсюда, ни делить свои «исключительные права» в Манчжурии с кем бы то ни было.

14 сентября японское правительство потребовало предоставления ему срока в шесть недель после передачи доклада комиссии для формулировки своих замечаний. 16 сентября японская делегация сообщила Совету Лиги наций, что японское правительство подписало накануне с правительством Манчжоу-Го протокол, заключающий формальное признание Манчжоу-Го японским правительством.

8 августа 1932 г. командующим квантунской армией был назначен генерал Мутто. Одновременно он получил звание чрезвычайного посла в Манчжурии. 15 сентября Мутто подписал с премьер-министром Манчжоу-Го следующий протокол: «Правительство Японии и правительство Манчжоу-Го, принимая во внимание, что Япония констатировала факт образования Манчжоу-Го волей его граждан в качестве свободно образованного и независимого государства; принимая во внимание, что Манчжоу-Го заявило о выполнении им международных соглашений, заключённых в Китае в той части, в которой они касаются Манчжоу-Го, и в целях установления навсегда отношений доброго соседства между Японией и Манчжоу-Го, взаимно уважать их территориальные права и обеспечить мир на Дальнем Востоке, условились в нижеследующем:

1. Манчжоу-Го подтвердит и будет уважать, если в будущем не будет заключено иных договоров между Японией и Манчжоу-Го, все права и интересы, которыми обладает Япония и её подданные, на территории Манчжоу-Го, в силу договоров, соглашений или других обязательств между Японией и Китаем, а равно и китайско-японских соглашений, государственных или частных.

2. Япония и Манчжоу-Го, констатируя, что всякая угроза территориальной неприкосновенности или безопасности одной из двух договаривающихся сторон является в то же время угрозой безопасности существованию другой стороны, соглашаются взаимно сотрудничать во внутренней и внешней защите государства (Манчжоу-Го); необхо-

димые для этого военные силы (японские) будут находиться в Манчжоу-Го»¹.

Таким образом, Манчжоу-Го было формально признано Японией. Китайское правительство решительно протестовало против этого признания и заявило, что, «согласно прецеденту её политики в Корее, Япония установила свой подлинный протекторат в Манчжурии в целях последующей её аннексии»². 17 сентября китайская делегация просила президента чрезвычайной Ассамблеи ускорить действия Лиги наций, подчёркивая мероприятия, которые могут заставить уважать решения Ассамблеи. 24 сентября Совет предоставил японскому правительству срок в 6 недель для формулировки его возражений и замечаний на доклад комиссии Литтона. Совет решил обратиться 14 или самое позднее 21 ноября, дабы начать изучение этого доклада и eventualmente замечания японского правительства.

18 ноября японское правительство сообщило свои замечания по поводу доклада комиссии Литтона, а 21 ноября представитель Китая в Совете изложил точку зрения своего правительства по поводу этого доклада.

Прежде чем передать доклад комиссии Литтона на обсуждение Ассамблеи Лиги, как на этом настаивало китайское правительство, Совет Лиги должен был высказаться по вопросу о том, кто и на основании какой процедуры должен быть решающей инстанцией в манчжурском вопросе: Совет или Ассамблея Лиги. Япония стояла за Совет и за процедуру ст. 11, на основании которой и была образована комиссия Литтона (мирное посредничество Совета). Китай, наоборот, считал, что Совет должен быть лишь передаточной инстанцией по отношению к пленуму Лиги, действующему в данном случае на основании ст. 15 (нарушение мира), которая в дальнейшем может вызвать применение ст. 16 (санкции против нарушителя мира). Обсуждение в Совете, где, кроме Японии, заседали государства, в большинстве своём непосредственно заинтересованные в дальневосточных делах, было выгодно Японии и давало повод рассчитывать на гибкость при вынесении тех или иных резолюций. На пленуме Лиги, наоборот, заседало большое количество малых государств, непосредственно не заинтересованных в проблеме Дальнего Востока, но зато заинтересованных в повышении престижа Лиги.

Японским делегатам не удалось убедить членов Совета высказаться против передачи разрешения конфликта Ассамблее. Совету было выгодно передать доклад комиссии Литтона именно Ассамблее и тем самым не занимать определённой позиции, т. е. снова выиграть время.

28 ноября Совет Лиги решил передать чрезвычайной Ассамблее доклад комиссии Литтона, замечания японского правительства по этому вопросу, а равно протоколы

¹ «Journal officiel». Специальный выпуск № 112.

² «Journal officiel». Специальное добавление № 111, стр. 84.

своих заседаний от 21 и 28 ноября 1932 года.

Прения по докладу комиссии Литтона развернулись на заседаниях чрезвычайной Ассамблеи 6 и 9 декабря 1932 года. После того как отсрочка решения Лиги наций по вопросу о японской агрессии, вызванная образованием комиссии Литтона и затем её работой с января по сентябрь 1932 г., а равно изучением доклада японским правительством, была полностью исчерпана, чрезвычайная Ассамблея должна была вынести какое-либо решение.

Это решение зависело в первую очередь от позиции правительства Великобритании. Было совершенно очевидно, что именно его позиция будет решающей в определении поведения Лиги наций в целом. В самом деле, из всех членов Лиги наций Великобритания была более всего заинтересована в судьбе Манчжурии. Было также очевидно, что вторая крупная держава Лиги наций — Франция — ни в коей мере не сможет (даже если бы она хотела) взять на себя инициативу в решении дальневосточной проблемы. Тем менее можно было ожидать какой-либо инициативы от малых держав, совершенно не заинтересованных в проблемах Дальнего Востока. Вот почему центральным пунктом дискуссии на чрезвычайной Ассамблее 6 и 9 декабря 1932 г. было выступление министра иностранных дел Великобритании сэра Джона Саймона 7 декабря. Его речь ожидали с большим нетерпением, и она была прослушана с напряжённым вниманием. От того, выскажется ли Джон Саймон за применение санкций к Японии или нет, зависела судьба (и это сознавали многие члены Лиги наций) не только данного конфликта, но и всего будущего Лиги наций как органа международной безопасности.

Саймон начал свою речь с неумеренных похвал комиссии Литтона и её докладу. Главную заслугу этого доклада Саймон видел в том, что комиссия подчеркнула «исключительно сложный комплекс манчжурской проблемы». Саймон процитировал одно место (стр. 137) доклада комиссии Литтона: «Настоящий случай не является таким, когда одна сторона объявила войну другой, не исчерпав при этом предварительно всех возможностей соглашения, предоставляемых уставом Лиги наций. Ещё менее идёт речь о простом случае нарушения границы вооружёнными силами соседней страны. Обстановка в Манчжурии не имеет себе подобной в других частях света во всех отношениях»¹.

Цитируя это место доклада комиссии Литтона, Саймон, по существу, отверг обвинение Японии в агрессии. В самом деле, раз в данном случае не имеется ни войны, ни простого нарушения границ, следовательно, нет и агрессии.

В развитии своей аргументации Саймон пошёл дальше. Он подчеркнул, что «в отличие от впечатления, которое выявилось

во многих кругах, по его мнению, доклад комиссии Литтона не становится на защиту какой-либо из сторон в конфликте... Он (доклад. — Б. Ш.) не рассматривает одну из сторон как виновную в происшедшем зле, а другую сторону — как не подлежащую каким-либо упрекам».

Таким образом, Саймон лишил доклад комиссии Литтона даже его скромных заключений относительно агрессии Японии. Затем Саймон довольно подробно остановился на «вражде против иностранцев» и кампании бойкота, которые имели место в Китае. Наконец, Саймон процитировал то место из доклада комиссии Литтона (стр. 138), в котором говорилось, что «простое возвращение к status quo ante не является решенным вопросом».

Какое же решение предлагал Саймон? Было совершенно очевидно, что позиция Саймона исключала не только применение санкций, но даже заключение о наличии японской агрессии в Манчжурии. Саймон открыто заявил, что он не собирается быть судьёй ни той, ни другой стороны. Он высказался за прямые переговоры между сторонами, а равно за то, чтобы Лига наций помогала в этих переговорах. К этому он прибавил предложение включить в состав специального комитета (комиссии 19) представителей двух государств, нечленов Лиги, — США и СССР.

Если у кого-либо ещё и оставались иллюзии относительно возможности какой бы то ни было активности Лиги наций в этом вопросе, то после выступления Саймона эти иллюзии исчезли. Дальнейшая судьба японо-китайского конфликта в Лиге наций была предрешена.

9 декабря 1932 г. чрезвычайная Ассамблея постановила уполномочить комиссию 19 изучить замечания обеих сторон и предложения, сделанные на Ассамблее по докладу комиссии Литтона, и формулировать для Ассамблеи в кратчайший срок свои предложения о средствах урегулирования конфликта.

21 января 1933 г. специальный комитет (комиссия 19) констатировал невозможность предложить резолюцию, которую обе спорящие стороны могли бы принять.

Таким образом, было формально засвидетельствовано крушение согласительной процедуры. Вопрос должен был быть решён на основе § 4 ст. 15, т. е. в порядке вынесения решения.

9 февраля специальный комитет запросил японское правительство, согласно ли оно принять в качестве базы возможного соглашения установление в Манчжурии широкой автономии, совместимой с суверенитетом и административным единством Китая.

14 февраля 1933 г. японское правительство сообщило о своём убеждении в том, что поддержка и признание Манчжоу-Го являются единственной гарантией мира на Дальнем Востоке. Отклоняя постановку вопроса, данную комиссией 19, Япония отказалась признать китайский суверенитет в Манчжурии. Одновременно Япония снова пыталась вернуться к согласительной про-

¹ «Journal officiel». Специальное добавление № 111, стр. 50.

цедуре, для чего она шла на незначительные словесные уступки, стремясь выиграть время.

В тот же день специальный комитет (комиссия 19), считая, что предложения Японии не являются базой для приемлемого соглашения, принял проект доклада, предусмотренного § 4 ст. 15 устава Лиги, в котором он рекомендовал эвакуацию японских войск из Манчжурии, учреждение в Манчжурии организации, подчинённой суверенитету Китая и основанной на широкой автономии, а равно открытие переговоров между обеими сторонами, причём его рекомендации исключали поддержку и признание режима Манчжоу-Го.

Дальнейшая процедура «урегулирования» манчжурского вопроса была такова: 21 февраля открылась чрезвычайная Ассамблея Лиги наций, которая, заслушав первые три части доклада комиссии 19, вынесла решение о неудаче согласительной процедуры. Следующее заседание состоялось 23 февраля. На этом заседании Ассамблея приняла четвертую часть доклада комиссии 19, содержащую в себе цитированные выше рекомендации. В решении Ассамблеи спорившие стороны участия не принимали. К ним обращались лишь с вопросом, принимают ли они рекомендации. Каждая из сторон могла сделать лишь одну оговорку, а именно: она может обусловить своё принятие рекомендаций принятием их другой стороной. Далее процедура ст. 15 предвидела следующие возможности: рекомендации должны быть приняты единогласно Советом Лиги и большинством членом Лиги. Если этого не произойдёт, то вся процедура рушится, как карточный домик, и каждый член Лиги сохраняет полную свободу действий по отношению к спорящим сторонам. Если, однако, указанное большинство будет иметь место, но обе спорящие стороны откажутся принять рекомендации, то и в этом случае всё остаётся по-старому. Если одна из спорящих сторон принимает рекомендации, а другая не принимает, то члены Лиги обязуются не прибегать к войне против той страны, которая принимает рекомендации. Наконец, если сторона, не принявшая рекомендации, прибегнет к войне для разрешения спора со второй стороной, принявшей рекомендации, то она будет считаться нападающей и встанет вопрос о применении к ней санкций, предусмотренных в ст. 16 устава Лиги.

В свете этой процедуры ст. 16 устава Лиги можно ответить на вопрос, в чём заключаются смысл и практическое значение рекомендаций, принятых комиссией 19. Основным методом разрешения конфликта комиссия считала переговоры между Японией и Китаем. Что нового в этом заключении? Переговоры могли иметь место непосредственно после японской оккупации, но, как известно, Китай условием переговоров ставил предварительную эвакуацию японских войск из Манчжурии.

Комиссия 19 признала китайский суверенитет над Манчжурией, но одновременно за-

явила, что положение, имевшее место до японской интервенции, не может быть восстановлено: Манчжурия должна была получить «широкую автономию», причём по этому вопросу Китай должен был взять на себя международные обязательства. Переговоры должны были происходить при посредстве специального комитета (комиссии 19). США и СССР предлагалось послать своих представителей в этот комитет. Переговоры между сторонами могли быть начаты не раньше чем через месяц после того, как обе стороны изъявят согласие принять рекомендации.

Члены Лиги наций обязывались не признавать Манчжоу-Го ни де юре, ни де факто. Кроме того они обязывались на будущее воздерживаться по отношению к Манчжурии от каких-либо сепаратных действий и согласовывать их как между собой, так и по возможности с государствами, нечленами Лиги наций (США и СССР), заинтересованными в этом вопросе. Генеральному секретарю Лиги наций поручалось немедленно после принятия рекомендаций довести об этом до сведения государств, нечленом Лиги наций, и предложить им присоединиться к выводам, а также согласовывать с Лигой их собственные действия на Дальнем Востоке.

Таковы были основные линии доклада комиссии 19.

21 февраля 1933 г. японская делегация представила свои возражения против проекта доклада, принятого специальным комитетом. 24 февраля Ассамблея единогласно приняла доклад, предусмотренный § 4 ст. 15 устава, который был представлен ей сё специальным комитетом (т. е. комиссией 19).

Что же должно было последовать в результате единогласного вотума Ассамблеи по поводу доклада специального комитета? Ст. 15 не говорит прямо, что к стороне, не подчинившейся решению (рекомендации) Совета (или Ассамблеи), автоматически должны применяться санкции. Однако ст. 16 говорит, что член Лиги, начавший войну в нарушение обязательств ст. 12 (пацифистическая процедура или арбитраж), ст. 13 (судебное разбирательство) и ст. 15 (решение Совета в форме рекомендации), будет считаться совершившим агрессию и к нему должны быть применены санкции. Таким образом, ст. 15 вела непосредственно к ст. 16. Что же решила Ассамблея?

24 февраля 1933 г. — знаменательная дата в истории Лиги наций. Вот что произошло в этот день на чрезвычайной Ассамблее, которая должна была, наконец, вынести решение. Первым выступил китайский делегат Иен. Его речь не заключала в себе каких-либо новых мотивов. Он постарался лишь суммировать и подчеркнуть те части рекомендаций, которые совпадали со взглядами нанкинского правительства, оставив в тени всё то, что расходилось с этими взглядами. Иен подчеркнул следующие совпадения точек зрения Нанкина и Женевы: 1) признание Манчжурии независимой частью Китая; 2) призыв к бойкот японских товаров,

имевший место после событий 18 сентября 1931 г., является мерой репрессии со стороны Китая; 3) что Китай выразил согласие на арбитраж в японо-китайском вопросе, в то время как Япония (что формально заявил японский делегат в Совете 29 января 1932 г.) отклонила такой арбитраж; 4) что события 18 и 19 сентября 1932 г. не были актами самозащиты со стороны Японии; 5) непризнание Манчжоу-Го; 6) признание, что Китай не несёт ответственности за события на Дальнем Востоке после 18 сентября 1931 г.; 7) признание, что эвакуация японских войск из Манчжурии является вопросом техники и не подчинена никакому политическому условию; 8) что в установлении мира на Дальнем Востоке сотрудничество двух великих государств на Тихом океане (США и СССР) является ценным и желательным.

По всем этим мотивам, говорил Иен, Китай голосует за доклад и принимает рекомендации. В случае, однако, если Япония этих рекомендаций не примет, Китай, как это следует из § 6 ст. 15, сохраняет полностью свои права и свою точку зрения.

Мацуока, представитель Японии, не привёл новых доводов, которые могли бы оправдать как политику Японии в отношении Китая, так и отклонение Японией рекомендаций Лиги наций. Все эти мотивы он неоднократно уже приводил. Основной его тезис: Китай является обширной территорией, но не нацией в том смысле, в каком употребляется это слово на Западе. Китай не является нацией ни этнографически, ни в отношении языка, ни тем более политически. В течение 20 лет там бушует революция, которая довела народы Китая до катастрофы. Китай, по словам Мацуока, виноват и в том, что он не установил у себя порядка, и в том, что он обратился за помощью к Лиге наций. Лига наций в свою очередь виновата в том, что она окрылила надеждой Китай и позволила ему оказывать дальнейшее сопротивление попыткам Японии установить порядок в Китае. Комиссия Литтона, по мнению Мацуока, представила поверхностный доклад, не анализировала как следует этнографический состав населения Манчжурии и не заметила, что собственно китайцев в Манчжурии нет. Мацуока попытался разбить единство взглядов Нанкина и Женевы и процитировал один из пунктов главы 9-й доклада Литтона, в котором говорилось о международном сотрудничестве для внутренней реконструкции Китая. Это сотрудничество Мацуока понимал отнюдь не как посылку в Китай каких-либо комиссий по вопросам гигиены, образования, железных дорог, финансов и т. п., а как действительный и всеобъемлющий международный контроль над Китаем в той или иной форме. Задав вопрос китайской делегации, принимает ли она и эту часть рекомендаций, Мацуока одновременно обратился к Лиге наций с вопросом: как может быть оправдан такой международный контроль над Китаем? Допустит ли Америка международный контроль над Панамой? Допустит ли Великобритания такой же контроль над Египтом? Что касается Японии, то она будет сопротивляться попытке уста-

новить международный контроль над Манчжурией. Мацуока обвинил Лигу наций в легализации китайского бойкота по отношению к Японии и угрожающе предупредил заинтересованные в Китае государства о том, что этот бойкот может быть завтра обращён против них. Заявив, что всё вышесказанное заставляет Японию в ответ на доклад комиссии 19 сказать «нет», Мацуока призвал Лигу наций отвергнуть доклад комиссии 19.

После выступления Мацуока чрезвычайная Ассамблея приступила к поимённому голосованию рекомендаций, предложенных комиссией 19. Из 54 членов Лиги присутствовали и принимали участие в голосовании 44. 42 члена Лиги (из них 12 членов Совета) ответили «да» на вопрос, принимают ли они доклад комиссии 19. Один член Лиги (Япония) ответил «нет» и один (Сиам—Таи) воздержался.

Ввиду того что, по уставу, воздержавшиеся считаются отсутствующими, а голос Японии, как стороны в споре, не принимался в расчёт, председатель Гиманс (Бельгия) объявил доклад комиссии 19 принятым единогласно.

Следующее заседание чрезвычайной Ассамблеи Лиги наций происходило без участия японской делегации. Оно открылось речью китайского делегата Веллингтона Ку, который пытался ответить на последнюю речь Мацуока. Гиманс прервал Ку на том основании, что прения по поводу доклада закончены, доклад принят и речь идёт о новых мерах со стороны Лиги, а не о полемике между Китаем и Японией. Заявление Гиманса вызвало аплодисменты части делегатов.

Ку подчинился, но заявил, что свою речь он доведёт до сведения членов Лиги в письменном виде. После этого он почти в течение часа говорил о японском наступлении на Жехэ (Жехоль). «Китай,— заявил он,— одобряет предложение о создании консультативного комитета, но настаивает на том, чтобы комитет действовал немедленно и энергично и применил все возможные санкции, для того чтобы предотвратить войну в Жехэ»¹.

Гиманс поставил на обсуждение резолюцию о создании консультативного комитета 19 плюс представители Канады и Голландии и с приглашением США и СССР. Резолюция объявляла, что чрезвычайная сессия Лиги наций продолжается и может быть созвана председателем в любой момент по требованию консультативного комитета.

Ввиду того что эта резолюция была заранее согласована, никто из членов Лиги не выступал, и Гиманс объявил её принятой единогласно. Во исполнение принятого решения генеральный секретарь Лиги наций Дреммонд немедленно направил соответствующие письма правительствам США и СССР.

Доклад, принятый 24 февраля 1933 г., был отредактирован следующим образом: «Ассамблея, принимая во внимание, что на осно-

¹ «Journal officiel». Suppl., spéc. № 112, pp. 22, 28.

вании § 3 ст. 3 устава Лиги Ассамблея рассматривает всякий вопрос, способный затронуть мирные отношения во всём мире, и что поэтому она не прекращает заниматься развитием японо-китайского конфликта, решает создать консультативный комитет, уполномоченный следить за обстановкой и облегчить Ассамблее её миссию на основе § 3 ст. 3 и тем самым помочь членам Лиги согласиться между собой, а равно и с государствами, нечленами Лиги, дабы координировать их усилия. Этот комитет будет составлен из членов комитета 19 и представителей Канады и Голландии. Этот комитет пригласит правительства США и СССР участвовать в его работах. Он будет делать Ассамблее доклады и предложения всякий раз, когда найдёт это нужным. Ассамблея продолжает свою сессию, и её президент созовёт её после консультации комитета, если найдёт это собрание необходимым»¹.

24 февраля 1933 г. китайская делегация сообщила, что китайское правительство с некоторыми замечаниями принимает рекомендации чрезвычайной Ассамблеи. 7 марта правительство СССР сообщило, что оно не может принять участия в работах консультативного комитета. 11 марта правительство США сообщило о своём согласии назначить представителя для участия, без права голосования, в работах консультативного комитета. 21 марта китайская делегация сообщила, что японские войска оккупировали большую часть провинции Жехоль и распространяют агрессию вдоль Великой стены.

Японцы быстро захватили провинцию Жехоль и присоединили её к Манчжоу-Го. Таким образом, в состав Манчжоу-Го вошли не только три провинции, составлявшие Манчжурию,— Хейлуцзян, Гири и Мукден,— но и четвёртая — Жехэ.

27 марта японское правительство заявило о своём намерении выйти из состава Лиги наций. 14 апреля генеральный секретарь Лиги сообщил членам Лиги наций, а равно нечленам, которым был сообщён доклад, принятый Ассамблеей 24 февраля 1933 г., рекомендации консультативного комитета, относящиеся к мероприятиям, вытекающим из непризнания Манчжоу-Го.

История обсуждения Лигой наций японо-китайского конфликта, вызванного нападением Японии на Китай 18—19 сентября 1931 г. и захватом Манчжурии, начиная с 21 сентября (обращение Китая к Совету Лиги наций) и кончая резолюцией чрезвычайной Ассамблеи Лиги наций 24 февраля 1933 г., позволяет прийти к следующим выводам:

1. Устав Лиги наций (ст.ст. 15 и 16) давал ей возможность применить эффективные меры воздействия против нападающей стороны (в данном случае Японии) и заставить её не только прекратить нападение, но и восстановить статус кво. Для этого необходимо было бы в самом начале конфликта при-

менить не ст. 11 устава (примирительная процедура), а ст. 15, и притом не § 3, который также имеет в виду примирительную процедуру, а § 4, предусматривающий обязательные рекомендации, влекущие за собой применение санкций, согласно ст. 16.

2. Неприменению этой процедуры Лигой наций способствовало нанкинское правительство, которое в обращении в Совет Лиги от 21 сентября 1931 г. просило применить к Японии не ст. 15, а ст. 11 устава Лиги наций. Нанкинское правительство не хотело организовать действительный и эффективный отпор Японии. Оно вело в это время вооружённую борьбу против советских районов Китая и против китайской коммунистической партии. Его лозунгом в этот момент было: «Сначала покончить с внутренними врагами, а затем думать об отпоре Японии». Именно из этих соображений нанкинское правительство и обратилось к Лиге наций с просьбой применить в данном случае ст. 11, а не ст. 15. Оно стремилось тем или иным способом «договориться с Японией».

3. Совершенно очевидно, что подобная тактика лишь облегчала позицию Японии и давала ей возможность выиграть время, необходимое для осуществления полной оккупации Манчжурии.

4. Применение процедуры ст. 11 чрезвычайно устраивало руководящие круги Лиги наций и, в частности, правительства Великобритании и Франции, которые не препятствовали (в плане «политики невмешательства») стремлениям Японии захватить Манчжурию.

5. Применение процедуры ст. 11 Советом Лиги наций, как и следовало ожидать, не только не привело к положительным результатам, но, наоборот, создавало объективно удобные условия для Японии, помогая ей выиграть время и осуществить фактическую оккупацию Манчжурии. Только 29 января 1932 г., т. е. через пять месяцев после нападения Японии на Манчжурию, нанкинское правительство обратилось в Совет Лиги наций с просьбой применить процедуру ст. 15.

6. Крушение примирительной процедуры и издевательское отношение Японии к предложениям Совета Лиги поставили последний в весьма затруднительное положение. Обнаружившееся явное нежелание обеих руководящих держав Лиги — Великобритании и Франции — принять эффективные меры к прекращению японской агрессии вызвало полный паралич Совета. В октябре — ноябре 1931 г. Совет буквально не знал, что делать для разрешения конфликта, и не мог занять позиции, которая хотя бы внешне сохраняла видимость престижа Лиги. Этим и объясняется отсрочка заседаний Совета, которая объективно снова помогла японской агрессии.

7. Предложение Японии о создании «комиссии изучения» было находкой для Совета. Процедура создания комиссии Литтона снова давала возможность выиграть время и, следовательно, отвечала как желаниям Японии, так и намерениям авторов и проводников «политики невмешательства». На этот

¹ «Journal-officiel». Suppl., spéc. № 112, pp. 22, 28.

раз выигрыш времени был особенно значителен. С момента решения об образовании комиссии Литтона (резолуция от 10 декабря 1931 г.) и до начала обсуждения доклада этой комиссии (октябрь — ноябрь 1932 г.) органы Лиги наций получили «законное право» не осуждать японскую агрессию и не применять к ней тех или иных санкций.

8. Шанхайский инцидент и реагирование на него Совета Лиги наций в лице руководящих держав (в особенности Великобритании и Франции) показали, что процедура Лиги наций, при желании её использовать, дала определённые результаты в смысле приостановки японской агрессии в этом районе Китая. Эффективности этих мероприятий способствовало сопротивление наиболее патриотических элементов Китая, проявленное в Шанхае.

9. Кульминационным пунктом проведения Лигой наций «политики невмешательства» была, несомненно, дискуссия на чрезвычайной Ассамблее Лиги в декабре 1932 года. Именно во время этой дискуссии делегаты Великобритании и Франции (и особенно ярко Джон Саймон) выявили полное нежелание мешать захвату Японией Манчжурии. Выступление Саймона 7 декабря 1932 г. поставило все точки над «и» и предопределило дальнейшую судьбу японо-китайского конфликта в Лиге наций.

10. Проведение Лигой наций «политики невмешательства» по отношению к Японии облегчалось отсутствием в Лиге США. Следует особенно подчеркнуть то обстоятельство, что США живо откликнулись на попытку руководящих держав Лиги установить с ними контакт и известную координацию действий. Однако этот контакт дальше участия американского наблюдателя в Совете Лиги (без права голоса), а равно участия американского представителя в комиссии Литтона (а впоследствии в консультативном комитете) не пошёл. Попытка США

принять участие в эффективных мерах против японской агрессии (письмо Стимсона на имя Джона Саймона с предложением от имени США участвовать в санкциях против Японии, если бы Лига наций решила эти санкции применить) натолкнулась на решительное сопротивление правительства Великобритании, которое отнюдь не хотело препятствовать Японии в захвате Манчжурии.

11. Авторы «политики невмешательства» считали, что оккупация Японией Манчжурии приведёт к войне между Японией и СССР. И именно вследствие этого обстоятельства они поощряли японскую агрессию, для чего и были использованы возможности, которые предоставляла процедура Лиги наций со всеми её формальными положениями, позволявшими бесконечно затягивать «на законном основании» вынесение решений. С другой стороны, реакционные элементы руководящих в Лиге государств рассматривали оккупацию Манчжурии как создание барьера между Советским Союзом и революционным Китаем.

12. В последний период обсуждения японо-китайского конфликта (при создании консультативного комитета) была сделана попытка привлечь Советский Союз к участию в этом комитете. Антисоветский курс политики Лиги наций в лице лидеров и ведущих членов позволяет объяснить эту попытку стремлением связать свободу действий Советского Союза и создать наиболее благоприятную обстановку для возникновения японо-советского конфликта.

Мы не останавливаемся на этой стороне вопроса, могущего составить предмет особого исследования.

Таковы выводы из анализа деятельности Лиги наций в этот период, которая предопределила дальнейшую эволюцию Лиги на пути к её окончательному краху.

«РУЩУКСКИЕ ДРУЗЬЯ»

(Из истории государственного переворота в Турции в 1808 году)

Проф. А. Миллер

На рубеже XVIII и XIX вв. Турция переживала глубокий кризис. К этому времени процесс разложения многоплеменной Оттоманской (Османской) империи зашёл очень далеко. Правда, «великий сеньёр», как обычно называли турецкого султана европейцы, ещё владел обширными территориями на трёх континентах Старого Света, важными торговыми путями и стратегическими позициями, имел в своём подчинении множество народов, его правительство носило ещё пышное название Блистательной Порты и поражало иностранных дипломатов блеском торжественных приёмов и церемоний. Но всё это было лишь тенью прежнего могущества. В действительности корни османского государства были уже подточены. Хозяйственная основа империи — земледелие — пришла в упадок. Военно-феодалная система, прежде скреплявшая господство османов над завоёванными землями, фактически развалилась. При этом торгово-ростовщический капитал, проникая в земледелие и разрушая старую, военно-ленную систему, не создавал новых, буржуазно-капиталистических отношений. «При азиатских формах ростовщичество может существовать очень долго, не вызывая ничего иного, кроме экономического упадка и политической коррупции... оно консервативно и только разоряет существующий способ производства»¹.

Особенно тяжело отразились на Турции удары, нанесённые ей Россией в войнах 1768—1774 и 1787—1791 годов. Возник так называемый восточный вопрос, означавший для турок угрозу полного их изгнания из Европы. Оттоманская империя вступала в период, названный впоследствии турецкими же историками периодом её «расчленения и гибели»².

Французская буржуазная революция конца XVIII в. и последовавшие за ней события осложнили международное положение Турции. Правда, в первое время, когда революционная Франция оборонялась от контрреволюционных коалиций, Порты, со-

хранив нейтралитет, получила некоторую передышку. Но уже вскоре после термидора, а особенно в период наполеоновских войн, положение Турции резко ухудшилось. В конфликте, охватившем тогда всю Европу, Турция играла роль разменной монеты. Как отметил впоследствии известный исследователь международной политики эпохи Наполеона Альбер Вандаль, «существовало общераспространённое убеждение, что турки не переживут разразившегося над Европой кризиса»³.

Сознание опасности, нависшей над Турцией, побудило передовые элементы турецкого правящего класса искать спасения в реорганизации империи при посредстве реформ. Султан Селим III (1789—1807) декретировал и частично провёл в жизнь серию реформ, известных под названием «визам-иджедид» («новая система»). Целью реформ были устранение злоупотреблений в военном землевладении, упорядочение финансов и администрации, а главное, создание регулярного, обученного по-европейски войска, способного заменить янычарский корпус, совершенно к тому времени разложившийся, служивший опорой реакционерам и орудием дворцовых переворотов.

Селим III, однако, потерпел неудачу. Социальная база, на которую опирался султан-реформатор, была слаба и ненадёжна: последовательно и до конца его поддерживала лишь небольшая группа просвещённой верхушки турецкого общества. Большинство же феодалов, феодальных помещиков, а в особенности высшее мусульманское духовенство (улемы) и, разумеется, янычары были либо явными либо тайными противниками реформ, видя в них угрозу их самостоятельности и привилегиям. Турецкая национальная буржуазия тогда ещё не выступала как политическая сила. Компраторская и национальная буржуазия, складывавшаяся в мощную классовую прослойку, должна была бы содействовать реформам, которые в дальнейшем расчистили бы путь для буржуазного развития империи. Но и национальная буржуазия, особенно греческая, отличалась сепаратистскими стремлениями, противоречившими централизаторским тенденциям Селима.

¹ К. Маркс. Капитал. Т. III. Ч. 2-я. Отд. V, стр. 528, 539. Партиздат ЦК ВКП(б). 1936.

² См. официальное издание турецкого исторического общества «Tarih» («История»). Т. III, стр. 88. Стамбул. 1931.

³ Вандаль А. Наполеон и Александр I. Т. I, стр. 6. СПб. 1910.

Вторжение французов в 1798 г. в Египет прервало передышку, которая была столь необходима Турции, а планы Наполеона, касавшиеся раздела европейских владений Османской империи, поощрили антитурецкую политику других держав. В дальнейшем Наполеон, хотя и уверял Селима в дружбе, в действительности не только ничем ему не помог, но втянул его в войну против России и Англии (1806), чем окончательно сорвал дело реформ.

Воспользовавшись ослаблением султанской власти, реакционеры организовали заговор. В мае 1807 г. стамбульские янычары и ямаки (вспомогательные войска, гарнизон босфорских фортов) во главе с Кабакчи оглу подняли мятеж и свергли Селима III с престола. Многие видные деятели реформ были убиты мятежниками. Возведённый янычарами на престол султан Мустафа IV отменил «новую систему» и полностью удовлетворил требования реакционеров.

В такой обстановке в Турции возникло движение, направленное на восстановление «новой системы» и на возрождение дела реформ Селима III. Эта новая попытка повести Турцию по пути прогресса связана с деятельностью первой в истории Турции политической организации — тайного кружка «рущукских друзей», во главе которого находился выдающийся военный и политический деятель Турции — Мустафа паша, прозванный Байрактаром (знаменосец).

Байрактар, провинциальный помещик, не принадлежал к числу просвещённой знати, которая составляла главную опору султана-реформатора. Во время царствования Селима III Мустафа Байрактар ещё не был сторонником реформ. Он занимал тогда пост рущукского аяна (градоправитель или начальник уезда)¹. Попытку Селима III ввести в Румелии (Европейская Турция) «новую систему» Байрактар счёл покушением на свои привилегии и с оружием в руках воспротивился приказу Селима о наборе в регулярные войска. Вскоре началась война с Россией, и Байрактар, имевший свои собственные наёмные войска, выступил на защиту границ Турции. Порта возвела его в звание пашы и назначила сераскером (командующим фронтом).

Когда в армии стало известно о свержении Селима III, янычары сместили великого визиря. По приглашению министров, находившихся в ставке великого визиря, Мустафа Байрактар с пятью тысячами всадников прибыл в ставку для охраны «священного знамени» (санджак-и-шериф). Байрактар добился успокоения в военном лагере. Янычары присмирели. Гражданские чины, опасавшиеся мести янычар, увидели в Байрактаре опору и защиту.

Среди министров Порты было немало сторонников реформ. Происшедший в Стамбуле государственный переворот они рас-

считывали как эпизод и считали, что именно на них ложится задача продолжения борьбы за эти реформы. Осторожно, но настойчиво они призывали свои взгляды Байрактару. Во время пребывания Байрактара в ставке произошёл серьёзный сдвиг в его политических взглядах. Из противника военных реформ он начал превращаться в их сторонника. Естественно, что своё недовольство создавшимся положением Байрактар переносил и на нового монарха как на покровителя янычар. Удар по личному самолюбию ускорил его политический поворот. Байрактар предполагал, что он сам будет назначен на пост великого визиря, как старший в чине командующий на Дунае. Между тем 1 июля 1807 г. без предупреждения в ставку прибыл новый великий визирь и верховный главнокомандующий. То был Челеби Мустафа паша, в прошлом янычарский ага (командир янычарского корпуса), в последнее время генерал-губернатор Анатолии и командующий дарданелльским укрепленным районом. Между Байрактаром и новым великим визирем сразу создались натянутые, полувраждебные отношения. Байрактар сдал великому визирю верховное главнокомандование и вернулся в Руцук.

С этого момента и начинается деятельность Байрактара по подготовке восстановления Селима III на престоле. История этой подготовки и осуществления государственного переворота излагается в нижеприводимых двух отрывках из монографии «Мустафа паша Байрактар»². Они касаются лишь внутренних событий в Турции за период от свержения Селима III (29 мая 1807 г.) до переворота, совершённого Байрактаром (28 июля 1808 г.). В этих отрывках не освещены весьма важные вопросы: о международном положении Турции, о переговорах Байрактара с русским верховным командованием, о заключении блока между Байрактаром и другими феодалами и др. Равным образом приводимые отрывки не содержат сведений о дальнейшей судьбе Байрактара и «рущукских друзей». Они лишь преследуют цель восстановить полузабытые и малоизвестные страницы истории подготовки и осуществления государственного переворота 1808 года.

Чем ниже падал авторитет султана Мустафы IV, великого визиря и столичного кабинета, тем больше усиливалось влияние Мустафы пашы Байрактара. Руцук постепенно становился не только фактическим военным центром вооружённых сил Турции в Европе, но и средоточием турецкой политической жизни. Этому способствовал ряд обстоятельств.

² Эта монография была представлена автором в 1942 г. в качестве диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук; публичная защита диссертации состоялась 24 февраля 1943 г. на заседании Учёного совета исторического факультета Московского государственного университета.

¹ Формально аяны избирались местной знатью и получали утверждение Порты, но фактически они большей частью захватывали этот пост силой или же приобретали его за деньги.

Феодальная раздробленность Османской империи в этот период достигла высшего предела. Никогда ещё ни до, ни после этого времени центральная власть не была так слаба. Не говоря уже об отдалённых провинциях (Магриб, Египет, Сирия, Месопотамия, Аравийский полуостров), даже Анатолия и Румелия — центральное ядро турецкого государства — оказались к этому времени разделёнными на несколько независимых друг от друга феодальных образований. Правителями округов и городов были либо члены этих феодальных родов либо кто-нибудь из их челяди. Порта совершенно не участвовала в управлении этими районами.

После свержения Селима анатолийские феодалы, бывшие его сторонниками, совсем перестали считаться, даже формально, с центральным правительством и не посылали ему ни писем. Намеченная отправка обученных в Анатолии войск для визирской армии была задержана¹.

Что касается Румелии, то она была поделена между четырьмя крупнейшими феодалами. Ни от одного из них Порта после свержения Селима тоже не получала денег². Всем дунайским районом, включая Болгарию и Фракию, вплоть до Эдирне (Адрианополь), владел силстрийский паша и дунайский сераскер Мустафа паша Байрактар; Македонией — сересский бей Исмаил; Северной Албанией — скутарийский паша Ибрагим; Южной Албанией и Эпиром — янинский паша Али Тепеделенли³. Фактически в зависимости от Али паши находилась также Морья, где губернатором был его сын Мухтар. Все остальные паши и беи Европейской Турции в большей или меньшей степени должны были считаться с этими четырьмя главными феодалами. Некогда могущественный видинский паша, известный Пазвандоглу, потерял своё былое значение. Начавшееся в 1804 г. сербское восстание подорвало экономические позиции Видина и сократило размеры Видинского округа. В начале 1807 г. Пазвандоглу умер. Его преемник, Молла Идрис паша, уже не имел того авторитета и влияния, которыми обладал его предшественник.

Байрактар располагал большими силами. Постоянного войска у него было 20—30 тыс. человек⁴. В подавляющем большинстве это были прежние кирджалии⁵, которые когда-то были участниками шаек румелийских атаманов, а по мере усиления руцукского аяна постепенно переходили в его подчинение. Когда Байрактар стал пашой и сераскером, кирджалии составили его постоянное вой-

ско. За 12 лет непрерывных войн кирджалии превратились в хороших солдат, благодаря главным образом железной воле Байрактара, сумевшего подчинить их строгой дисциплине. Из среды бывших кирджалиев выдвинулся ряд опытных командиров: командующий измаильским гарнизоном польский ренегат Баба ага, любимец Байрактара и кумир своих солдат, один из храбрейших воинов; Кушанджалы Халил ага, непримиримый враг сербов, в прошлом служивший у Пазвандоглу, затем перешедший на сторону более сильного Байрактара; Узун Хасан, Бошняк ага, Гяур-имам, Мехмед-тиран и другие бывшие атаманы разбойничьих шаек, люди без роду и племени, частью турки, частью албанцы, босняки, болгары.

Каковы бы ни были побуждения, заставившие кирджалиев пойти в подчинение к Байрактару, они служили ему по-своему честно и преданно.

Владения Байрактара занимали исключительно важную стратегическую позицию. Они были расположены на столбовом европейском тракте: между Стамбулом и дунайскими княжествами. Войска Байрактара служили единственным в то время заслоном от русской армии. Никаких других военных контингентов осенью 1807 г. на Дунае не существовало. Визирская, или «августейшая», армия («орду-ю-хумаюн») была армией только по названию⁶. В начале сентября 1807 г. великий визирь увёл её остатки с берегов Дуная и после трёхнедельного похода 24 сентября стал на зимние квартиры в окрестностях Эдирне. Таким образом войска Байрактара контролировали все пути, идущие с фронта к столице. Уже по одной этой причине он был для Стамбула самым сильным и самым страшным из всех дербеев и аянов.

После свержения Селима III и морального и материального ослабления как столичного, так и военного кабинетов значение Байрактара особенно возросло. Он был ближе всех к Стамбулу и располагал организованной силой, позволявшей диктовать условия и правительству и янычарам. Ещё во время пребывания в визирской ставке Байрактар доказал свой патриотизм. Вот почему уцелевшие прогрессивные деятели возлагали на него все надежды. Руцук сделался местом подготовки выступления сторонников селимовских реформ, а Мустафа паша Байрактар — руководителем вооружённых сил, предназначенных для этого выступления.

и Австрией. Название происходит от местечка Кырджа в Румелии — главного места их сборищ. Турецкие источники чаще называют их «даглы эшкиясы» (горные разбойники). В 1804 г. они были разгромлены регулярными войсками Селима III. Оставшиеся кирджалии поступили на службу к местным аянам.

¹ «Тарих-и-Джевдет» («История Джевдета»). Т. VIII, стр. 228. Стамбул. 1309 г. хиджры, на арабском алфавите.

² Там же, стр. 230.

³ Там же, стр. 192, 228.

⁴ Там же, стр. 228.

⁵ Кирджалии (по-турецки кырджалы) — бандиты из числа деклассированных элементов, оставшихся без земли и без работы после окончания в 1792 г. войны с Россией

⁶ «Тарих-и-Джевдет». Т. VIII, стр. 180.

Организацию выступления взял на себя созданный в Рушук под покровительством и с участием Байрактара тайный кружок оттоманских либералов¹. Это был первый в истории Турции случай создания если не политической партии, то оформленной политической группы. Члены кружка получили впоследствии название «русджук яраны» («рушукские друзья»). Иногда турецкие историки² в знак особого почтения давали им прозвище «русджук эренлери» («рушукские мужи»). От реакционных кругов, приписывавших рушукским политикам особое вероломство, коварство и хитрость, исходила кличка «яран-маран» (друзья-ехидны); сочетание слов «яран-маран», по своему звучанию, носило оттенок презрительности.

Инициаторами создания тайного кружка были бывшие члены военного кабинета: уехавший вместе с Байрактаром из визирской ставки Тахсин эфенди и инспектор продовольственного снабжения армии земляк Байрактара, находившийся при нём с начала войны, Бехидж эфенди³. Тотчас после возвращения Байрактара из визирской ставки Тахсин и Бехидж убедили его собрать в Рушук всех членов кабинета, которым грозили репрессии янычар и которые оставались единственными представителями «новой системы». Байрактар, начавший уже в визирской ставке склоняться на сторону приверженцев Селима, согласился с этим предложением. Прежде всего был послан гонец к Рамизу эфенди, бывшему заместителю государственного казначея, после свержения Селима III отправленному из Силистрии в ссылку в Каваллу. Рамиз эфенди, предчувствуя, что в Кавалле его ждёт фатальный шнурок (казнь — самоубийство путём удушения), не спешил к месту назначения, и гонец Байрактара застал его ещё в Филиппополе (Пловдив)⁴. Рамиз охотно принял приглашение Байрактара и тотчас отправился в Рушук. В начале августа в Рушук прибыли также бывшие министры военного кабинета Рефик эфенди и Галиб эфенди⁵. Эти пять опальных членов свергнутого правительства и составили вместе с Байрактаром тайный кружок «рушукских друзей». В дела кружка были также посвящены (хотя турецкие историки не включают их в число «рушукских друзей») два ближайших помощника Байрактара: Ахмед эфенди, его управитель, сделавшийся после получения Байрактаром чина паши и должности се-

раскера рушукским аяном, и армянин Манук Мартиросян⁶, известный под именем Манук бей, сарраф (банкир-меняла), он же драгоман и ближайшее доверенное лицо Байрактара.

Байрактар внёс в тайный кружок «рушукских друзей» свой вклад — железную волю, мужество и бесстрашие. Но Байрактар был скорее солдат, чем политик. В политических и тактических вопросах он был, по крайней мере вначале, не руководителем, а скорее исполнителем решений кружка.

Наибольшим авторитетом среди «рушукских друзей» пользовался Рамиз эфенди; фактически ему принадлежала роль главного советника Мустафы паши Байрактара и идеологического руководителя тайного кружка. Ему же «рушукские друзья» были обязаны тем, что удалось использовать антагонизм между Стамбулом и визирской ставкой и извлечь выгоду из внутренних и внешних затруднений правительства Мустафы IV. Рамиз эфенди был типичным представителем нарождавшейся в Турции светской чиновной интеллигенции, которая в этот период включалась в политическую жизнь страны и занимала видные места в гражданском управлении.

Более скромную по виду, но не менее важную по существу роль играл Манук бей. Как христианин, он не мог рассчитывать на руководящую должность в правительственном аппарате. Но в руках Манука были все денежные ресурсы Байрактара, все нити его торговых дел. От Манук бей зависела чрезвычайно важная, пожалуй, даже решающая финансовая операция дунайского главнокомандующего — своевременная выплата жалованья войскам.

Влияние Манука в Рушук восходило ещё к тем временам, когда рушукским аяном был предшественник Байрактара — Терсеникли оглу, у которого Манук Мартиросян и начал свою торгово-финансовую деятельность в качестве банкира и поставщика и, завоевав полное его доверие, сделался его фаворитом и наперсником. Терсеникли оглу получил для честолюбивого Манука у валашского господаря князя Константина Ипсиланти небольшой боярский чин, и с этого времени Манук стал называться Манук беем. Почти все торговые сношения между Рушукком и Бухарестом осуществлялись при посредстве Манука. Чрезвычайно заинтересованный в поддержке Терсеникли оглу, князь Ипсиланти всячески старался расположить к себе деятельного и умного армянина, который стал его частым гостем и мало-помалу был втянут в политические дела. Манук бей сделался горячим сторонником русской ориентации и сумел убедить в необходимости такой ориентации также своего доверителя — рушукского аяна Терсеникли оглу, —

¹ Словарь Сами-бей, стр. 1336, переводит выражение «яран-и-русджук» — *Comité de libéraux ottomans*.

² Например «Тарих-и-Джевдет». Т. VIII, стр. 237.

³ «Тарих-и-Джевдет». Т. VIII, стр. 157. Жюшера (A. de Juchereau de Saint Denys. *Révolutions de Constantinople en 1807 et 1808*. Т. II. Paris. 1819), а за ним большинство других европейских авторов называют Бехиджа «Бейжи».

⁴ «Тарих-и-Джевдет». Т. VIII, стр. 159.

⁵ Там же, стр. 178.

⁶ Фамилия Манука — Мартиросян — не фигурирует в литературе. Она встречается только в неопубликованных архивных документах в русифицированной форме — Мардиросов.

с интересами которого совпадали советы Манука.

Манук бей, опасаясь гонений за своё руссофильство, по совету Ипсиланти возбудил ходатайство о переходе в секретном порядке в российское подданство. Ипсиланти поддержал ходатайство Манука перед русским генеральным консулом в Яссах Болкуновым, а затем — в Петербурге перед князем Чарторыйским. В мае 1808 г. Болкунов выдал Манук бею в секретном порядке русский паспорт на имя «Манука Мардиросова, уроженца Эривани». Отныне Манук бей имел возможность в случае осложнения предъявить турецким властям полученный им паспорт и автоматически стать под русское покровительство¹.

В августе 1806 г. Терсеникли оглу был убит подосланными Портой убийцами, и руцукский аялык (округ) перешёл к Мустафе Байрактару. При новом аяне Манук бей сохранил всё своё влияние. Он так же, как и при Терсеникли оглу, старался укреплять дружественные отношения между руцукским аяном и Россией. В первых числах сентября 1806 г. русский генеральный консул в Яссах Болкунов доносил в Петербург министерству иностранных дел: «Известный Манук, любимец Терсеникли огла, возвратясь в Букорест, на-днях сообщил конфиденциально консулу Кирико, что Мустафа Байрактарь руцукский столь же предан России и почитает оную, как и бывший его предместник, коего примером он управляет во всех своих делах»². Однако, когда произошёл разрыв между Россией и Портой и русские войска заняли княжества, Байрактар вступил в вооружённый конфликт с Россией. Манук бей остался верен Байрактару. Последний посвятил Манук бею в тайну «руцукских друзей», и Манук отдал себя и свой кредит в распоряжение тайного кружка.

Таковы были два наиболее влиятельных советника Байрактара. Остальные «руцукские друзья» тоже вносили каждый свою лепту в общее дело.

Каковы бы ни были персональные особенности каждого из заговорщиков, всех их объединяла общая ближайшая цель — свергнуть власть мятежных янычар и ямаков и восстановить Селима III и «новую систему». Дальнейшие детали своей политической

¹ Государственный Исторический архив (бывш. Архив внешней политики; в дальнейшем — АВП). Генеральное консульство в Яссах, д. № 127, 1806 г., Пачка № 2, копия письма Ипсиланти Болкунову от 20 марта 1806 г., лл. 100—101; Чарторыйский — Болкунову 25 апреля 1806 г., л. 135; Болкунов — Чарторыйскому 10 мая 1806 г. с приложением копии паспорта Манука на итальянском языке, лл. 137—139. (Даты даны по старому стилю.) В литературе нет никакого упоминания о тайных сношениях Манук бея с Ипсиланти и о получении им русского паспорта.

² Болкунов — Будбергу. 19 августа ст.ст. 1806 г. АВП. Генеральное консульство в Яссах, д. 129, 1806 г., пачка № 3, лл. 58—60.

программы «руцукские друзья» пока не конкретизировали. Не был также уточнён способ достижения ближайшей цели. Единственно, что заговорщикам было ясно с самого начала, — это необходимость вести войска Байрактара в Стамбул. Как дальше будут развиваться события, «руцукские друзья» не предрешали. На их пути были три главнейших препятствия: во-первых, война с Россией не позволяла снять войска с фронта; во-вторых, была опасность преждевременного раскрытия плана; в-третьих, не были известны намерения анатолийских и румелийских феодалов, без содействия которых трудно было рассчитывать на конечный успех дела.

Преждевременное раскрытие заговора пугало «руцукских друзей» не потому, что они боялись противодействия: на пути к Стамбулу, в сущности, не было преграды³. Но повести кирджалиев на Стамбул под лозунгом борьбы против реакции, т. е. против султана и Порты, поощрить народное недовольство правительством, развязать крестьянскую стихию — это не входило в задачи и цели «руцукских друзей». «Друзья» боялись поднимать открыто знамя восстания, так как свергнутый султан Селим находился в заточении во дворце, в полной власти у царствующего султана и открытое восстание в пользу Селима побудило бы дворцовую клику расправиться с ним, чтобы устранить претендента на престол и тем самым лишить восстание всякого смысла и обречь его с самого начала на провал⁴. Ввиду всего этого «друзья» готовили своё выступление в глубокой тайне, чрезвычайно осмотрительно, медленно и стремились облечь посылку войск в легальную форму.

Непосредственную подготовку к походу на Стамбул «руцукские друзья» начали в июне 1808 года. К этому времени Байрактар от проезжавшего через Руцук подполковника Беклемишева узнал, что фельдмаршал Прозоровский (главнокомандующий русской армией на Дунае) не намерен возобновлять по своей инициативе военные действия⁵. 27 июня Мустафа-паша Байрактар в сопровождении нескольких аянов и с 5—6 тыс. своих собственных солдат под предлогом

³ Джевдет отмечает, что если бы Байрактар осенью 1807 г. двинулся на Стамбул для выполнения решений тайного кружка, то он не встретил бы серьёзного противодействия («Тарих-и-Джевдет». Т. VIII, стр. 180).

⁴ Кемалистская официозная «История» (т. III, стр. 95), напротив, рисует поход Байрактара на Стамбул как открытое выступление против реакционеров и уподобляет его походу так называемой «армии действия», выступившей в 1909 г. из Македонии против Абдул-Хамида II.

⁵ Дневник подполковника Беклемишева. АВП. МИД. Канц., д. № 1918. Campagnes. Turquie. Proserovsky. 1808, лл. 57—87; ср. Петров А., полк. Война России с Турцией 1806—1812 гг. Т. II, стр. 60. СПб. 1885.

объезда вилайета прибыл в Эдирне¹. Вместе с ним прибыл и Рамиз эфенди. Таким образом, весь кружок «рущукских друзей», за исключением Манук бей, оставшегося в Рущукке, собрался в визирской ставке. Через несколько дней в Эдирне прибыли также войска других румелийских аянов. Али паша Янинский прислал своих сыновей — Мухтара пашу и Ибрагима пашу — в качестве своих уполномоченных².

Мустафа паша Байрактар и великий визирь Челеби Мустафа паша встретились как союзники. Великий визирь и Байрактар торжественно договорились действовать совместно, причём Байрактар обещал по достижении намеченной цели возвратиться в Рущук³.

На заседании военного кабинета министры — члены кружка «рущукских друзей» — внесли предложение (предварительно согласованное с Байрактаром и Рамизом эфенди) выступить со всей визирской армией и с войсками румелийских аянов из Эдирне в Стамбул, где и водрузить «священное знамя». Объяснением похода должен был послужить тот факт, что военные действия с Россией начнутся нескоро, если они вообще начнутся, а содержание визирской ставки в Эдирне обходится очень дорого — несколько тысяч мешков в месяц⁴. Великий визирь присоединился к этому предложению и только выразил сомнение, можно ли возвращаться с армией и «священным знаменем» в столицу, не получив на то предварительно санкции султана. Рефик эфенди, сославшись на свои личные переговоры в Стамбуле, заявил, что члены столичного кабинета боятся потерять свои места и поэтому отсоветуют султану санкционировать возвращение военного кабинета, но он, Рефик, знает из лучших источников, что султан Мустафа IV тяготеет господством ямаков и ждёт великого визиря и Байрактара как своих спасителей. По всем этим причинам не следует спрашивать соизволения султана, а нужно самим проявить инициативу. Рефик готов дать голову на отсечение, что великому визирю будет оказан в столице самый радушный приём. Челеби паша снял свои возражения. Решено было готовиться к походу в строгой тайне и совершить его наиболее быстрыми темпами⁵.

Как только Байрактар получил от Манук бей известие о том, что Прозоровский обе-

щает не возобновлять военных действий, он тотчас же отдал приказ о выступлении. Прежде всего Байрактар отправил в Фанаркале (форг на Босфоре) 250 всадников под командованием Хаджи Али аги, хисарбунарского аяна, которые должны были совершить внезапное нападение на резиденцию вождя ямаков Кабакчи оглу⁶. Вслед за тем в ночь на 14 июля⁷ лагерь снялся с берегов Марицы.

Вперёд по пути следования армии были посланы специальные отряды с поручением прервать всякое сообщение со столицей, чтобы в Стамбуле не узнали раньше времени о приближении войск. С дороги великий визирь отправил краткое послание Порте: армия возвращается, так как начинать наступательные операции против России нет оснований, а пребывание в Эдирне стоит больших денег⁸.

«Рущукские друзья» держали в строгой тайне свои планы. И действительно, никто не разгадал подлинную цель похода армии на Стамбул. Когда в Париж (через Вену) поступили первые сведения об этом походе, то даже Наполеон не сумел определить цель его. Русский посол в Париже П. А. Толстой после разговора с Наполеоном сообщил в Петербург, что цель похода визирской армии — «либо укрепить власть султана, либо свергнуть его»⁹. Французский поверенный в делах в Стамбуле Латур-Мобур, узнав об уходе визирской армии из Эдирне, решил, что состоялось примирение Турции с Россией без участия Франции, и поспешил заявить Дивану протест, угрожая, что Наполеон появится на границах Турции и накажет Порту за нарушение обязательств¹⁰. Да и сам великий визирь толком не знал, для чего именно он направляется в столицу. Он был уверен, что Байрактар является его преданным помощником и что всё сведётся к восстановлению его, великого визиря, действительной власти. И только «рущукские друзья» хорошо знали, чего они добиваются.

Байрактар по выступлении из Эдирне уведомил Манук бей о приближении решающих событий. Это сообщение Байрактара Мануку в передаче русского офицера барона Бервица, которому Манук под честным словом сообщил содержание письма своего начальника, гласило: «Выступил я из Адрианополя с 35 тысячами моего войска. Труды мои кажутся не тщетны, и помощью товари-

¹ 3-го джемази-уль-эввель 1223 г. («Тарих-и-Джевдет». Т. VIII, стр. 244). Дата совпадает с указанной в сообщении русского консула в Бухаресте Кирико от 9 июня 1808 г. АВП. МИД. Канц., д. № 1921. Campagnes. Turquie. Prosorovsky. 1808, л. 245.

² «Nouvelles» от Кирико за 9 июля 1808 г. АВП. МИД. Канц., д. № 1921, л. 254.

³ Schlechta Wssenrd, Ottokar Freiherr von. Die Revolutionen in Constantinopel in den Jahren. 1807 und 1808. (Wien. 1882), S. 150, со ссылкой на биографию Манук бей.

⁴ «Тарих-и-Джевдет». Т. VIII, стр. 245. Мешок = 500 пиастрам.

⁵ «Тарих-и-Джевдет». Т. VIII, стр. 235, 245.

⁶ Там же, стр. 246. В письме из Константинополя, полученном Кирико, Хаджи Али ага именуется губернатором Кырккилисе — «gouverneur du département des 40 églises en Roumélie» (АВП. МИД. Канц., д. № 1921. Campagnes. Turquie. Prosorovsky. 1808, л. 400).

⁷ 20-го джемази-уль-эввель 1223 г. («Тарих-и-Джевдет». Т. VIII, стр. 236).

⁸ «Тарих-и-Джевдет». Т. VIII, стр. 246.

⁹ Толстой — Румянцеву. 23 августа 1808 г. Сборник Русского исторического общества (РИО). Т. 89, стр. 659.

¹⁰ Петров А. Указ. соч. Т. II, стр. 71—79.

шей моих — визиря, Али паши и прочих союзников — достигну цели моей: восстановить на престол бывшего нашего султана Селима. В сие самое время, что вы, Манук бей, сие моё письмо читаете, или Селим уже не существует на свете, или паки вкушает сладости престола. Уповайте, однако же, более на последнее, потому что войска мои, как равно и союзников моих, простирающиеся до 80 тысяч человек, заставят неприятелей Селима покориться»¹.

Тревога в Стамбуле началась 13 июля 1808 года². В этот день, рано утром, отряд Хаджи Али аги скрытно подошёл к Фанаркале. Люди Хаджи Али аги ворвались в гарем, убили всесильного временщика Кабакчи оглу, и тотчас гонец повёз Байрактару струбленную голову убитого. Затем Хаджи Али со своим отрядом укрылся в башне маяка и оттуда повёл переговоры с ямаками форта. Он заявил им, что действовал не самочинно, а по приказу свыше, причём применил такое неопределённое выражение, что нельзя было понять, кто его послал для совершения казни — великий визирь или сам султан Мустафа IV. Но так как никакого письменного распоряжения он предъявить не мог, ямаки подвезли пушки и начали артиллерийский обстрел маяка: Отряд Хаджи Али отстреливался из ружей. Перестрелка продолжалась весь день и ночь. Затем, когда запасы продовольствия были исчерпаны, осаждённые бежали в Белградский лес (местность на европейском берегу Босфора).

При первых звуках канонады возникла паника на всём Босфоре. Окрестное население, вплоть до Терапии, обратилось в бегство. Уходили пешком, разбирали лодки. Ямаки отправили делегацию к Порте с требованием разъяснить, по чьему приказу казнён их ага, но в Порте ничего об этом не знали. Всем было известно, что Хаджи Али — приближённый Байрактарз, но из Эдирне ещё не поступило никаких сведений³. Днём 14 июля все министры столичного кабинета во главе с каймакам-пашой, а также шейх-уль-ислам с улемами собрались на большой совет в султанском дворце. Все были взволнованы убийством Кабакчи оглу. Убитый был главной опорой антиселимовской группировки, и с его гибелью ямаки больше не представляли собой организованной силы.

В ночь на 15 июля в Порту прибыл гонец с кратким посланием от великого визиря о выступлении армии вместе со «священным

знаменем» из Эдирне. Это внесло ещё большее смятение. 15 июля в резиденции янычарского аги снова собрался большой совет с участием султана Мустафы IV. К вечеру стало известно, что к столице движется огромная армия, во главе которой фактически находится не великий визирь, а Мустафа паша Байрактар. Столичные власти, а также янычары и ямаки окончательно потерялись. Ямаки обратились за помощью к Сиди Али, начальнику морских сил, но тот направил их к Порте. Бессильная и напуганная Порта ответила ямакам, что охрана босфорских фортов будет передана прежней страже, возвращающейся вместе с армией, и что ямаки, следовательно, не будут нужны⁴. На совете, собранном 16 июля во дворце шейх-уль-ислама, было внесено предложение отправить к великому визирю гонца с султанским указом возвратиться в Эдирне. Но это предложение было встречено критическими замечаниями присутствующих: если великий визирь решился прибыть в столицу без приказа, то он и распоряжение вернуться оставит без последствий⁵. Предложение закрыть городские ворота и применить против армии силу тоже не имело успеха. В столице не на кого было, в сущности, рассчитывать. В результате бесплодных обсуждений совет пришёл к выводу, что для «спасения лица» (а вернее, в надежде спасти собственные жизни) целесообразнее сделать вид, будто между армией и столицей нет никаких разногласий, и послать великому визирю официальное приглашение прибыть со «священным знаменем» в Стамбул⁶.

Султан Мустафа IV охотно согласился с таким предложением. Его дворцовые фавориты, имевшие тайные связи с Рефиком и Бехиджем, уверили его в том, будто Байрактар не имеет иной цели, кроме укрепления султанской власти, и что прибытие армии во главе с Байрактаром лишь упрочивает его, Мустафы IV, положение⁷. В тот же день, 16 июля, султанский казначей и фаворит Незир ага повёз в Силиври, на встречу армии, приглашение султана прибыть в столицу⁸.

Армия двигалась безостановочно и 18 июля 1808 г. была уже под стенами Стамбула. Первыми вступили в столицу вернувшиеся с армией янычары во главе со своим агой, остальная армия стала лагерем в Инджирли-чифтлике (местность под Стамбулом). На следующий день состоялась торжественная церемония приёма «священного знамени» султаном. Рано утром шейх-

¹ Донесение барона Бервица из Руцука от 22 июля 1808 г. АВП. МИД. Канц., д. № 1921, лл. 331—332. Байрактар несколько ошибся в сроках: его письмо пришло в Руцук около 22 июля 1808 г., а в это время события в Стамбуле ещё не вступили в критическую стадию.

² У Дживедета ошибка: вместо 19-го джемази-уль-эзвель сказано: 19-го джемази-уль-ахыр («Тарих-и-Дживедет». Т. VIII, стр. 246).

³ «Тарих-и-Дживедет». Т. VIII, стр. 246—247.

⁴ Письмо из Константинополя от 24 июля 1808 г., полученное Кирыко. АВП. МИД. Канц., д. № 1921, л. 400.

⁵ «Тарих-и-Дживедет». Т. VIII, стр. 248.

⁶ Там же.

⁷ Шифрованная депеша датского посланника в Константинополе барона Гюбша от 31 июля 1808 г. АВП. МИД. Канц., д. № 2274. Correspondance du baron Hübsch, лл. 40—52.

⁸ «Тарих-и-Дживедет». Т. VIII, стр. 248, а также цит. письмо из Константинополя от 24 июля 1808 года.

уль-ислам, румелийский и анатолийский казаскеры (внешние духовные лица) и каймакам паша с раджамами (светские сановники) вышли к визирскому лагерю. За ними прибыл султан Мустафа IV со свитой. Султан принял из рук великого визиря «священное знамя» и распорядился водрузить его во дворец. При церемонии присутствовал Байрактар, который даже распростёрся ниц перед монархом и совершил обряд целования ноги. Ни у кого не было сомнений, что именно Байрактар является главой всех вооружённых сил, пришедших к столице. Поэтому султан обошёлся с ним особенно ласково, поднёс ему богатые подарки, а шейх-уль-ислам Атаулла эфенди поспешил нанести Байрактару визит. Байрактар принял Атаулла с подобающим почётом, отвёл ему лучшее место в своей палатке, но разговаривал с ним холодно и официально¹. О двусмысленном почтении Байрактара к Атаулле стало известно в городе. Все напряжённо ждали дальнейшего развития событий.

Среди «рущукских друзей» не было единства в вопросе о сроках осуществления государственного переворота. Рамиз эфенди считал необходимым действовать быстро и решительно и предлагал Байрактару во время церемонии приёма знамени арестовать Мустафу IV и сразу отправиться с войсками во дворец для восстановления Селима III на престоле. Другие члены тайного кружка предпочитали большую хитрость и осторожность, настаивали на том, чтобы не раскрывать сразу всех планов, а сначала устранить противников, занять руководящие должности и заменить дворцовые караулы преданными Байрактару войсками. Байрактар не любил хитрости и не был в ней искушён, ему казалось непристойным арестовать султана в нарушение вековых обычаев, тем более во время священной церемонии. «Такое коварство не приличествует мужчине»², — отвечал он Рамизу. Также из опасения нарушить мусульманские традиции было отклонено предложение арестовать Мустафу IV во время пятничного селям-лика (ближайшая пятница приходилась на 22 июля). В конце концов решили дожидаться очередного заседания Большого Дивана. Обычно такие заседания происходили в присутствии султана во внутреннем дворе дворца, в непосредственной близости от покоев, где находился в заточении Селим. «Рущукские друзья» надеялись, что им удастся совершить переворот без большого шума и без привлечения внимания народа³.

По окончании церемонии в Инджирли-чифтлик «священное знамя» было перенесено с подобающими почестями во дворец. Великий визирь и члены военного кабинета заняли свои места в Порте. Временный столичный кабинет, так называемый кабинет «султанского стремени», автоматически прекратил существование. Визирская армия расположилась лагерем в Давуд-паше (полчаса

езды от города), а Мустафа паша Байрактар со всеми прибывшими с ним яныками и войсками избрал местопребыванием дуга Чырлыджи-чанри⁴.

Мустафа паша Байрактар сделался центром всеобщего внимания. Стамбульцы догадывались, что от него исходил приказ о казни Кабакчи оглу. Правда, никто не осмеливался задавать по этому поводу вопросов, но все видели, что Хаджи Али ага прибыл из Белградского леса в столицу и безнаказанно разгуливает со своими румелиотами в их своеобразных шапках (шубара) по улицам города⁵. Страх и ненависть к Байрактару объединили прежде враждовавших друг с другом янычар и ямаков. Но у них не было вождя. Янычарский ага, который, возможно, сделался бы главой реакционных сил, «скорлостажно скончался» 20 июля, хотя ещё накануне вечером, по свидетельству современников, «чувствовал себя прекрасно»⁶. 21 июля Мустафа паша Байрактар сделал свой первый визит в Порту. Визит был оставлен несколько необычно. Вместо вельмож в официальных одеждах и дорогих мехах Байрактара сопровождали вооружённые с ног до головы три тысячи всадников и столько же пехотинцев. Отряды Байрактара заняли важнейшие кварталы в столице. Немедленно по прибытии в Порту Байрактар отправил султану предложение сместить шейх-уль-ислама. Султан не возражал и назначил шейх-уль-исламом бывшего румелийского казаскера Араб заде Ариф эфенди, Атаулле же было приказано поселиться в своей вилле на Босфоре⁷. Через два дня его участь разделили его помощники — румелийский и анатолийский казаскеры. Мюниб эфенди, учитель Атауллы, автор акта амнистии мятежникам 1807 г., был сослан в Анкару. Были сосланы также и некоторые другие улеме, замешанные в событиях 1807 года. Два янычарских офицера, участвовавших в сражении в Фанаркале против Хаджи Али аги, получили шиурок. Персонал дворца пока ещё не подвергался репрессиям. Всё же, по предложению Байрактара, султан приказал обершталмейстеру Мехмеду аге «заниматься конюшней» и впредь не вмешиваться в государственные дела.

Султан Мустафа IV, не имея никаких собственных принципов и заботясь лишь о сохранении за собой престола, охотно следовал указаниям Байрактара. 23 июля 1808 г.

⁴ По установлениям Османской империи, никто из пашей высшего ранга, за исключением великого визиря, не имел права проживать в Стамбуле. Объяснялось это стремлением не вызывать затруднений в чиновничестве великого визиря, но в действительности здесь играли роль опасения возможных вооружённых столкновений между пашами.

⁵ «Тарих-и-Джевдет». Т. VIII, стр. 249.

⁶ Цит. письмо из Константинополя от 24 июля 1808 года. О таинственной смерти янычарского аги сообщал также барон Гюбш в цитированной выше шифрованной депеше от 31 июля 1808 года.

⁷ «Тарих-и-Джевдет» Т. VIII, стр. 249.

¹ «Тарих-и-Джевдет». Т. VIII, стр. 248.

² Там же, стр. 250.

³ Schleicha. Op. cit., S. 162—163.

султан подписал указ (хатт-и-шериф) о назначении Мустафы пашы «главнокомандующим всеми войсками Румелии и Анатолии и главным инспектором над всеми губернаторами Европы и Азии» с предоставлением ему права заключать мир и объявлять войну¹. Такой должности никогда не существовало в Османской империи. Указ предоставлял Байрактару, по существу, всю полноту гражданской и военной власти. Великий визирь превращался из «абсолютного уполномоченного» (векили-мутлак), каким он должен был являться, согласно установлениям империи, в абсолютное ничтожество. Всё указывало на то, что близятся важные перемены. Один из современников писал в эти дни: «Мы живём в беспокойстве и невыразимой тревоге, все ожидают переворота, более сложного, чем в прошлом году»².

Когда подготовка к перевороту была закончена и «рушукские друзья» ждали лишь намеченного заседания Дивана, неожиданно возник конфликт между Байрактаром и великим визирем, повлекший за собой кровавые последствия. Причиной конфликта было сделавшееся очевидным резкое несоответствие формального положения великого визиря фактическому. Поводом же послужило требование «рушукских друзей» о смещении и ссылке капудан пашы (начальника морских сил) Сиди Али. Возможно, великий визирь не стал бы упорствовать, тем более что он считал Сиди Али своим конкурентом, но на защиту алжирца выступила султанша-мать (валиде).

Встретив сопротивление дворца, великий визирь сделал из этого вывод, что может более не подчиняться Байрактару. Он послал к Байрактару доверенное лицо и поручил ему передать, что, поскольку мятежные ямаки уже обезврежены, нет надобности в дальнейших репрессиях и «его друг» Байрактар может теперь, как то было условлено, вернуться к себе в Рушук. Возбешенный Байрактар ответил, что «пусть великий визирь его извинит», но он, Байрактар, не покинет столицы, пока окончательно не очистит правительство от захватчиков власти.

Лаконизм и тон этого ответа чрезвычайно встревожили Челеби Мустафу пашу, и он немедленно отправился во дворец на совещание с фаворитами султана. Четыре часа он убеждал придворных, что Байрактар замышляет что-то опасное против султана Мустафы IV и против дворца. Чтобы обезвредить Байрактара, великий визирь предложил убить Рефика, Бехиджа и других приближённых рушукского пашы, проживавших в городе, и, закрыв ворота, не пускать Байрактара и Рамиза в столицу³. Но придворная камарилья всё ещё отказывалась верить, что рушукский паша добивается чего-либо иного, кроме усиления власти

Мустафы IV. Предложения великого визиря не имели успеха. Мало того: о них тотчас же стало известно Рефику эфенди.

Всё это произошло 27 июля 1808 года⁴. Вечером «рушукские друзья» собрались в палатке Байрактара в Чырпыджи-чаири. Рефик доложил о случившемся. Стало ясно, что великий визирь Челеби Мустафа паша перешёл в лагерь противников Байрактара и что с помощью влиятельного капудан пашы Сиди Али он постарается внушить султану подозрения насчёт истинных намерений прибывших войск и, таким образом, планы «рушукских друзей» могут быть сорваны. Байрактар и Рамиз решили выступить немедленно.

На рассвете 28 июля 1808 г. Мустафа паша Байрактар и Рамиз эфенди во главе 15 тыс. румелиотов Байрактара выступили из Чырпыджи-чаири. Рано утром отряд подошёл к Блистательной Порте. Одновременно к Порте подошёл двухтысячный отряд анатолийцев под командованием Галионджу оглы. Это было важным подспорьем для Байрактара не столько с точки зрения увеличения вооружённых сил (у Байрактара и без того было их много, а великий визирь фактически ничего не имел), сколько с точки зрения демонстрации политического единства европейских и азиатских аянов. Распорядившись занять все входы и выходы, Байрактар вошёл в Порту. Он с криком и бранью набросился на великого визиря, сорвал с его шеи государственную печать и приказал отвести разжалованного визиря под конвоем в лагерь на Чырпыджи-чаири⁵.

Сместив великого визиря, Байрактар немедленно приступил к осуществлению заключительной части плана «рушукских друзей» — восстановлению Селима III на престоле. Для соблюдения традиции Рамиз эфенди предложил вызвать шейх-уль-ислама, который освятит бы фетвой⁶ смену султана. Шейх-уль-ислам и оба казаскера были приведены в Порту. Байрактар велел им сопровождать себя во дворец к султану для переговоров «по важному для религии и государства делу». Огромный кортеж отправился от Блистательной Порты к султанскому дворцу.

Во дворце царил паника. Султан Мустафа IV приказал запереть ворота, ведущие во внутренний двор дворца («врата блаженства»). Однако ничего определённого он ещё не знал.

Когда же Мустафа IV через муфтия, посланного Байрактаром для переговоров с султаном, узнал, чего от него требуют, он многозначительно спросил у придворных: «Что же теперь будет?» Как он и ожидал, придворные предложили избавиться от Селима, а заодно и от принца Махмуда, един-

¹ Цит. письмо из Константинополя от 24 июля 1808 года.

² Письмо из Константинополя от 27 июля 1808 г., полученное Кирико. АВП. МИД. Канц., д. № 1921, л. 394.

³ «Тарих-и-Джездет». Т. VIII, стр. 251.

⁴ 3-го джемази-уль-ахыр 1223 г. «Тарих-и-Джездет». Т. VIII, стр. 251.

⁵ «Тарих-и-Джездет». Т. VIII, стр. 252 и сл.

⁶ Фетва — каноническое толкование того или иного акта или события на основе корана.

ственного, кроме Мустафы IV и Селима, отпрыска Османской династии.

Человек двадцать придворных и несколько бостанджи (дворцовая стража) составили группу убийц. Ничего не подозревавший Селим был застигнут врасплох. Обладая большой физической силой, бывший султан долго сопротивлялся, но убийцы зверски расправились с ним. В покоях принца Махмуда убийц ожидала неудача. Длительное сопротивление, оказанное Селимом, позволило близким к Махмуду людям собрать несколько верных человек. Воспользовавшись замешательством убийц, бывший дядька принца (лала) Таяр эфенди с помощью слуг и невольников вытащил Махмуда через каминную трубу на крышу, а оттуда на связанных кушаках спустил в дворцовый сад.

К этому времени Байрактар, так и не дождавшись возвращения шейх-уль-ислама, решился, наконец, нарушить святость султанского гарема. По его знаку истомлённые долгим ожиданием румелиоты мгновенно разбили «врата блаженства». В брешь и через стены хлынули тысячи воинов Байрактара. Первым проник за «врата блаженства» Байрактар с саблей наголо. На площадке была мёртвая тишина. Байрактар вдруг наткнулся на каменную скамью, на которой лежал труп его бывшего повелителя, Селима III. Это зрелище потрясло Байрактара. Теперь он осознал значительную долю своей вины за трагический финал предприятия «рущукских друзей»: он потерял слишком много времени на торжественные встречи и на бесплодные переговоры через шейх-уль-ислама.

С криком «Мечь предателям!» Байрактар стал созывать своих воинов. Румелиоты Байрактара, только и ждавшие приказа паши и не питавшие особого почтения к султану и вельможам, не колеблясь, по приказу Байрактара умертвили бы и Мустафу IV и всё население дворца и сравняли бы с землёй дворец. Однако гнев Байрактара и угроза жестокой расправы с обитателями дворца испугали не только придворных, но и «рущукских друзей». Убийство Мустафы IV сторонниками Байрактара и одновременное убийство принца Махмуда приближёнными Мустафы IV пресекли бы Османскую династию, подорвали бы монархические устои. Это отнюдь не входило в план «рущукских друзей».

Рамиз эфенди стал уговаривать Байрактара отложить на время мечь и сначала заняться более неотложным и политически

важным делом — судьбой монархии. Мустафу IV нужно было низложить: это ни у кого не вызывало сомнений. Но низложение было не мыслимо без одновременного провозглашения нового падишаха. Единственно возможной кандидатурой являлась кандидатура принца Махмуда. Необходимо было его разыскать и возвести на престол. Байрактар признал правильными доводы Рамиза эфенди, остановил своих солдат, уже готовых броситься на разгром дворца, и приказал разыскать Махмуда¹.

Мустафа IV был свергнут, юноша Махмуд II, всем обязанный Байрактару, не мог служить препятствием на пути осуществления планов «рущукских друзей». Отныне они сделались подлинным правительством империи. Так совершился государственный переворот, подготовленный «рущукскими друзьями».

Коротко о дальнейших событиях можно сказать следующее. Совершив государственный переворот, Байрактар сделался великим визирем и приступил вместе с «рущукскими друзьями» к проведению прогрессивных реформ. В частности он восстановил под новым названием регулярные войска, ограничил привилегии янычар, заключил союз с анатолийскими деребейями (наследственные феодалы), румелийскими аянами и различными пашами и беями, пытаясь тем самым укрепить империю на базе своеобразной федерации мелких и крупных феодалов. Однако социальная база, на которую опирался Байрактар, была столь же ненадёжна и слаба, как и в царствование Селима III. Реакционеры составили новый заговор, и в ночь на 15 ноября 1808 г. в Стамбуле вспыхнул мятеж янычар, приведший к свержению прогрессивного правительства и к гибели Байрактара и большинства «рущукских друзей».

¹ Французские авторы, например Жюшеров, Ламартин и др., приписывают слова Рамиза (к тому же сильно их искажая по сравнению с версией турецких хронистов) капудан паше Сиди Али. Нечего и говорить, насколько нелепо предположение, будто Сиди Али находился при Байрактаре и воздействовал на него уговорами. Вероятно, эта грубая ошибка произошла из-за того, что рассказчики событий называли Рамиза по полному имени: вскоре чину капудан пашой, а Жюшеров (у которого затем заимствовали материал другие французские авторы) отнёс этот чин к его обладателю в момент переворота, т. е. к Сиди Али.

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

ФИЛИАЛЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ И ДОМА-МУЗЕИ В. И. ЛЕНИНА

А. Пильщиков

В 1936 г. по инициативе и указаниям И. В. Сталина был создан Центральный музей В. И. Ленина. В 22 залах музея сосредоточены классические работы В. И. Ленина и И. В. Сталина. В музее размещено около 6 тыс. документов, фотографий, произведений изобразительного искусства, газет, журналов, листовок и других документов.

По принципу Центрального музея созданы филиалы в Ленинграде, Киеве, Ульяновске (Симбирск) и Тбилиси.

В ведении Центрального музея В. И. Ленина находятся дома-музеи В. И. Ленина в Ульяновске, Казани, в селе Кокушкине (Татарская АССР), в Куйбышеве (Самара), в селе Алакаевке, Кинельского района, Куйбышевской области, в селе Шушенском, Красноярского края, в Уфе, в Подольске, Московской области, в Большеве, под Москвой, и несколько квартир-музеев в Ленинграде, а также «Шалаш» на станции Разлив, под Ленинградом, и Дом-музей в деревне Ялкала на Карельском перешейке.

В Ульяновске Дом-музей В. И. Ленина был открыт в 1929 году. Дом подлинный, построен он более 110 лет назад. Дом, двор и сад восстановлены в таком же виде, в каком они были ранее, когда там жила семья Ульяновых.

Дом-музей состоит из 10 комнат. Вся обстановка в доме восстановлена в том виде, в каком она была раньше. В доме сохранились и подлинные вещи: письменный прибор, подушки, ноты, книги и другие предметы. Дом восстанавливался по указаниям Анны Ильиничны, Марии Ильиничны и Дмитрия Ильича Ульяновых.

Дом-музей В. И. Ленина стал местом, куда стекаются трудящиеся со всех концов нашей родины. Его посещают гости, приезжающие из-за границы. За годы войны Дом-музей посетило более 220 тыс. человек.

Для того чтобы сохранить этот памятник на более длительный период, предполагается летом 1945 г. осуществить такие работы, которые сохранили бы существующее здание в том виде, в каком оно было при жизни Владимира Ильича.

Работники Ульяновского филиала Музея Ленина выступают с докладами и лекциями на темы: «Детские и юношеские годы В. И. Ленина», «Ульяновск — родина Ленина», «Семья Ульяновых в Симбирске», «Педагогическая деятельность И. Н. Ульянова», «Воспоминания о семье Ульяновых» и др.

Проведена работа по разбору и исследованию архивных материалов о юных годах Ленина. Так, были разобраны и исследованы бумаги и записки умершего М. Ф. Кузнецова, учившегося вместе с В. И. Лениным в гимназии. Из его бумаг отобрано 38 названий, представляющих интерес для музея. Разобран архив умершей А. Ф. Щербо, подруги О. И. Ульяновой, из которого выделено 25 названий для музея.

В Казани, в бывшем доме Орлова (ныне по улице Ленина, д. № 58), где проживала семья Ульяновых с сентября 1888 г. по май 1889 г., в 1937 г. был открыт Дом-музей В. И. Ленина. Здесь, как и в Ульяновске, в комнатах восстановлена вся бытовая обстановка, дающая ясное представление о том, как жила семья Ульяновых. В комнате Владимира Ильича — стол, покрытый белой скатертью, стулья с плетёным сиденьем 80-х годов прошлого столетия, простая железная кровать и постельные принадлежности. Всё это подобрано по указанию Дмитрия Ильича и Марии Ильиничны по образцам того времени. Лампа, чернильные принадлежности, подсвечник — такие же, как и были при Владимире Ильиче; стеклянная чернильница, по утверждению Н. И. Веретенникова (двоюродный брат Владимира Ильича), принадлежала деду Владимира Ильича; ею пользовался Владимир Ильич во время своего пребывания в ссылке в деревне Кокушкине. Сохранились книги издания 60—80-х годов прошлого столетия, газеты «Новое время» за декабрь 1887 г., «Русская мысль» за апрель 1888 года. Комнаты членов семьи также восстановлены в таком виде, в каком они были во время пребывания здесь семьи Ульяновых. Стены комнат оклеены обоями образцов 80-х годов прошлого столетия.

Конец декабря 1887 г., зиму и лето 1888 г. В. И. Ленин провёл в ссылке в селе Кокушкине. 21 января 1939 г. здесь был открыт Дом-музей В. И. Ленина. Домик, в котором жил Владимир Ильич в ссылке, ещё до революции был снесён. Сейчас выстроен новый — копия.

Дом-музей посещают не только колхозники, школьники и интеллигенция близлежащих районов и районов Татарии, но также немало людей приезжает из Москвы, Ульяновска и других мест.

В Самаре семья Ульяновых проживала с 1889 по 1893 год. Куйбышевский дом-музей Ленина помещается на улице Во-

рошнелоза, д. № 135, в двухэтажном деревянном доме. В нижнем его этаже, где была квартира Ульяновых, открыт музей, отражающий жизнь и работу Владимира Ильича в бытность его в Поволжье.

Куйбышевский дом-музей В. И. Ленина имеет три раздела: Симбирский, Казанский и Самарский. Комната, где жил Владимир Ильич, сохранена в таком виде, в каком она была при нём, и в ней отражена бытовая сторона его жизни. Правдивость этого отражения подтверждена Марией Ильиничной и Дмитрием Ильичем Ульяновыми, посетившими Куйбышевский дом-музей Ленина.

Особенно большую помощь в восстановлении Куйбышевского дома-музея оказал Дмитрий Ильич, который находился в Куйбышеве в 1942 г. и в первой половине 1943 года.

Во время пребывания в Самаре с 1889 по 1893 г. Владимир Ильич в летние месяцы жил в селе Алакаевье (ныне Кинельского района, Куйбышевской области). Здесь также создан музей.

С 1897 по 1900 г. Владимир Ильич находился в ссылке в селе Шушенском, Минусинского округа, Енисейской губернии. В начале мая 1898 г. туда приехала Н. К. Крупская, также арестованная по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и получившая разрешение отбывать ссылку вместе с В. И. Лениным.

Дом-музей В. И. Ленина открыт в селе Шушенском 7 ноября 1930 года. Он расположен в двух домах — в бывшем доме Зырянова, где Владимир Ильич жил с 8 мая 1897 г. по июль 1898 г., и в бывшем доме Петровой, где он жил с июля 1898 по февраль 1900 г., т. е. до конца срока своей ссылки. В бывшем доме Зырянова, в комнате, которую занимал Владимир Ильич, полностью восстановлена бытовая обстановка периода 1897—1898 годов. Сохранились подлинные вещи: деревянная кровать, четыре простых стула, барометр, фотопортрет Чернышевского с собственноручной надписью В. И. Ленина. В этой же комнате находятся три столика, полки для книг и самотканые сибирские половики—точные копии подлинных. В бывшем доме Петровой также восстановлена вся бытовая обстановка. Из подлинных вещей, которыми пользовался Владимир Ильич в сибирской ссылке, сохранились диван, стол, два стула, два кресла, шкаф, утюг, ручка и посуда.

В Шушенском доме-музее (в обоих домах) экспонируются копии подлинных документов, которые дают правильное и целостное представление о начале революционной деятельности Владимира Ильича, о его жизни в Шушенском и борьбе за создание революционной партии. Фотодокументы отражают жизнь и революционную деятельность Ленина в Симбирске, Казани, Самаре и Петербурге.

В Шушенское приезжают экскурсанты не только из окружающих сёл и районов: сюда приезжают рабочие, колхозники, студенты и из других областей и республик Советского Союза.

Вот несколько из многих записей посетивших Дом-музей В. И. Ленина в Шушенском:

«Группа экскурсантов Новосибирской области посетила Музей В. И. Ленина в селе Шушенском. Нас ещё при входе в музей охватило чувство глубокого волнения. Мы чувствовали, переживали то, что здесь жил в ссылке великий Ленин. Жил, работал в этих комнатах, где были мы. После прослушивания лекций сотрудника музея мы ещё больше узнали про жизнь и деятельность Владимира Ильича. Обещаем в честь памяти Владимира Ильича быть дисциплинированными, учиться только отлично, чтобы стать достойными людьми своей великой родины. По поручению Р. Карс. 19 июня 1940 года».

«Мы, тувинская делегация в составе 20 человек, осмотрели Дом-музей нашего учителя В. И. Ленина, в котором показана жизнь и борьба великого гения человечества за дело рабочего класса, за свержение проклятого, ненавистного царского самодержавия. Дело великого Ленина живёт в сердцах тувинского народа. У тувинского народа нет другой цели, как борьба за дело Ленина. Верный его учению тувинский народ уверенно идёт по пути некапиталистического развития к социализму. Под великим знаменем Ленина всё прогрессивное человечество ведёт освободительную войну против немецких захватчиков. Под руководством продолжателя дела Ленина товарища Сталина тувинский народ вместе с советским народом активно участвует в Отечественной войне и готов по первому зову товарища Сталина выступить с оружием в руках для окончательного разгрома проклятого фашизма. Председатель президиума Малого хурала ТНР Анчима. Председатель Совета министров ТНР Чимба. Секретарь ЦК ТНР полковой комиссар Базыр-Сат. Министр внутренних дел комиссар госохраны Товариштай. 5 апреля 1942 года».

29 января 1900 г. закончилась ссылка Ленина. Ему было запрещено проживать в столицах и во всех промышленных центрах. Владимир Ильич выбрал местом своего жительства Псков, поближе к Петербургу.

Возвращаясь из ссылки из села Шушенского, Владимир Ильич и Надежда Константиновна остановились в Уфе. Здесь Надежде Константиновне предстояло прожить как ссылкеной ещё один год. Она поселилась в небольшом домике. Владимир Ильич, пробыв несколько дней в Уфе и установив связь с ссылкойными социал-демократами, выехал в центральные города России. Летом Владимир Ильич с матерью и сестрой Анной Ильиничной приезжал в Уфу навестить Надежду Константиновну. Пробыв в Уфе около месяца, Владимир Ильич уехал за границу.

В домике в Уфе, где жили Владимир Ильич и Надежда Константиновна, открыт Дом-музей В. И. Ленина.

Из Уфы Владимир Ильич заехал в Москву и Петербург, где встречался и вёл переговоры с социал-демократами. В конце февраля Ленин приехал в Псков. Здесь в апреле состоялось совещание, на котором обсуждался написанный Лениным проект программного заявления редакции будущей газеты.

Псковский дом-музей В. И. Ленина (улица «Искры», д. № 6) во время немецкой оккупации разрушен.

В. И. Ленин в 1900 г. жил в Подольске, Московской губернии. Сюда он был доставлен после ареста в Петербурге. В Подольске же отбывал ссылку и брат Владимира Ильича — Дмитрий Ильич.

В 1937 г. в Подольске был открыт Дом-музей В. И. Ленина. Опрятный маленький деревянный домик, построенный более 80 лет назад, хорошо сохранился и по сей день. В доме восстановлена бытовая обстановка; обращают внимание посетителей скромность и уют маленьких комнат квартиры Ульяновых.

В декабре 1921 г. Владимир Ильич по настоянию врачей временно выехал из Москвы за город. Поселился он в небольшом домике около деревни Костино (ныне город Костино), в полутора километрах от станции Болшево, Мытищинского района, Московской области, и прожил там до конца января 1922 года.

Здесь открыт Дом-музей В. И. Ленина. Простую обстановку комнат удалось восстановить полностью. Здесь, в Костино, Ленин начал писать статью «О значении воинствующего материализма». До 16 октября 1941 г. в этом Доме-музее была организована выставка на тему «Жизненный путь В. И. Ленина». В октябре 1941 г. Дом-музей был закрыт. 20 января 1942 г. он был вновь открыт; в нём организована выставка на тему «Ленин и Сталин о защите социалистического отечества».

С января 1942 г. по настоящий момент значительно повысилась посещаемость музея. Особенно это относится к 1942 г., когда вокруг Москвы было сосредоточено много воинских частей. За два с половиной года Дом-музей посетило около 50 тыс. человек.

О чувствах и настроениях, с которыми уходят посетители из Дома-музея, свидетельствует следующая запись: «Посетили Дом-музей, где жил и работал гений человечества—В. И. Ленин. Благодарим партию и правительство за сохранение такого дорогого каждому человеку, любящему нашу родину, памятника. Капитан Костелей. Техник-лейтенант Казменко. Младший техник-лейтенант Гулимов».

Много исторических мест, где жил и работал В. И. Ленин, в Ленинграде. Здесь создан филиал Центрального музея В. И. Ленина. Филиал осуществляет руководство квартирами-музеями В. И. Ленина; в его ведении находятся также и такие исторические места, как «Шалаш» и «Сарай» на станции Разлив и Дом-музей в деревне Ялкала на Карельском перешейке.

Ленинградский филиал Музея В. И. Ленина был закрыт для посетителей почти с пер-

вых дней Великой отечественной войны. В дни блокады основной задачей сотрудников Ленинградского филиала было сохранить оставшиеся ценности и самое здание и организовать собрание материалов и продолжение популяризации идей марксизма-ленинизма.

Сотрудники Ленинградского филиала собрали очень важные и ценные документы. Среди них листовки «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», газеты «Искра», «Пролетарий», свыше 25 работ в первоизданиях, среди них сочинения В. И. Ленина: «Земская кампания и план «Искры» (1904), «Письмо к товарищу о наших организационных задачах» (1904), «Революционный авантюризм» (1903), «Что делать?» (1902), «II очередной съезд РСДРП» (1904), «К деревенской бедноте» (1903), «Шаг вперед, два шага назад» (1904), «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (1905), «Материализм и эмпириокритицизм» (1909), «Манифест коммунистической партии» Маркса и Энгельса (1882). Большинство этих работ издано в Женеве, Вене, Штутгарте и других городах.

В 1943 г. филиалом Музея В. И. Ленина была создана выставка на тему «Зверства, грабежи и насилия немецко-фашистских захватчиков». Эту выставку несмотря на артиллерийские обстрелы посетило свыше 300 тыс. человек.

В павильоне около памятника «Шалаш» в Разливе была организована выставка на тему приказа товарища Сталина от 23 февраля 1944 года. Эта выставка была расположена в 4 км от передовой линии фронта. Несмотря на боевую обстановку ежедневно целые подразделения посещали «Шалаш» Ленина. Только за апрель, май и июнь 1944 г. выставку посетило свыше 40 тыс. человек, за один июнь—свыше 20 тысяч. Солдаты и офицеры с большим интересом и вниманием знакомятся с экспозициями и, воодушевленные великой жизнью и деятельностью Владимира Ильича, дают в книге отзывов воинскую клятву выполнить ленинские заветы.

«Посещение этого святого места вызывает волнение в сердце и новый подъем боевого порыва. Наша партия, наш народ смеют сделать всё, дорогой Ильич, чтобы Ваши заветы были выполнены». (Подписано двумя подполковниками.)

В настоящее время в Ленинградском филиале идёт усиленная подготовка к открытию филиала. Силами сотрудников филиала уже приведён в порядок Дом-музей в деревне Ялкала. Ленинградский совет принял ряд мер к восстановлению квартир-музеев, где жил и работал В. И. Ленин.

Киевский филиал Музея В. И. Ленина открылся 15 апреля 1945 года.

МОСКОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ПАРТИИ

(филиал ИМЭЛ при ЦК ВКП(б))

Научно-исследовательская работа Московского института истории партии МГК ВКП(б) развёртывается в полном соответствии с утверждённым на 1945 г. тематическим планом. Тематика научных работ института на 1945 г. разнообразна, однако все темы, разрабатываемые коллективом научных сотрудников института, подчинены основной задаче — накоплению материала для издания очерка по истории Московской организации ВКП(б). В данное время закончена работа над книгой «В. И. Ленин в Москве» (исторические места, даты и факты о жизни и деятельности В. И. Ленина в Москве и Московской области 1893—1924 гг.). В книге «Ленин в Москве и Московской области» даётся краткое описание мест в Москве, где Ленин жил, работал, выступал с докладами, отдыхал, навещал родных и знакомых. Всего по Москве установлено свыше 175 таких мест и около 600 посещений. Насыщенность столицы советского социалистического государства — Москвы — ленинскими памятниками свидетельствует об огромной работе великого гения человечества В. И. Ленина в Москве. Значительное число ленинских мест и исторических событий находится в неразрывной связи с деятельностью великого соратника Ленина — И. В. Сталина.

Для написания этой книги институт использовал опубликованные и архивные источники. Кроме того записан большой материал при беседах с отдельными участниками событий, связанных с деятельностью Владимира Ильича в Москве. Партийные работники, художники, артисты, архитекторы, руководители фабрик и заводов, на которых много раз выступал Ленин, значительно восполнили имеющийся материал. Книга будет иллюстрирована. Общий объём книги — 15 печатных листов. К ней будет приложена карта «Ленин в Москве»; на этой карте показаны многие здания Москвы, в которых бывал В. И. Ленин в период 1893—1924 годов.

В течение 1945 г. институт будет готовить

к изданию следующие работы: «Краткий очерк истории Московской организации ВКП(б) 1893—1944 гг.», «Московская парторганизация в обороне советской столицы в 1941 г.» — сборник документов (подготовка этих работ должна быть закончена к концу 1945 г.); брошюру «Из истории Московской парторганизации 1894—1904 гг.», брошюру «Московский совет рабочих депутатов в 1905 г.» и сборник статей «Из истории партизанского движения в Подмоскowie в 1941 г.». Над перечисленными темами в настоящее время ведётся интенсивная работа.

Большое место в работе Института истории партии занимают сбор материалов и организация постоянной выставки по истории Московской организации ВКП(б) (охватывающей период от появления первых марксистских кружков до наших дней). Согласно предварительному плану, выставка будет состоять из 14 отделов. Каждый отдел должен отразить важнейшие этапы жизни и борьбы Московской организации большевиков на всём протяжении её героической истории. На выставке, кроме документального иллюстративного материала, предполагается использовать художественные произведения, скульптуру, картины, оружие, знамёна и т. д.

Создание такой выставки, естественно, требует активного участия большого числа научных учреждений Москвы: государственных музеев, архивов, библиотек, хранилищ художественных произведений и т. д.

В целях установления постоянной связи с кафедрами социально-экономических дисциплин и прежде всего с кафедрами основ марксизма-ленинизма московских вузов институт разработал примерный перечень диссертационных тем по истории Московской организации. В настоящее время по тематике Института истории партии уже работает несколько аспирантов кафедры основ марксизма-ленинизма, МГУ и других вузов.

Г. К.

О ПЕРСПЕКТИВНОМ ПЛАНЕ В ОБЛАСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ*

I

Доклад В. П. Волгина раскрывает широкие перспективы для работы советских историков. Им выдвинут на первый план ряд существенных и сложных проблем, которые требуют изучения в ближайшие годы. Несомненно, что разрешение этих проблем непосильно отдельным исследователям и может быть осуществлено только комбинированными усилиями советских учёных.

Первоочередной задачей нашего времени является разработка общей концепции «Истории СССР». Начало положено вышедшими в свет учебниками для начальной и средней школы и для вузов. Но многие вопросы ещё далеко не уяснены и требуют дополнительного, углублённого монографического изучения. С этой точки зрения следует приветствовать постановку на очередь таких тем, как об исторических этапах развития Русского государства.

Из намеченных тем я позволил бы себе остановиться на двух: на истории отдельных народов нашего Союза и на истории городов. До революций история народов, входивших в состав Российской империи, совершенно не изучалась. Исключение составляли народы Закавказья и украинцы. Остальные рассматривались только как «объекты» истории, о них вспоминали лишь при описании царских завоеваний. Развитие общественных форм у малых народов не только не изучалось, но даже отрицалась самая способность этих народов к историческому развитию. Большим достижением советской науки за последние годы является то, что ею заложены основы научной истории всех советских народов. По истории Сибири в этом отношении уже сделано довольно много. Я имею в виду превосходные монографии С. А. Токарева о якутах, Н. Н. Степанова об эвенках, книгу проф. Окладникова о бурят-монголах, могу указать и мои работы о хантах и маньсах, о сибирских татарах, о ненцах и т. д. Удалось привлечь новый, до сих пор не использованный материал из актов Сибирского приказа. Очень полезным пособием являются работы А. И. Андреева по источниковедению Сибири. Но по мере разработки истории отдельных народов перед исследователями возникают новые проблемы, которые не позволяют ни на минуту ус-

покаиваться на достигнутых результатах. К этим проблемам относится вопрос о взаимоотношениях русского народа и других народов Союза в прошлом. Далеко не все народы нашей страны охвачены историческим изучением: поволжские народы, коми и другие ждут своих историков. Залогом успеха может служить наблюдаемый рост молодых учёных из среды национальной интеллигенции. Недавно защищённая в Институте истории АН СССР тов. Айдаровой кандидатская диссертация о Чокане Валиханове показывает наглядно те хорошие результаты в деле подготовки национальных исторических кадров, которые уже сейчас имеются. Но ещё многое предстоит сделать.

Другая тема, которая привлекает моё внимание,—это тема об истории городов. В дореволюционной литературе мы имеем много исторических очерков отдельных городов, но все они носят характер хроник и краеведческих эскизов. Нам предстоит разработать эту тему на иных, подлинно научных основаниях. Мы должны показать, как социально-экономические сдвиги в стране отражались на экономике, на составе и быте населения, на внешнем облике наших городов, и показать всё это на живом, конкретном материале местных памятников искусства, местной топонимии, местного фольклора. Мы должны научить подрастающее поколение любить наши прекрасные города, понять и полюбить их прошлое, гордиться ими, чтобы ещё глубже почувствовать историческое значение той героической борьбы, которую наш народ с такой самоотверженностью победоносно вёл за свои родные города, против гитлеровских полчищ.

В заключение я хотел бы указать, что для плодотворного осуществления намеченного в докладе В. П. Волгина плана необходимо все темы разрабатывать углублённо, исследовательски и окончательно отказаться от того типа научно-популярных работ (иногда даже более или менее удачных компиляций), на который за последние годы мы нередко соскальзываем. Лет десять тому назад такие научно-популярные труды имели большое значение: они подытоживали производившуюся в советских научных учреждениях работу, но сейчас необходимо глубже и строже научно обосновывать наши соображения и выводы, привлекать свежий и более обширный материал, изучать вопросы более разносторонне, отказаться от слишком спешных и недостаточно обоснованных выводов, более критически подходить к источникам.

* Отклики на доклад акад. В. П. Волгина в Президиуме Академии наук СССР, помещенный в № 3 «Исторического журнала» за 1945 год.

Для этого необходимо создать соответствующие условия для научной работы, в первую очередь отказаться от вредной практики коротких сроков, не позволяющих вести углублённое исследование.

Чл.-корр. АН СССР С. Бахрушин

II

В связи с опубликованием в «Историческом журнале» доклада акад. В. П. Волгина хотел бы сделать следующие замечания по вопросу о перспективном плане работы советских историков:

1. Следовало бы возобновить весьма важную работу по собиранию и опубликованию материалов иностранных архивов, относящихся к истории СССР. Эта работа велась в своё время Русским историческим обществом, и в сборниках РИО можно найти целый ряд ценных публикаций этого рода, относящихся главным образом к XVIII веку. Как бы ни оценивать эти публикации (а в них немало недостатков), следует использовать имеющиеся возможности для ознакомления наших историков с архивными фондами британских, американских, французских и иных архивов, в частности с донесениями иностранных послов из Петербурга. Это позволит нам лучше уяснить историю СССР в XIX в. вообще и в особенности историю русской дипломатии и внешней политики, интерес к которой так велик теперь.

2. В нашей исторической литературе почти вовсе отсутствуют исторические работы научно-популярного характера или учебного характера по истории отдельных стран. Потребность в такого рода историях отдельных стран, которые составили бы основу для изучения страны в целом (страноведение), исключительно велика. До сих пор у нас пользуются популярными очерками, составленными в начале столетия под редакцией Кареева и Лучицкого и вышедшими в издательстве Брокгауза—Ефрона. Очерки эти давно устарели, прекращены на XIX в., но их почти ничем заменить. В наших университетских общих курсах история отдельных стран разорвана между периодами истории; отсутствует последовательность в изложении и тем самым в сознании слушателей исторических факультетов, не говоря уже о других контингентах слушателей — не специалистов по истории. В Институте истории Академии наук необходимость в обмене опытом и в творческом сотрудничестве историков, работающих по истории отдельных стран мира, привела уже к образованию групп по истории Англии, Германии и других стран наряду с секторами по истории средних веков и нового времени. Полагаю, что в перспективном плане работ советских историков следовало бы учесть как актуальную задачу создание работ по истории отдельных стран.

3. Солидаризируясь всецело с замечанием акад. В. П. Волгина о желательности создания историографической комиссии с целью углубления работы по историографии, полагаю, однако, что важной задачей комиссии является научное издание крупнейших

исторических трудов, с которыми могла бы таким образом ознакомиться наша читающая публика. Это относится прежде всего к трудам русских историков; эти труды стали библиографической редкостью. Даже «Боярская дума» Ключевского, однажды изданная в советское время, относительно редка. Что же сказать об исторических работах Соловьёва (монография «Александр I» например), Ковалевского, Виноградова, Грановского? Желательно издание в русском переводе классических работ таких историков, как Мэйтланд, Сибом, Тревелиан, Гуч, Темперлей — называю, к примеру, английских историков, но можно было бы назвать, конечно, историков и других стран. Работа над научным изданием переводных трудов — создание аппарата, редакция перевода и пр. — это очень важная задача историографической комиссии.

4. Обращаясь к вопросу о проблематике по новой истории, намеченной в статье акад. В. П. Волгина, я хотел бы особо отметить, что автор говорит о желательности изучения «антецедентов» фашизма. Действительно, в последние годы мы уделяли большое внимание изучению народных движений, несправедливо заброшенному ранее буржуазной исторической наукой. Но следовало бы разобрать (и во многих случаях развенчать) те реакционные движения, которые создавались в противовес революции под разными лозунгами, сплошь да рядом демагогическими. Если взять историю Франции, например, то было бы полезно изучить бонапартизм (в свете работ Маркса и других классиков марксизма-ленинизма, на основе конкретного исторического материала), Буланже и его попытку переворота, дело Дрейфуса в его значении для мобилизации французской реакции, наконец роялистов и монархические течения в годы Третьей республики и затем уже антидемократические и откровенно фашистские течения 30-х годов XX в., предавшие Францию Гитлеру. Мы должны это сделать тем более, что в буржуазной исторической науке будет сделана, несомненно, попытка показать, что никаких «антецедентов» фашизма не было и бороться с ними нет необходимости; такая попытка уже делается с целью предупредить морально-политический разгром фашизма.

Можно будет сделать ещё ряд других частных замечаний по отдельным элементам перспективного плана после обсуждения в кругу историков, работающих по отдельным проблемам и странам в коллективах, находящихся за пределами Москвы и Академии наук СССР.

Проф. И. Звавич

III

В докладе академика Волгина перед научной общественностью исторического фронта поставлен ряд важнейших вопросов научно-исследовательской работы. Разумеется, этот перспективный план нуждается ещё в широком и серьёзном обсуждении среди научных работников в институтах, на исто-

фических кафедрах университетов и педагогических институтов. Только тогда выявятся различные поправки и пожелания с мест и план станет программой практической работы для историков. Вместе с тем в результате обсуждения выявится участие различных коллективов научных работников в выполнении этого плана.

Доклад акад. Волгина начинается с краткого итога развития исторической науки в СССР. Это совершенно правильно. Только учтя проделанную работу, можно выдвигать большие новые проблемы с уверенностью, что они не повиснут в воздухе, а будут разрешены. Всё же мне кажется, что значение этой части доклада несколько снижается оттого, что она изложена в библиографическом плане.

В докладе акад. Волгина очень слабо показано, как решили новые проблемы советские историки; недостаточно показано идейное содержание развития нашей науки.

Советские историки добились больших успехов в овладении марксистским методом и в применении его к конкретно-историческому исследованию. Однако иногда содержание некоторых работ имеет мало общего с марксизмом. Вот почему хотелось бы, чтобы в докладе акад. Волгина были более резко отмечены ошибочные тенденции в нашей исторической науке. Правда, в отдельных случаях имеются упоминания об этих ошибках, но они носят частный характер и не иллюстрируют общего положения дела на историческом фронте. Мне также кажется, что по некоторым разделам итоги нашей научной работы нуждаются скорее в более строгой, чем снисходительной, критике. К числу таких разделов я бы отнёс в первую очередь раздел военной истории.

В положительной части изложенного перспективного плана бросаются в глаза дробность и обилие поставленных проблем. Если взять раздел по истории СССР, то в совокупности указанные акад. Волгиным проблемы охватывают, собственно, все стороны исторического процесса — с древнейших времён до Великой отечественной войны. Некоторые из них раскрыты более подробно, другие даны в общих формулировках. Мне кажется, что когда намечаются проблемы исследования на ближайшие годы, то необходимо выделить те из них, которые требуют особого внимания со стороны исследователей и разрешение которых должно дать дальнейшее движение советской исторической науки. К числу таких проблем я бы отнёс разработку экономической истории СССР. Неточность, а иногда и ошибочность применяемой периодизации, спорные вопросы относительно экономического строя народов Закавказья, Средней Азии лишь подчёркивают необходимость более глубокого внимания к экономической истории нашей родины. А между тем эти вопросы в настоящее время явно не в моде. В этой области намечаются две линии исследования — история сельского хозяйства и крестьянства и история промышленности, пролетариата и буржуазии. В условиях советского государства продолжением этих

проблем являются коллективизация сельского хозяйства и социалистическая индустриализация. Углублённое исследование экономической истории, на мой взгляд, является базой дальнейшего подъёма исторического знания и решением ряда частных вопросов, намеченных в плане. Особенно актуальны разработка генезиса капитализма в России и выяснение своеобразия русского капитализма в период империализма.

Второе замечание касается разработки военного прошлого России — истории армий, войн и развития военного искусства. Однако этот вопрос поставлен акад. Волгиным очень общо. Важно не только подчеркнуть актуальность исследования в области военной тематики — мы это делали уже давно, — надо более или менее точно сформулировать вопросы, которые нуждаются в первую очередь в научной разработке. Едва ли подлежит сомнению тот факт, что гражданские историки всерьёз не занимаются военной тематикой, причём это относится не только к советским историкам, но и к историкам старой школы. Нам надо добиться такого положения, чтобы военная история являлась для гражданских историков близкой областью научного знания. Начало в этом направлении положено разработкой истории гражданской войны. Вопросами военного прошлого России много занимаются и литераторы, однако в их трудах содержатся значительные ошибки и они не лишены элементов идеализации и всякого рода авантюрных моментов, вносимых в изложение главным образом ради занимательности изложения. Советские историки должны серьёзно взяться за создание капитальных марксистских трудов по истории русской армии и военного искусства России. Нужны прежде всего исследования о Петре I, являвшемся создателем регулярной русской армии и русского флота. Нужны новые работы о Румянцеве, Суворове, Кутузове, Драгомирове и Брусилове. С этими именами связаны наиболее значительные этапы развития русской армии и русского военного искусства. В плане отводится большое внимание изучению Великой отечественной войны. На наш взгляд, в ближайшем будущем надо направить внимание историков на сбор и сохранение всякого рода документов, обработку архивов, сбор дневников, запись рассказов героев, партизан, составление хроники и т. д.

В опубликованном плане очень слабо намечены организационные мероприятия, которые бы позволили выполнить столь широкую, разнообразную и всеобъемлющую программу исследования, по крайней мере в ближайшее десятилетие. Следовало бы указать, какие части этого обширного плана, какие проблемы будут в ближайшее время в поле зрения исторических учреждений Академии наук, а какие должны явиться предметом исследования местных научных коллективов.

К выполнению изложенного плана надо привлечь архивы. Больше того: необходимо коренным образом изменить стиль работы

архивов: надо, чтобы они не только являлись хранителями документов, но и развернули большую издательскую, публикаторскую работу вместе с нашими историческими учреждениями. В настоящее время издательская деятельность архивов почти прекратилась. Руководители ведомства, видимо, не тяготеют этим.

Наконец, следует поставить и разрешить коренной организационный вопрос: надо, чтобы в нашей стране был самостоятельный научный центр по изучению нашей родины. Движение исторической науки вперед требует иной организации научных сил, нежели та, которая существует сейчас в Академии. Явно назрел вопрос об организации самостоятельного института истории СССР. Отсутствие такого института крайне мешает объединению сил историков, планированию научно-исторической работы и связям с местными научными кадрами.

В высшей степени своевременно предложение акад. Волгина расширить сеть исторических журналов. Исследователи понимают, насколько это важно. Следует лишь пожелать, чтобы Академия наук поскорей реализовала это правильное предложение, а также организовала печатание серьезных исторических исследований. Исследовательских монографий, к сожалению, у нас выходит еще очень мало.

Проф. А. Сидоров

IV

Разработка перспективного плана исследовательских работ Академии наук СССР в области истории — крупное событие в советской исторической науке. Проект плана построен на основе обширных задач, которые ставит перед советской исторической наукой наша эпоха, а также на основе учёта предшествующей работы советских историков, её достижений и недостатков.

План, безусловно, поможет не только Институту истории Академии, но и всем историкам и историческим учреждениям страны направить свои исследовательские интересы на наиболее важные для исторической науки проблемы.

Развёрнутая в плане проблематика весьма актуальна и интересна. Но как и всякое большое начинание, план не лишён недостатков. И при обоюдении важно не столько хвалить его бесспорные достоинства, сколько обратить внимание на его недочёты и пробелы, чтобы помочь их восполнить.

Позволю себе высказать несколько замечаний по тем разделам плана, которые ближе к моей научной специальности.

В плане совершенно недостаточно, на мой взгляд, подчёркнута наиболее острая и неотложная проблема истории СССР, со всей отчётливостью выявившаяся сейчас, когда учёные различных республик Союза серьёзно прислушались к её решению, — это проблема создания историй отдельных народов СССР. Опыт работы показал, что главной трудностью, стоящей на её пути, является неразработанность проблемы взаимных эк-

номических, политических и культурных связей между отдельными народами СССР, мешающая правильно оценить крупные факты истории каждого отдельного народа с точки зрения их общего исторического значения. Это ведёт к тому, что одни и те же факты из истории разных народов историками различных республик оцениваются по-разному. Замыкание авторов в рамках национальных историй нередко приводит к грубым теоретическим ошибкам в освещении истории каждого отдельно взятого народа. Это особенно отчётливо выступает в «Истории Казахской ССР», авторы которой, руководствуясь весьма благими намерениями, подчинили своё изложение сюжету борьбы казахского народа за независимость и в результате оказались в плену националистической идеализации прошлого казахского народа, извратив в ряде важных вопросов его взаимоотношения с другими народами Средней Азии — киргизами, узбеками — и особенно с народами России. Непонимание отсталости социальных отношений казахов, определившей и политическую и военную слабость первых, недоучёт той угрозы политического расчленения и уничтожения казахского народа, которая была более чем реальна в XVIII и в начале XIX в. (Джунгария, Китай, Коканд, Хива), привели к тому, что авторы оценивают вхождение Казахстана в состав России как абсолютное зло. Между тем вхождение Казахстана в состав России в XVIII в. (а не во второй половине XIX в., как тенденциозно рисуют авторы книги) было «наименьшим злом», оно обеспечило, в рамках социально-политического строя эпохи, наиболее прогрессивный из возможных путей развития Казахстана.

Нужно отметить также и то, что при обсуждении этой книги и других аналогичных сюжетов допускались ошибки иного порядка (связанные с тем же односторонним, антидиалектическим подходом к вопросу): огульное обеление царской колониальной политики и очернение национально-освободительной борьбы казахского и других угнетённых народов царской России. Эти критики не понимали, что национальные движения, составляя органическую часть фронта антифеодальной борьбы, борьбы против российского империализма и самодержавия, расшатывали его устои и подготавливали путь для победоносной Октябрьской революции.

Всё это, вместе взятое, заставляет нас считать разработку проблем, связанных с взаимоотношениями отдельных народов СССР на протяжении всей их истории, первоочередной, неотложной задачей. Без разрешения этой задачи ошибки, подобные приведённым выше, будут неизбежны при написании истории отдельных народов.

Такие вопросы, как экономические и культурные связи народов, значение Киевского государства в истории народов Восточной Европы и отчасти Средней Азии и Кавказа, роль и значение монгольского завоевания в истории отдельных народов и их борьбы против монгольских поработителей, процесс

формирования российского многонационального государства и его значение в борьбе против турок, монголов и западных завоевателей, совместная борьба различных народов России против феодально-крепостнического гнёта, влияние русской прогрессивной общественной мысли и русской культуры вообще на общественное и культурное развитие народов России, история национальной политики партии, создание Советского Союза — всё это должно найти отражение в работах советских историков в ближайшие годы.

Между тем в плане затронуты лишь некоторые из этих вопросов, преимущественно из области культурных связей. Проблема в целом не поднята.

Не поднята ещё одна большая проблема, время для постановки которой давно назрело, — проблема древней истории СССР. Несмотря на всё уважение к таким темам, как «Разложение рабовладельческого хозяйства в Италии и Африке», я думаю, что пора советским историкам как следует взяться за разработку отечественной античности — истории древних государств и цивилизаций Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии, причём не изолированно, а во взаимной связи и в связи с народами более северных районов СССР, позднее выступив-

шими на историческую арену, но также являющимися наследниками древних культурных традиций нашей страны.

Пора, наконец, понять, что древняя история нашей родины — не просто привесок к европейскому средневековью, а огромный раздел всемирной истории и база последующего развития народов нашей страны. Без знания её мы не можем многого понять в ранних этапах истории Русского государства, за спиной которого стояли не только традиции варварских племён северных лесов, но и вся многовековая история античности нашей родины. Раскрытие общности древнего культурного наследства Руси, народов Кавказа, Поволжья, Средней Азии и Сибири будет способствовать взаимной увязке историй отдельных народов нашей родины, нередко тысячелетиями связанных узами общности исторических судеб.

Между тем эта тематика отражена в плане крайне скупо (VI том раздела древней истории: «Греческое Причерноморье»). Я думаю, что, во-первых, она заслуживает гораздо большего внимания и должна быть поставлена в гораздо более широком масштабе, а во-вторых, должна найти себе законное место в разделе проблем истории СССР.

Проф. С. Толстов

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Иностранные книги по истории древнего мира:

HAWKES C. F. C. *The prehistoric foundations of Europe to the Mycenaean age*. London. Methuen. 1940. 420 p.

ГАУКС. *Европа в доисторическую эпоху до Микенского периода*.

CLARK G. *Prehistoric England*. New York. Scribner; London. Batsford. 1941. VIII+120 p.

КЛЕРК Г. *Доисторическая Англия*.

CHILDE V. G. *Prehistoric communities of the British isles*. London and Edinburgh. Chambers. 1942. XIV+274 p. XVI pl.

ЧАЙЛЬД В. *Доисторические общины на Британских островах*.

DOWNIE R. A. *James George Frazer. The portrait of a scholar*. London. Watts. 1940. IX+141 p.

ДАУНИ Р. *Джемс Джордж Фразер*.

SIEBER S. A. and Mueller F. H. *The social life of primitive man*. St. Louis—London. Herder book co. 1941. XIII+566 p. (Social studies college series. Ed. by F. Mueller).

ЗИБЕР С. и МЕЛЕР Ф. *Общественная жизнь первобытного человека*.

TURNER R. *The great cultural traditions. The foundations of civilization*. Vol. 1-2. New York—London. McGraw-Hill book co. 1941. Vol. I. The ancient cities. XVIII+601, XXIV p. Vol. 2. The classical empires. XV+602—1333 p.

ТОРНЕР Р. *Великие культурные традиции. Возникновение цивилизации. Т. 1. Древние города-государства. Т. 2. Древние империи*.

MORAN CH. *The sea of memories. The story of Mediterranean strife past and present*. New York. Scribner. 1942. X+320p.

МОРАН Ч. *Достопамятное море. История борьбы за Средиземное море в прошлом и настоящем*.

Roots of strategy. A collection of military classics. Ed. by Th. R. Phillips. Harrisburg, Pennsylvania. Military service publ. co. 1941. 448 p.

У истоков стратегии. Собрание высказываний классиков военного искусства.

MINORSKY V. *Oriental studies in the USSR*. London. Royal central asian society. 1943. 21 p. Reprint from the Journal of Royal central asian society. Vol. 30. January 1943, p. 81-101.

МИНОРСКИЙ В. *Востоковедение в СССР*.

The Tell-El-Amarna tablets. Ed. by S. A. B. Mercer. With the assistance of F. H. Hallock in the final revision of the manuscript. Vol. 1-2. Toronto. MacMillan. 1939.

Тель-амарнские таблички. Т. 1—2. Новая публикация Тель-амарнского клинописного архива. — Переписка египетских фараонов с государями Передней Азии. Публикация, дополненная по сравнению со сводом Кнудзона.

ROWE A. *The four canaanite temples of Beth-Shan. P. 1. The temples and cult objects*. Philadelphia. University of Pennsylvania press. 1940. XIII+101 p. 69l. plans.

РОУ А. *Четыре ханаанийских храма в Бет-Шане. Ч. 1. Храмы и предметы культа*.

HERZFELD E. E. *Iran in the ancient East. Archaeological studies presented in the Lowell lectures at Boston*. London—New York. Oxford university press. 1941. VIII+369 p. CXXXI pl.

ГЕРЦФЕЛЬД Е. *Иран в связи с общей историей древнего Востока. Археологические исследования*.

LANGSDORFF A. and McCOWN D. E. *Tall-i-Bakun A. Season of 1932*. Chicago, Illinois. 1942. XI+82 p. 85 pl. (The University of Chicago press. Oriental Institute publications. Vol. LIX).

ЛАНГСДОРФ А. и МАККОУ Д. Тэлл-и-Бакун А. Раскопки 1932 г. (около Персеполя).

CARLETON P. *Buried empires. The earliest civilizations of the Middle East*. London. Arnold. 1940. 290 p.

КАРЛТОН П. Погибшие государства. Древнейшие цивилизации Среднего Востока.

COUCH H. N. *Greece*. New York, Prentice-Hall, 1942. XXIX, 577 p. (Classical civilization. By H. N. Couch and R. M. Geer).

КОУЧ Г. Греция.

MICHELL H. *The economics of ancient Greece*. Cambridge. University press. 1940. XI+415 p.

МИЧЕЛ Г. Экономика древней Греции.

HILL G. *A history of Cyprus Vol. I. To the conquest by Richard Lion Heart*. Cambridge. University press. 1940. XVIII, 352 p.

ХИЛЛ Г. История Кипра. Т. I. До завоевания Ричардом Львиное Сердце.

Значительная часть книги посвящена истории Кипра в античную эпоху.

GITTLER J. B. *Social thought among the early greeks. Preface by W. F. Ogburn*. Athens. University of Georgia press. 1941. XII, 272 p.

ДЖИТЛЕР И. Социальные идеи в древнейшей Греции.

FRITZ K. *Pythagorean politics in Southern Italy. An analysis of the sources*. New York. Columbia university press. 1940. IX+113 p.

ФРИЦ К. Политика пифагорейцев в Южной Италии. Анализ источников.

ROSTOVITZ M. I. *The social and economic history of the hellenistic world*. Vol. 1-3. Oxford. Clarendon press. 1941.

РОСТОВЦЕВ М. Социальная и экономическая история эллинистического мира. Т. 1—3.

Zenon papyri. Business papers of the third century B. C. dealing with Palestine and Egypt. Ed. with introductions and notes by W. L. Westermann and E. S. Hasenoeherl. Vol. 1-2. New York. Columbia university press. 1934—1940. (Columbia papyri. Greek series. N 3, 4).

Папирусы Зенона. Деловые бумаги третьего столетия до нашей эры, касающиеся Палестины и Египта. Т. 1—2.

JONES A. H. M. *The Greek city from Alexander to Justinian*. Oxford. Clarendon press. 1940. VIII+394 p.

ДЖОНС А. Греческий полис от Александра до Юстиниана.

WALBANK F. W. *Philip V of Macedon*. Cambridge. University press. 1940. XII+387 p.

УЭЛБЕНК Ф. Филипп V Македонский.

WALLACE W. and WALLACE M. *Asklepiades of Samos*. London. Oxford university press. 1941. XV+107 p.

УЭЛЛЭС У. Асклепиад Самосский.

Van Ingen W. *Figurines from Seleucia on the Tigris. Discovered by the expeditions conducted by the University of Michigan with the cooperation of the Toledo museum of art and the Cleveland museum of art 1927-1932*. Ann Arbor. University of Michigan press. London. Millord. Oxford university press. 1939. XXI+374 p., 99 pl. (University of Michigan studies. Humanistic series. Vol. 45).

Ван ИНГЕН. Статуэтки из Селевкии на Тигре. Открытия экспедиций, проведённых Мичиганским университетом совместно с музеями искусств Толедо и Кливленда в 1927—1932 годах.

GEER R. M. *Rome*. New York. Prentice-Hall. 1941. XXIII+414 p. (Classical civilization by H. N. Couch and R. M. Geer).

ГИР Р. Рим.

An economic survey of ancient Rome. Ed. by T. Frank in collaboration with T. R. S. Broughton [and oth.]. Vol. 1-5. Baltimore. Johns Hopkins press. 1933-1940. Vol. 1. Frank T. Rome and Italy of the republik. 1933. Vol. 2. Johnson A. Ch. Roman Egypt to the reign of Diocletian. 1936 X+732 p. Vol. 3. Collingwood R. G. Roman Britain; Van Nostrand. J. J. Roman Spain; Scramuzza V. M. Roman Sicily; Grenier A. La Gaule romaine. 1937. 664 p. Vol. 4. Haywood R. M. Roman Africa; Heichelheim F. M. Roman Syria; Larsen J. U. O. Roman Greece; Broughton T. R. S. Roman Asia 1938. VI+950 p. Vol. 5. Frank T. Rome and Italy of the empire. 1940. XVI+445 p.—General index to vols. 1-5. 1940. 140 p.

Экономическая история древнего Рима. Под ред. Т. Франка. Т. 1—5+Указатель. Т. 1. Рим и Италия времён Республики. Т. 2. Римский Египет до царствования Диоклетяна. Т. 3. Римская Британия. Римская Испания. Римская Сицилия. Римская Галлия. Т. 4. Римская Африка. Римская Сирия. Римская Греция. Римская Азия. Т. 5. Рим и Италия в период империи. — Общий указатель к томам 1—5.

DIXON P. *The Iberians of Spain and their relations with the Aegean world.* London. Oxford university press. Milford. 1940. VI+159 p.

ДИКСОН П. Иберы Испании и их взаимоотношения с эгейским миром.

GOLDSCHIEDER L. *Etruscan sculpture.* New York. Oxford university press. 1941. 34 p. 129 pl.

ГОЛЬДШЕЙДЕР Л. *Этруская скульптура.*

HIGHBARGER E. L. *The gates of dreams. An archaeological examination of Vergil, Aeneid, VI, 893-899.* Baltimore. Johns Hopkins press. 1940. IX+136 p. (The Johns Hopkins university studies in archaeology, № 30).

ХЕЙГБАРГЕР Е. *Пути грёз. Энеида Виргилия (песнь VI, стих 893—899) в археологическом освещении.*

STARR CH.G. *The Roman imperial navy, 31 B. C.—A. D, 324.* New York. Cornell university press at Ithaca. 1941. XV+228 p. (Cornell studies in classical philology. Ed. by H. Caplan [and oth.]. Vol 26.)

СТАР Ч. *Военный флот Римской империи, 31 г. до нашей эры — 324 г. нашей эры.*

SCRAMUZZA V.M. *The emperor Claudius.* Cambridge. Harvard university press. 1940. X+328 p. (Harvard historical studies, published under the direction of the Department of history. Vol. 44).

СКРАМУЦЦА В. *Император Клавдий.*

DAY J. *An economic history of Athens under Roman domination.* New York. Columbia university press. 1942. X+300 p.

ДАЙ Дж. *Экономическая история Афин во времена римского господства.*

Сектор истории Фундаментальной библиотеки общественных наук АН СССР.

ХРОНИКА

Юбилейная научная сессия Ленинградского университета

Состоявшаяся 20 ноября — 8 декабря 1944 г. сессия, посвящённая 125-летию Ленинградского ордена Ленина государственного университета, была событием в научной жизни не только Ленинграда, но и всей страны. На 6 пленарных и 76 секционных заседаниях было заслушано 216 докладов, представлено же значительно больше. В работе сессии наряду с работниками университета приняли участие учёные Москвы, Казани, Саратова, Ярославля, Петрозаводска и других городов Союза, сделавшие 35 докладов. В основном же сессия явилась своего рода творческим отчётом коллектива Ленинградского университета, подытожившим его работу за годы войны, работу, не прекращавшуюся ни в период блокады города Ленина, ни в сложных условиях эвакуации университета.

Для читателей «Исторического журнала», естественно, наибольший интерес представляют доклады исторического содержания. Здесь нужно выделить доклады двух крупнейших историков Советского Союза — академиков Б. Д. Грекова и Е. В. Тарле. Первый познакомил аудиторию с итогами своих исследований по истории Червонной Руси. Охарактеризовав высокий уровень культурного и социально-экономического развития, достигнутый этой страной в XII—XIII вв., докладчик убедительно доказал неосновательность мнения об упадке Червонной Руси в результате татарского нашествия. Вместе с тем, анализируя правовые документы Прикарпатской Руси, Б. Д. Греков показал влияние русских правовых норм на общественные отношения в Червонной Руси.

Акад. Е. В. Тарле посвятил своё выступление основным принципам внешней политики Екатерины II. Охарактеризовав с присущим ему мастерством эту политическую деятельницу, докладчик по-новому поставил вопрос о роли Екатерины в разрешении ряда внешнеполитических проблем и вскрыл причины выдающихся успехов русской дипломатии во второй половине XVIII века.

Большой и сложный по содержанию доклад проф. В. В. Мавродиной «Начальный этап в истории русского народа и государства» синтезирует материал, накопленный за последние годы советскими историками, археологами и лингвистами. Славяне, доказывает автор, являются автохтонным населением Европы, прошедшим в своём развитии до IV—V вв. н. э. три этапа: формирование славян из аморфной массы палеоевропейских племён (скифский период), созда-

ние культуры «полей погребальных урн» (римская эпоха), расселение славян. В это время выступают анты, создатели высокой культуры в Среднем Приднепровье, являющиеся колыбелью русской культуры. После временного упадка Среднего Приднепровья в VII—VIII вв. в результате набегов кочевников и передвижения антов на югозапад начинается интенсивный процесс разложения первобытно-общинного строя и зарождения феодализма (VIII—X вв.). На основе древней, догосударственной этнической и культурной общности складывается единство восточного славянства от Карпат до Оки, единство, окрепшее в период Киевского государства, образование которого было делом русской народности, но отнюдь не варягов-норманнов.

К этому же кругу вопросов примыкает доклад проф. В. И. Равдоникаса «Древнейшая Ладога», проливающий свет на мало изученный вопрос о происхождении и развитии древнерусского города. На основании данных раскопок в Старой Ладоге, производившихся в 1936—1940 гг. студентами Ленинградского государственного университета под руководством докладчика, полностью опровергается установившееся в науке представление о Ладоге как «финском» поселении, а затем «норманской колонии». Культурные остатки нижних горизонтов на городище показывают, что Ладога уже в VII—VIII вв. была славянским поселением, превратившимся в IX в. в древнерусский город, в северный форпост славянства у скрещения важных путей на восток и запад. Анализ культурных остатков и характера раскрытых строений более поздних горизонтов позволил докладчику обрисовать также экономическую жизнь Ладоги в IX—X веках.

Проблемам русской истории в новое время были посвящены, помимо уже упомянутого доклада Е. В. Тарле, выступления проф. С. Б. Окуня — «Кутузов и война 1813 г.», доц. Н. Г. Сладкевича — «Общественное движение России в начале 60-х годов XIX в. и Петербургский университет»; сюда же нужно отнести историко-культурные темы проф. В. М. Штейна — «Основная линия развития русской экономической мысли» и проф. И. И. Иоффе — «Регин и русский реализм».

С. Б. Окунь, изучая вопрос о войне с Наполеоном после его изгнания из России, попытался в своём интересном докладе доказать, вопреки установившемуся взгляду,

что Кутузов, великий русский полководец и дипломат, относился положительно к перенесению военных действий за пределы русской территории. Разногласия между Кутузовым и Александром I в конце 1812 г., по мнению докладчика, относились не к вопросу о переходе границы, а к стратегическому плану ведения войны в Западной Европе. Кутузов избегал «огульного» движения вперед и решения военных задач с помощью одного генерального сражения; его стратегия предполагала использование партизанских методов и учитывала в военном плане дипломатические вопросы. Отклонение от стратегии Кутузова после смерти полководца привело к неудачам при Люцене и Бауцене. Выводы проф. Окуня вызвали, впрочем, известные сомнения.

Доц. Сладкевич дал подробную характеристику студенческих волнений в Петербурге осенью 1861 г., явившихся сигналом к демонстрациям в других русских университетах и положивших, таким образом, начало студенческому движению в пореформенную эпоху. Докладчик на основании собранных им данных говорит о повышении роли Петербургского университета как одного из прогрессивных центров страны и даже выдвигает положение, что радикальные слои студенчества этого университета шли в авангарде движения русской демократической интеллигенции 60-х годов. Оппоненты Сладкевича высказали мнение, что его выводы нуждаются в известных ограничениях.

В докладе проф. В. М. Штейна показано, что самобытная экономическая мысль возникает в России в атмосфере острой классово-вой борьбы, в период подготовки к крестьянской реформе. Самостоятельная экономическая мысль появилась первоначально в виде «мужицкой политической экономии», первым шагом которой было учение о сельской общине как прообразе социалистического устройства. Венцом её развития является «политическая экономия трудящихся» Чернышевского. При всей своей ошибочности теория «крестьянского социализма» сыграла положительную роль, впервые поставив вопрос о революционных возможностях крестьянства. Чернышевский, до некоторой степени предвзято Маркса, считал, что переход к социализму непосредственно от общины может совершиться только при помощи передового государства, где социализм явится плодом закономерного развития внутренних экономических отношений. Но только Плеханов перешёл с позиций «мужицкой политической экономии» к идеологии революционного пролетариата. Однако он сделал теоретические ошибки, сводившиеся к недооценке удельного веса и революционной роли крестьянства в русской общественной жизни. Великая историческая заслуга Ленина и Сталина заключается в том, что они восстановили порванную Плехановым связь с наследством просветителей, подчеркнули особенности развития русских аграрных отношений и разработали учение о крестьянстве как союзнике пролетариата в революционной борьбе.

Проф. Иоффе, полемизируя с существующими представлениями о возникновении и развитии реализма в России 60-х годов XIX в., доказывает, что русский реализм явился закономерной стадией истории общественного мышления и искусства, стадией демократического, гуманистического мышления. Особенности демократического развития в России дали русскому реализму революционную силу и размах, которые выдвинули его на первое место в мировом искусстве. Русский реализм решил основную задачу реалистического искусства: соотношение быта и истории; в изображение быта вошли большие социально-политические явления (крепостничество, церковь, просвещение, война и пр.). Творчество Репина — наиболее яркий синтез исторического и бытового. Репин поднял бытовую картину до высоты исторического обобщения.

Современная история СССР была представлена на сессии одним докладом: «Сталинградская битва» — проф. Н. А. Корнатовского. В этом докладе, основанном на ряде новых источников, сделана попытка научно обобщить опыт великой битвы за Сталинград. Автор прослеживает этап за этапом развитие этого гигантского сражения, знаменующего собой закат немецко-фашистской армии и триумф сталинской стратегии. Спорным в докладе явилась попытка проф. Корнатовского оценить значение сталинградского сражения посредством сопоставления с масштабами последующих наступательных операций Красной Армии.

На сессии преобладала русская историческая тематика, о чём красноречиво свидетельствует то обстоятельство, что даже «западники» по специальности связали темы своих работ с историей СССР. Проф. О. Л. Вайнштейн посвятил своё выступление выяснению роли России в Тридцатилетней войне, проф. Н. И. Полетика — политике Бисмарка в вопросе о русско-германских отношениях, проф. А. И. Молок — Чернышевскому как историку Франции.

Проф. Вайнштейн, используя наряду с русскими источниками многочисленные данные западноевропейских источников, ранее не привлекавшихся для этой цели, показал активную роль правительства царя Михаила Фёдоровича в ходе большой европейской войны, выяснив при этом масштабы и значение дипломатических, экономических и военных усилий России в помощи странам антигабсбургской коалиции. Автор особенно подчеркнул значение поставок хлеба и стратегического сырья (селитра и пр.) союзникам, а также характер смоленской войны 1632—1634 гг. как части общего стратегического плана Густава-Адольфа. После заключения Поляновского мира с Польшей Россия не принимала участия в европейском конфликте (поэтому её представители не были привлечены к работам Вестфальского конгресса), что не помешало ей, однако, извлечь для себя выгоды из международной обстановки, созданной в результате Тридцатилетней войны.

Н. И. Полетика стремился показать в своём содержательном докладе, что традиционное освещение важнейшей проблемы внешней политики Бисмарка в 1871—1890 гг. — проблемы *Grosse Option*, т. е. союза с Англией против России или с Россией против Англии, является неверным. Бисмарк вовсе не решил эту проблему в пользу союза с Россией. Русско-германские союзные отношения были для германского канцлера только ширмой, под прикрытием которой он готовил войну против России. Однако планы Бисмарка были сорваны отказом Англии от совместного с Германией выступления против России.

Проф. А. И. Молок, анализируя исторические труды Чернышевского, показал, что истории современной ему революционной Франции принадлежит в этих трудах первое место. Признавая в ряде случаев правильное понимание Чернышевским классовой борьбы как движущей силы событий, докладчик, однако, подчеркнул незрелость представлений Чернышевского в этой области по сравнению с классическими работами Маркса по истории Франции. Но в своё время работы Чернышевского, в которых он выступает как убеждённый демократ, горячий сторонник прогрессивных движений и ярый враг реакции, сыграли огромную роль в воспитании русской демократической интеллигенции.

Доклад проф. М. А. Гуковского «Из истории военного профессионализма в эпоху Возрождения» перенёс нас целиком на почву Запада. Автор рассматривает турнир, джостру, армеджаре как различные виды воинских упражнений, характерные для разных этапов феодальной военной техники. С конца XIV в. и в течение XV в. с отмиранием военной системы феодализма эти воинские упражнения превращаются в спортивную игру, а ещё позднее — в театральные зрелища развлекательного характера.

История античных Греции и Рима была представлена докладами профессоров С. Я. Лурье и С. И. Ковалёва. Первый из них в докладе «Архимед и его эпоха» убедительно показал, что Архимед был не отвлечённым кабинетным учёным, как его обычно изображают, а политическим борцом, применявшим на практике свои теоретические познания в механике. Быть может, несколько форсируя свои источники, проф. Лурье утверждает даже, что практическая механика была в течение всей жизни Архимеда в центре его научных интересов. Попутно докладчик в своём интересном сообщении опроверг римскую легенду об обстоятельствах гибели великого учёного древности.

Проф. Ковалёв в докладе «Происхождение патрициев и плебеев» начал с попытки классифицировать многочисленные научные теории, возникшие вокруг этой сложнейшей проблемы римской истории, дал характеристику различных версий предания и пришёл к выводу, что единственно правильной является комплексная теория, которая будет учитывать все варианты традиции и опираться на все виды источников. С точки зрения этой теории, патриция первоначально

представляли совокупность латино-сабинских родов, живших по отцовскому праву, объединённых в общину и являвшихся, таким образом, древнейшими римскими гражданами. Клиенты являлись экономически и социально деградировавшими элементами тех же родов. Плебеи в массе своей — иностранцы, появившиеся в Риме в результате военного подчинения соседних общин, причём большинство их этнически принадлежало к этрускам. Лишь постепенно они сливались с остальным населением (главным образом с клиентами).

Основные положения доклада были единодушно поддержаны всеми оппонентами проф. Ковалёва.

История Востока — древнего, средневекового и нового — также получила отражение в работах исторической и востоковедческой секций. Акад. В. В. Струве подверг пересмотру вопрос о взаимодействии культур Египта и Вавилонии и пришёл к выводу о большей действенности материальной и духовной культуры древнего Египта в истории человечества, чем это принималось до настоящего времени. Характеризуя египетскую культуру эпохи Среднего царства, докладчик подчеркнул, что все её проявления — государственная организация и армия, архитектура и живопись, письмо, литература и наука — послужили образцами или оказали влияние на развитие вавилонской культуры со времени Хаммурапи.

Проф. Н. В. Пигулевская посвятила свой доклад не новой, но очень важной проблеме взаимоотношений Византии и Востока. Византия в своей внешней политике ориентировалась на Восток, откуда для неё последовательно исходила угроза от Ирана, арабского халифата, сельджуков и османских турок; она имела также тесные дипломатические и торговые связи с Йеменом, Нубией, Индией, Средней Азией, Китаем. На восточных языках написаны важные документы по истории Византии; византийское законодательство должно быть сопоставлено с юридическими памятниками Востока. Художественная литература Византии и арабов развивалась в тесной взаимной связи. Христианизация Востока, как и славян, была одним из политических расчётов Византии. Таковы основные положения доклада, который больше ставит вопросов, чем разрешает их. Однако нельзя не согласиться с общим выводом проф. Пигулевской, что «Византия должна по праву занимать центральное место в истории средневековья, где она является востоком для латинского запада и западом для Ближнего и Дальнего Востока».

Наконец история Востока в новое время затронута темой доц. Г. Ф. Ефимова «Германский империализм и антиимпериалистическое восстание в Китае 1899—1901 годов». Докладчик показал специфическую роль германской дипломатии и военщины в китайских событиях, которые Германия стремилась использовать для расширения зоны своего влияния и завязывания новых узлов межимпериалистических противоречий на Дальнем Востоке.

Особое место в работе исторической секции должен был занять обзорный доклад проф. С. Н. Валка «Развитие исторической науки в Петербургском — Ленинградском университете». Однако ввиду болезни докладчика эта тема была заменена другой. Советская научная общественность будет иметь возможность ознакомиться с содержанием доклада проф. Валка в напечатанном виде.

В настоящем кратком обзоре не отражены доклады филологов, искусствоведов, юристов, философов и экономистов, многие из которых представляют интерес и для историков. Таковы, например, доклад проф. И. П. Ерёмкина «Борьба за национальную независимость в украинской литературе XVI—XVII вв.», посвящённый главным образом Ивану Вишенскому, доклад акад. Н. С. Державина «Славянская филология в Петербургско-Ленинградском университете», доклад проф. И. Яковкина «Русская юридическая мысль и мировая наука», доклады проф. М. В. Серебрякова «Первая встреча Маркса и Энгельса», «Вторая встреча Маркса и Энгельса», доц. Е. Е. Гиммельштейн «Идея развития в «Философии истории» Гегеля», проф. И. М. Тронского «Стадиальное единство античной литературы», проф. Ю. П. Францева «Истоки свободомыслия на древнем Востоке» и многие другие. Я лишён возможности не только изложить содержание, но даже перечислить представленные на сессию работы, касающиеся истории отдельных отраслей русской науки, в частности её развития в стенах Ленинградского университета. Но и предложенный вниманию читателя материал даёт представление о богатом разнообразии исторической тематики на юбилейной сессии, равно как и об активной исследовательской работе ленинградских историков. Оценку же качества их продукции я оставляю до того времени, когда выйдет в свет подготовляемый к печати сборник трудов сессии.

В заключение необходимо отметить, что к началу сессии было приурочено открытие обширной выставки, раскрывающей развитие научной мысли и историю Ленинградского университета за 125 лет его существования. Эта выставка, организованная под руководством автора этих строк, имеет около 20 отделов, в пределах которых размещено свыше 4 тыс. книг, созданных учёными университета, и до 6 тыс. других экспонатов. В Петровском зале, где нашёл себе место отдел предистории Петербургского университета, в трёхсотметровом коридоре главного здания и помещениях, примыкающих к актовому залу, размещены первоклассные документальные материалы, дающие наглядное представление о мировом значении научных школ и направлений, выросших в стенах университета, о развитии в нём студенческого движения в дореволюционные годы, о знаменитых питомцах университета, о научной работе его коллектива в период Великой отечественной войны и т. д.

Материалы, собранные для юбилейной выставки, должны быть положены в основу Музея истории Ленинградского университета, организация которого намечена в нынешнем году.

Вряд ли можно переоценить огромное воспитательное значение, особенно для учащейся молодёжи, мероприятий, подобных организованной университетом сессии и сопровождавшей её выставке. Вряд ли можно указать лучший путь привить этой молодёжи интерес к научной работе, любовь к высшему учебному заведению, где она получает знания, привить чувство гордости за его славные традиции и стремление собственной работой умножить получаемые культурные ценности.

Проф. О. Вайнштейн

О работе исторического факультета Калининского государственного педагогического института с 1 октября 1943 года по 1 января 1945 года

Попавший в 1941 г. в руки немецких захватчиков город Калинин ныне быстро возрождается к культурной жизни. Вместе с городом крепнет и Государственный педагогический институт имени М. И. Калинина, в частности его исторический факультет. Институту удалось спасти свою библиотеку и научные коллекции; постепенно вернулись и его профессорско-преподавательские кадры. Это дало возможность институту возобновить свою педагогическую и научно-исследовательскую деятельность.

Итоги научно-исследовательской работы исторического факультета выносились на открытые заседания кафедр. Интенсивно изучалась история края. Особенно много для изучения края сделал проф. А. Н. Вершинский, безвременно скончавшийся в августе 1944 года. Им были прочитаны следующие доклады: «Водяные и ветряные мельницы в XVIII—XIX вв.», «О работе по хронике и библиографии истории Отечественной войны 1941 г.».

Кроме того за это время на открытых за-

седаниях кафедр были заслушаны доклады на темы: «Строительные организации в древнем Риме» (проф. А. С. Башкиров), «Города-крепости древней Греции» (его же), «Художественные академии в Париже при последних Валуа» (проф. Н. И. Радциг), «Столетняя война» (его же), «Методическое пособие для учителей по истории первобытного общества и древнего Востока» (доц. В. Н. Тарасов) и другие.

27—28 ноября 1944 г. исторический факультет провёл научную сессию, посвящённую истории славян. На сессии были заслушаны следующие доклады: проф. А. П. Смирнова «Славяне лесной полосы Восточной Европы», проф. А. С. Башкирова «Славяне и Византия», доц. М. А. Розум «Основные этапы Холмщины», ассист. З. Г. Карпенко «Работы Вершинского по изучению кризисов».

21 июня 1944 г. в МГУ проф. Н. И. Радциг защитил докторскую диссертацию на тему «Школа в Женеве в XVI в. при Кальвине».

Надо также отметить вовлечение студенчества в научно-исследовательскую работу. При историческом факультете активно работает студенческий кружок, в котором были заслушаны следующие доклады: Малиновского «Афинский акрополь», Григорьевой «Мифология древних греков в скульптуре», Томашевской «Валленштейн», Бодуновой «Национальная героиня Франции — Жанна д'Арк». Исторический факультет ведёт стенной бюллетень аннотаций новинок по истории.

Проф. Н. Радциг

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

О КРЫМСКОЙ ВОЙНЕ

В № 12 «Исторического журнала» за 1944 г. появилась большая, очень обстоятельная и содержательная рецензия проф. Дружинина на II т. моего исследования о Крымской войне.

Меньше всего автору может придти желание полемизировать против таких серьезных и лестных отчетов, как эта рецензия, и если мне всё же хочется внести кое-какие уточнения, то я повинуюсь следующему соображению. Обоим издательствам, выпустившим в свет мою книгу (Военмориздат и издательство Академии наук), не удалось обеспечить получение этой книги всеми теми, кто желал её прочесть, и я вполне убеждён, что 99% читателей «Исторического журнала» узнают не только о содержании, но, быть может, и о самом факте существования моей работы исключительно из рецензии тов. Дружинина. Поэтому мне и кажется полезным сказать несколько слов о тех пунктах, относительно которых я не могу согласиться с автором отзыва.

1. Проф. Дружинин находит, что я недостаточно говорю об общественных настроениях в России в период Крымской кампании. Не могу принять этого упрека: я цитирую и изданные и неизданные суждения славянофилов (в том числе некоторые абсолютно никем до меня не затронутые), привожу и мнения Грановского, Тургенева, С. М. Соловьёва, Пирогова, Льва Толстого, мнения, высказанные в период войны. Это, очевидно, ускользнуло от внимания рецензента. Что касается Добролюбова и Чернышевского, то мне и незачем было их касаться, ибо их высказывания уже выходят за хронологические рамки моей работы, посвящённой дипломатии и войне в 1853—1856 годах. О Добролюбове и Чернышевском и об очень многих других мне придётся сказать немало, если удастся осуществить намерение (о котором я говорю в своей книге) написать работу по истории русской и европейской дипломатии 1856—1863 годов. А в этих двух томах говорить о всех последствиях Крымской войны было бы совершенно неуместно, да и невозможно: предмет слишком огромен.

2. Рецензент находит, что, приведя полемику между специалистами по вопросу о полезности или губительности потопления части флота перед Севастополем, я воздерживаюсь от окончательного приговора по этому предмету. Сам проф. Дружинин решает вопрос в пользу полезности потопления. Но ведь эта полемика между большими

специалистами, адмиралами и военно-морскими техниками и крупными тактиками морского боя длится вот уже девяносто лет и никак не может закончиться. А началась полемика ещё со времён Корнилова и Нахимова, которые были в отчаянии от приказа Меншикова, и Нахимов своей волей и вопреки приказу сберёг часть флота и прекрасно его использовал во время войны, чему я привожу доказательства. Как же можно решать сплеча, вполне категорически вопрос, по которому существует и на Западе и в России целая строго специальная и притворчиво судящая литература? Увы! При совсем скромных размерах нашего с Дружининым авторитета в области военно-морского судостроения и тактики обороны побережий наш «окончательный» вердикт никак не убедит читателя. Оттого я и воздержался от столь властного личного вмешательства в ярые споры адмиралов и военно-морских теоретиков. И напрасно рецензент не последовал моему примеру.

3. Проф. Дружинин находит, что я недооценил значение мин в морской войне и не сказал о «повреждениях, причинённых минами английскому флоту». Нет, никаких повреждений ни английскому, ни французскому флоту русские мины не причинили, и я привожу убедительные документы, доказывающие, что они и не могли таких повреждений причинить, и у нас опыты с минами были тогда ещё не удачны. Это и есть одно из многочисленных доказательств технической отсталости, до которой довёл Россию николаевский режим и которая является аксиомой для историка. Точно так же и подземную минную проводку в Севастополе не я «недооцениваю», а рецензент сильно переоценивает. И Тотлебен признаёт тоже, что не только подземные мины вообще «сорвали планы противника по подготовке штурма», но именно та главная мина, которая должна была взорвать французов при их нападении на Малахов курган, к сожалению, вовсе не была ещё готова к роковому дню последнего штурма! А о героической, тяжкой и опасной подземной работе русских сапёров и землекопоз я не только говорю, но и привожу подлинный, мною впервые найденный архивный документ, прослеживающий эту работу час за часом.

4. Рецензент несогласен со мной, что союзные главнокомандующие совершили ошибку, не напав на Севастополь с северной стороны тотчас после Альмы. В этом он безусловно заблуждается! Не только в с е рус-

ские генералы и адмиралы без единого исключения всегда утверждали, что эта грубая ошибка неприятеля спасла Севастополь в сентябре 1854 г., но и вражеское командование уже очень скоро это признало, и когда после войны Тотлебен категорически сказал Канроберу об этой англо-французской ошибке, то Канробер уже и сам понял её очень хорошо ещё до того. А Нахимов (как я и указываю в книге) с ликованием твердил, что непременно после войны возьмёт специально отпуск, чтобы съездить в Париж и «сказать дурака» французскому главнокомандующему. Об этой беспорной и счастливейшей для русских ошибке никогда и споров не поднималось в военной литературе. «Если б я это знал, я бы повесил Сент-Арно!» — воскликнул Наполеон III, говоря с князем Долгоруковым (уже после войны) об этой ошибке французского и английского командования. Ведь великий подвиг Тотлебена, его сапёров и землекопов в том и заключается, что они успели этой ошибкой вполне воспользоваться и с лихорадочной быстротой блистательно укрепили незащищённый с севера город.

5. Наконец, об одном из моих выводов, формулированных в словах «Великий колосс выдержал страшные удары в 1854—1855 гг. и не только не пал, но и не пошатнулся», рецензент пишет, что «если под «великим колоссом» понимать николаевскую империю, то это утверждение неверно».

Но мне и в голову не могло придти подобное «понимание»! Ведь обі мой тома — сплошной обвинительный акт против гниющего, мертвящего режима николаевщины, упорно сводившей к нулю все героические усилия защитников Севастополя! Конечно, под «великим колоссом» я понимал великий русский народ, и даже самая формулировка была навеяна приводимой мною в главе о падении Севастополя цита-

той из Некрасова о «народе-герое», который «не шатнулся до конца». Но считаю, во всяком случае, уместным отметить, что раз формулировка способна порождать недоразумения, значит, её должно уточнить, и ещё месяца за два до появления рецензии проф. Дружинина я это сделал: в полностью отпечатанном в ноябре, но ещё не вышедшем в свет II т. моей книги (издательство Академии наук) я заменил слова «великий колосс» словами «великий русский народ», потому что и в устных беседах читатели спрашивали у меня разъяснений.

По существу же, одним из выводов, которыми я больше всего дорожу, и является опровержение того шаблона, который так распространён в западноевропейской литературе и который нелепо преувеличивает размеры русского поражения. Не говоря уже о злобном и наглom прусско-саксонском шовинисте Трейчке, не говоря о мерзостной ругани и злорадных издевательствах по адресу русского народа в нынешней немецкой псевдонаучной литературе (по поводу Крымской войны), вспомним, что и в писаниях, например, таких далёких созерцателей русских исторических событий, как американский дипломат статсекретарь в кабинете Вильсона Лансинг, мы находим (в его воспоминаниях) выходки о моральной слабости русского народа в годы Крымской войны. Моя книга теперь переводится в Америке, и, когда она выйдет в свет, мне хочется послать скорому на умозаклучения господину Лансингу экземпляр...

Вот и всё, что я хотел прибавить для читателя «Исторического журнала» в дополнение к рецензии проф. Дружинина, так отчётливо и вдумчиво уловившего основные моменты в содержании II т. моего исследования.

Акад. Е. Тарле

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Выступление акад. Е. В. Тарле с опровержением моих замечаний на его книгу дают и мне основание ещё раз взять себе слово, чтобы развить и уточнить высказанные мною мнения.

1. Начну с подводной минной войны — с вопроса, в котором у акад. Е. В. Тарле не достигнуто полной ясности. Если читатель развернёт 412—413 стр. II т. «Крымской войны», то он встретит два несогласованных между собой утверждения: на стр. 412, ссылаясь на рапорт адмирала Литке, автор устанавливает полную непригодность подготовленных русских мин, а на 413 стр., ссылаясь на донесения французского адмирала Пэно, он сообщает о повреждениях, причинённых кронштадтскими минами французскому флоту. Теперь (в письме в редакцию) акад. Тарле уже категорически утверждает: «Нет, никаких повреждений ни английскому, ни французскому флоту русские мины не причинили... Они и не могли таких повреждений причинить, и у нас опы-

ты с минами были ещё не удачны». Так ли это?

Если мы обратимся к специальным военно-историческим исследованиям по данному вопросу, то окажется, что акад. Тарле допускает явную ошибку. Опыты с подводными минами начались в России с 1831 г., причём впервые, независимо и раньше, чем в Западной Европе, у нас был найден наиболее эффективный способ воспламенения подводных мин с помощью гальванического тока. Опыты продолжались в 40-х годах и были вполне удачны. По данным авторитетного специалиста М. Борескова, во время Крымской кампании подводные мины изготовлялись не только акад. Якоби, но и целым рядом русских военных инженеров — Сергеевым, Зацепиным, Боресковым и т. д. Мины были заложены около Кронштадта, Ровеля, Дюнамюнде, Свеаборга, Керчи, на устьях Днепра, Днестра и Дуная. Хотя величина зарядов была невелика, погружённые мины произвели определённое действие. «Этим

минами, — сообщает М. Боресков, — были повреждены английские пароходы «Merlin», «Ferefly», «Вумчур» и «Бульдог». Последний получил весьма значительные повреждения, и вообще все эти пароходы были отправлены в доки для исправления и более не принимали участия в военных действиях». У того же Борескова можно прочесть рассказ английского морского офицера, пережившего взрыв на корабле «Merlin», и узнать о высокой оценке русских мин, сделанной английским генералом DeLafield¹.

Историческая роль русской подводной войны 1854—1855 гг. точно определена другим крупным специалистом по минному делу — В. Калугиным: «Россия в Крымскую кампанию первая даёт пример обширных и систематичных минных заграждений и обнаруживает их истинное значение»². В числе основных причин, парализовавших действия союзников на Балтике, полковник Б. А. Мошнин прямо указывает на русские мины и минные заграждения³.

Бесспорно, николаевский режим довёл страну до крайней технической отсталости, но отсюда вовсе не следует, что историк имеет право усматривать отсталость даже там, где, наоборот, были смелые искания и успешные результаты. И тогда, вопреки действовавшей системе, из среды русского народа выдвигались инициативные и талантливые люди, которые стремились преодолеть господствующую рутину и обеспечить реализацию своим изобретениям. На общем фоне военно-технической отсталости дореформенной России ярко выделяются и противоположные явления, без которых не могла бы развернуться упорная борьба на Чёрном и на Балтийском морях: замечательные фортификационные формы, созданные при обороне Севастополя, бомбические орудия системы Пексано, которые способствовали синопской победе, и гальванические мины, впервые изобретённые и применённые нами в подводной войне. Царизму никогда не удавалось задавить творческие силы русского народа.

2. То же самое можно сказать о подземной минной войне, которой акад. Тарле касается в своей книге вскользь — менее чем на трёх страницах (314—317). Читатель ничего не сможет узнать из II т. «Крымской войны» — ни о задачах, ни о методах, ни о тактических результатах этой напряжённой подземной борьбы, о которой в своё время

¹ Боресков М. «Руководство по минному искусству в применении его к подводным минам и гидротехническим работам», стр. 12—15. СПб. 1876; Гаврилов П. «Подводные мины», стр. 8—10, 48. СПб. 1899; «Минное дело во флоте». «Военная энциклопедия», под ред. генерал-лейтенанта К. И. Величко и др. Т. XV, стр. 311.

² Калугин Б. «Оборона берегов подводными минами». Ч. 1-я, стр. 3. СПб. 1887.

³ Мошнин В. «Оборона побережья», стр. 311. СПб. 1901. Мошнин подтверждает сильные повреждения, нанесённые четырём английским судам русскими подводными минами.

так восторженно отзывались иностранные и русские специалисты. Отрывочные сообщения царю великого князя Михаила и реляция генерал-майора Семякина, приводимые в тексте книги, не могут восполнить недостающего анализа и оценки деятельности русских минёров. Акад. Тарле ограничивается попутным указанием, что эта подземная работа была опасна и поглощала немало сил, но, по его мнению, она не сыграла решающей роли в истории севастопольской осады. Акад. Тарле утверждает, что я сильно переоцениваю всю эту «подземную минную проводку в Севастополе». Верно ли это?..

Если мы разберёмся в богатом фактическом материале, который собран под руководством Тотлебена в большом коллективном труде «Описание обороны г. Севастополя», и особенно в специальной сводке инженер-полковника Фролова⁴, то перед нами раскроется такой ход событий. Соорудив против Севастополя земляные укрепления и установив свои батареи, союзники начали подготовку будущего штурма непрерывной артиллерийской канонадой. Неприятель наступал сначала на Городскую сторону, занимавшую правый фланг крепости, и сосредоточил главный огонь на 4-м бастионе, считая его ключом всей позиции. Героический отпор, оказанный бастионом, остановил наземное продвижение противника. Тогда он поставил своей задачей взорвать бастион или, по крайней мере, произвести взрывы на ближайших подступах к укреплению, чтобы внести дезорганизацию в оборону и тем самым облегчить проведение штурма. Тотлебен разгадал этот замысел и незаметно для неприятеля повёл под землёй контрминное наступление. Несмотря на отсутствие нужных приборов и хороших вентиляторов, приливы воды и земляные обвалы русские сапёры после упорной двухмесячной работы достигли неприятельских галерей и произвели в них неожиданный сильнейший взрыв. Эта блестящая операция дезорганизовала, но не остановила минные работы противника. В течение следующих месяцев шло непрерывное подземное состязание между атакующим и обороняющимся. Противник прилагал все усилия, чтобы приблизиться к 4-му бастиону путём постройки новых колодцев, производства взрывов и захвата образовавшихся воронок, но всюду наталкивался на разветвлённую и энергично действовавшую контрминную систему севастопольцев. В ап-

⁴ Описание обороны г. Севастополя. Составлено под руководством ген.-адъют. Тотлебена. Ч. 1-я, особенно стр. 556—560; ч. II, отд. I, стр. 125, 134—138, 195, 196; отд. II, стр. 16—17, 43—44, 152—154. СПб. 1863; «Минная война в Севастополе в 1853—1855 гг.» под руководством Г. А. Тотлебена составил инженер-полковник Фролов; ср. Записки начальника штаба севастопольского гарнизона кн. В. И. Васильчикова. «Русский архив» № 6 за 1891 г., стр. 218—219; современная сводка дана у майора А. Н. Лаговского. Оборона Севастополя, стр. 103—103, 124—127. М. 1939.

феле 1855 г. союзники начали усиленную бомбардировку, надеясь завершить её штурмом, а штурм облегчить подземными взрывами, но, встретив комбинированный отпор 4-го бастиона и на земле и под землёю, вынуждены были отказаться от своего плана. К концу осады французы оказались не далее той подземной позиции, на какой их застал первый удавшийся русский камуфлет.

По заключению инженер-полковника Фролова, принятому и Тотлебенем, «упорное сопротивление контрмин 4-го бастиона имело весьма важные последствия. Нравственное влияние, произведённое им на французов, было одной из главных причин, почему французы не решились штурмовать это укрепление, к которому подступы их ещё в октябре месяце были подведены на расстояние 65 сажен». Фролов, а с ним и Тотлебен считают, что «контрмины 4-го бастиона способствовали продлению осады по меньшей мере на 5 месяцев»¹.

Союзники предпочли перенести главный удар на Корабельную сторону, занимавшую левый фланг крепости, особенно на Малахов курган, являвшийся ключом всей позиции. Тотлебен и здесь вовремя разгадал замысел противника; используя опыт подземной борьбы у 4-го бастиона, он разработал план контрминной войны на новом угрожаемом участке. К несчастью, ранение Тотлебена и бюрократическая волокита штаба помешали выполнению плана 27 августа 1855 года. Малахов курган был захвачен французами. Однако это событие, предопределившее падение Севастополя, не перечёркивает значения предшествовавшей подземной войны. Изучая опыт севастопольской обороны, военные специалисты извлекли из него важные уроки — они установили не только грандиозный размах минных работ, но и крупные преимущества русского минного искусства: наши минёры взрывали заряды не огнепроводным шнуром, как союзники, а гальваническим током, необычайно повышавшим эффективность взрыва; кроме того русские минёры держались энергичной наступательной тактики, не только останавливая, но отодвигая назад подземные работы атакующего. Вот какую оценку дал этим операциям современный крупный специалист проф. В. В. Яковлев: «Минные работы, ведённые русскими под Севастополем, по своей обширности и глубиной продуманности послужили во всех отношениях образцом такого рода работ на довольно далёкое будущее. Это было признано не только своими русскими истори-

ками, но и иностранными»². По мнению английского автора, участвовавшего в севастопольской осаде и писавшего о ней на страницах «Times», русская минная система значительно превосходила английскую и французскую. По его словам, русские подземные работы представляли «самое изумительное и самое чудесное зрелище искусства и науки, соединённых с самою непреклонною силою воли и самым неутомимым трудолюбием»³. Опыт севастопольской минной войны, собранный и обобщённый Фроловым, тогда не был положен в основу «Наставления для сапёрных батальонов по минным работам и минной войне» и был заимствован Австрией при составлении аналогичной инструкции для обучения инженерных войск. Можно ли после этого согласиться с акад. Тарле, что он правильно оценил «подземную минную проводку в Севастополе»?

3. Перехожу к спорному вопросу об отказе союзников штурмовать Севастополь после битвы на Альме. По словам акад. Тарле, «все русские генералы и адмиралы всегда утверждали, что эта грубая ошибка неприятеля спасла Севастополь в сентябре 1854 г... Об этой бесспорной и счастливейшей для русских ошибке никогда и споров не поднималось в военной литературе». Такое категорическое утверждение не соответствует действительности. Русский генерал академик Н. Ф. Дубровин в своих солидных трудах о Крымской войне специально поставил вопросы: «Должны ли были союзники атаковать северную часть города или не должны? Могли ли они овладеть ею или не могли?» Сделав детальный анализ создавшегося положения, генерал Дубровин пришёл к выводу, что несмотря на крайнюю слабость северных укреплений союзное командование вынесло вполне правильное решение: «При таких условиях благоразумие требовало отказаться от штурма и для самостоятельности действий прежде всего обеспечить свой тыл и примкнуть к такому месту, которое было бы недоступно для обхода русских войск. Итак, движение на юг было необходимо для союзников»⁴. Аналогичное мнение мы находим в иностранной военно-исторической литературе. Если мы раскроем известную «Историю военного искусства» Ганса Дельбрюка, то прочтём там разбор сложившейся ситуации, который заканчивается следующими выводами: «Опасения Корнилова и Тотлебена относительно внезапного нападения едва ли были обоснованы... если бы даже союзники знали об ожидавших их в будущем жертвах и страданиях, то и тогда им не следо-

¹ Фролов, стр. 156—157. Один из главных участников обороны, генерал А. П. Хрущов, несмотря на свою суровую критику фортификационной системы Тотлебена согласен, что перед 4-м бастионом «успехи французов были остановлены нашими минёрами энергическим ведением подземной войны». «История обороны Севастополя. Записки генерал-адъютанта А. П. Хрущова», стр. 91. СПб. 1889.

² Яковлев В., дивизионный инженер, заслуженный деятель науки и техники, проф. «Краткий очерк истории подземной минной войны», стр. 41. М. 1938.

³ Там же.

⁴ Дубровин Н. «Восточная война 1853—1856 гг.», стр. 143—146. СПб. 1878; его же «История Крымской войны и обороны Севастополя». Т. I, стр. 325—332. СПб. 1900.

вало решаться на внезапное нападение». Полемизируя с Тотлебенем и Ниэлем, автор утверждает, что если бы на месте Сент-Арно, Канробера и Раглана был действительно великий полководец, например Наполеон, то и тогда нельзя было ожидать немедленного штурма: «На основании всего известного нам о Наполеоне, мы можем сильно сомневаться в том, чтобы он сломя голову бросился на Севастополь. Прежде чем наносить удар, он всегда подтягивал все наличные силы; будучи вообще смелым, даже отчаянным, он в этом отношении был осторожным»¹.

Среди современников тоже не было единодушия в данном вопросе. Прославленный начальник севастопольского штаба генерал В. И. Васильчиков не видел в рассматриваемых действиях союзников никакой «грубой ошибки»². В 1856 г. в «Морском сборнике» была напечатана статья С. Грейга, который оспаривал мысль о безнадежном положении Севастополя после Альмы и доказывал возможность и неминуемость «хорошего отпора» в случае внезапной атаки³.

В 1855 г. французский офицер «Moniteur» так излагал мотивы, побудившие союзное командование отказаться от немедленного штурма Севастополя: «Ответственность начальства обязывает прежде всего к благоразумию, а благоразумие приписывало главнокомандующим не ходить на приступ, имея не более 50 тысяч человек, расставленных на скале, терпевших недостаток в артиллерии, в боевых припасах, в резерве и не имевших позади себя укреплений на случай неуспеха, а единственным убежищем корабли свои. Это значило предоставлять случаю всю участь экспедиции, и на это нельзя решиться за 800 миль от своего отечества»⁴. Военный обозреватель «Аугсбургской всеобщей газеты», полемизируя с «Moniteur», в данном вопросе был с ним вполне согласен: «Только люди, вовсе не понимающие дела, стали бы требовать, чтобы союзники попытались взять Севастополь одним ударом,— в этом «Монитеру» нет надобности извиняться»⁵.

Таким образом, вопрос оказывается вовсе не таким простым, каким он представляется акад. Тарле. Если историк встречается с разногласием в рядах военных специалистов, он не должен ограничиваться ссылкой на личные мнения участников событий, хотя бы это были Нахимов, Канробер и Наполеон III. Субъективные мнения современников — особенно если они высказаны в частных беседах и передаются третьими лицами — далеко не бесспорный материал при

выяснении истины. Тот же Нахимов, на которого ссылается акад. Тарле, и после флангового движения союзников к Балаклаве был уверен в неизбежности близкого падения Севастополя, а Севастополь оборонялся потом 11½ месяцев и устоял бы ещё дольше, если бы не бездарность и беспечность штабных бюрократов⁶. Очевидно, историк должен действовать более объективными и точными методами: уяснить себе создавшуюся военную обстановку, сделать её анализ и вынести самостоятельное решение, опираясь на богатый опыт военной истории. Но как раз этого не делает акад. Тарле. Вдумываясь в соответствующие страницы «Крымской войны», читатель неизбежно вынесет впечатление о немотивированности и глупости решения союзников: генерал Бэргойн, по неизвестным причинам, советует воздержаться от штурма, английский главнокомандующий Раглан проявляет полную нерешительность, а французский главнокомандующий маршал Сент-Арно, «тяжкобольной, распростёртый на кушетке... (ему оставалось жить ещё ровно семь дней)», немедленно соглашается с Бэргойном (стр. 42, 43). Так рождается «неожиданная, грубейшая, чреватая неисчислимыми последствиями ошибка союзного командования», спасшая Севастополь от неминуемой катастрофы. Перед нами — старая версия об исторической случайности, возникшей в связи с предсмертной болезнью маршала Сент-Арно, очень сходная с другой, широко известной версией о насморке Наполеона, помешавшем французам выиграть Бородинское сражение. На самом деле противник вовсе не был таким наивным и потерявшим всякую волю. После победы на Альме союзники решили атаковать Севастополь одновременно с суши и с моря; была предпринята морская разведка под руководством адмирала Гамелена; опрашивались русские пленные и местные жители; производился осмотр русских укреплений; сам Сент-Арно был ещё достаточно бодр, чтобы записывать в дневник о ходе событий и о своих планах. Когда Гамелен сообщил о потоплении части русского флота, а союзники убедились в наличии вновь возведённых укреплений, был созван военный совет, который вынес решение — изменить прежний план и двинуться на юг, по направлению к Балаклаве.

Что же побудило союзное командование отказаться от идеи немедленного штурма? Нужно помнить, что организация штурма требовала предварительной подготовки. Осадной артиллерии ещё не было. Запасы боевых припасов и продовольствия были

¹ Дельбрюк Г. «История военного искусства в рамках политической истории». Т. V, стр. 35. М. 1937 (глава о Крымской войне написана Э. Даниэльсом).

² «Записки кн. В. И. Васильчикова». «Русский архив» № 6 за 1891 г., стр. 179—184, 188.

³ «Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя, под ред. Н. Дубровина». Вып. I, стр. 126. СПб. 1871.

⁴ Там же. Вып. IV, стр. 262.

⁵ Там же, стр. 278.

⁶ Насколько ошибочны могут быть непосредственные впечатления участников, показывает пример интересного и вдумчивого бытописателя севастопольской эпопеи — С. С. Урусова. Выпуская в 1866 г. свои воспоминания, он должен был многое изменить в своих первоначальных записях. «Изменить, — разъясняет Урусов, — потому что новые исследования действий, которые я некогда осуждал, показали мне, что я во многом заблуждался» (кн. С. С. Урусов «Очерки восточной войны», стр. V. М. 1866).

очень ограничены. Близкая и надёжная морская база отсутствовала, и сообщение с флотом было сильно затруднено. При слабой постановке разведки не имелось подробных и точных сведений ни о местности, ни о силах Севастополя. С тыла и фланга могла неожиданно напасть крымская армия. Преграждение рейда затопленными судами срывало план комбинированной атаки с суши и с моря. А главное, русское сопротивление на Альме, сведения о необыкновенной энергии, проявленной гарнизоном и населением Севастополя, и потрясающая весть о затоплении русского флота — всё говорило о мощнейшей силе ожидаемого отпора¹. Конечно, сведения союзников об укреплениях и численности гарнизона страдали большими ошибками, но не эти ошибки сыграли решающую роль в изменении принятого плана. Решающую роль, как правильно полагал русский генерал А. М. Зайончковский², сыграло сознание высокой моральной силы защитников Севастополя. Именно этот моральный фактор, ярко проявившийся в штыковых атаках русской пехоты, в изумительно быстром сооружении батарей и в героическом самопожертвовании Черноморского флота, при данном положении союзнической армии испугал её командование перспективой страшных потерь и возможной неудачи. Состояние Севастополя в этот критический момент было хорошо охарактеризовано английским участником и историком войны Кинглем: «Стойкий и решительный народ оставался защищать город, покинутый главнокомандующим вместе с его армией. Блистательная декорация рухнула, но позади её очутились гранитные стены. Корнилов не мог сказать защитникам, что под рукою на случай надобности находится армия или флот, но он справедливо мог сказать, что город будет защищаться по-русски»³. Вот почему союзники решили сначала занять южные бухты, чтобы обеспечить непосредственную связь между армией и флотом, и, расположившись у берега на прочных позициях, подготовить недостающие средства наступления.

Возникает вопрос: имели ли союзники разумное основание для своих опасений и колебаний? Или положение Севастополя, слабо укрепленного с суши и численно неизмеримо уступавшего врагу, было действительно безнадежным и обреченным? Может ли город, не имеющий долговременных укреплений, отразить натиск превосходящего

силами неприятеля?.. На этот вопрос отвечает военная история и отвечает положительно. Не будем ссылаться на наши современные победы под Москвой и Ленинградом. Возьмём яркий пример обороны слабо укрепленного пункта из истории той же Крымской войны. Акад. Тарле сам описывает эту борьбу — у Петропавловска на Камчатке, где союзники располагали шестью военными судами с 204 орудиями и двухтысячным десантом против 6 наскоро построенных батарей и 56 морских орудий. Тем не менее маленький гарнизон, сплоченный патриотическим подъёмом и руководимый учеником Лазарева, талантливым и энергичным адмиралом Завойко, сумел блестяще отразить неприятельские атаки и прогнать целую союзническую эскадру. Опыт показывает, что положения «безнадежные» с военно-технической точки зрения могут оказаться совершенно иными, если моральная сила сражающегося войска становится источником не только отваги и стойкости, но также искусства и энергии. Это вполне подтвердил дальнейший опыт севастопольской обороны, которая перечеркнула обычные, рутинные военные оценки. Акад. Тарле, считая положение Севастополя после Альмы безнадежным и обреченным, недооценивает этого морального фактора войны в своих суждениях о перемене плана союзников. Но если мы учтём этот фактор, как учитывало его союзное командование, мы должны будем признать переход противника на южную сторону не случайной неожиданностью, а закономерным последствием сложившейся обстановки. Волевой подъём защитников крепости — вот что спасло Севастополь в сентябрьские дни 1854 года.

4. Мне не придётся много говорить по вопросу о затоплении Черноморского флота, так как акад. Тарле решительно отводит от себя требование самостоятельно высказаться по этому спорному вопросу. Но я должен признаться, что это воздержание крупного историка, автора большого двухтомного исследования о Крымской войне, представляется мне очень слабо мотивированным. Дело не в «авторитете» Е. В. Тарле или моём, а в готовности и умении разрешить поставленную, но не разрешённую военно-историческую проблему. Я вовсе не рекомендую акад. Е. В. Тарле решать этот вопрос «слеча» и не думаю, что он «слеча» решал многочисленные спорные вопросы военной истории, затронутые в его крупном исследовании. Наоборот, я хотел бы видеть в его работе подробный и систематический анализ всех доводов за и против затопления с точной формулировкой ответа, который выводит читателя из состояния естественного недоумения. Вопрос слишком важен — от его решения зависит не только общая оценка действий Черноморского флота, но и наша характеристика всей обороны Севастополя в целом. Наличие богатой полемической литературы по данному вопросу не затрудняет, а облегчает положение исследователя: обильный материал помогает ему вдуматься в существо выдвинутой проблемы и если не прекратить спор новыми решающими аргументами, то по крайней мере

¹ Bazancourt «L'expédition de Crimée. L'armée française à Gallipoli, Varna et Sevastopole. T. I, p. 247—250; Bazancourt «L'expédition de Crimée. La marine française dans la mer Noire et la Baltique». T. I, p. 248—257. «Крымская экспедиция. Рассказ очевидца, французского генерала». Пер. Маркова, стр. 59—61. М. 1855; ср. Дубровин Н. «Восточная война 1853—1856 гг.», стр. 143—147. СПб. 1888.

² Зайончковский А. «Оборона Севастополя». Подвиги защитников, стр. 31. СПб. 1904.

³ Материалы под ред. Н. Дубровина. Вып. III, стр. 298. СПб. 1872.

выбрать наиболее обоснованное и правильное суждение. Ссылка историка на свою некомпетентность не может быть принята читателем, штудирующим сотни страниц «Крымской войны», заполненных изложением военных операций. Если автор взялся писать не только об истории дипломатии в период Крымской войны, но и о ходе боевых действий на суше и на море, он должен быть вооружён соответствующими знаниями и выводами. Акад. Тарле блестяще доказал свою полную подготовленность в этом отношении: его яркое описание исторических сражений построено на предварительном глубоком продумывании специальных, чисто военных вопросов. Интерес «Крымской войны» как раз заключается в самостоятельном и новом освещении ряда военных событий — битвы у Балаклавы, сражения под Инкерманом, штурм 18 июня и пр.

На протяжении своего двухтомного труда автору приходится встречаться со многими спорными вопросами, не один раз разбираться в полемике специалистов, выбирать то или иное решение, вносить те или другие коррективы. Приведу два примера такого самостоятельного и вполне убедительного решения специальных, трудных вопросов. В I т., на стр. 649—650, акад. Тарле вступает в полемику с б. начальником сева­стопольского штаба кн. В. И. Васильчиковым (а его мнение было господствующим в военных и гражданских кругах) по вопросу о стратегическом расположении русских военных сил во время Восточной войны 1853—1856 годов. Е. В. Тарле находит новый угол зрения и доказывает, что принятое расположение войск объяснялось не «этанизмом Петербурга», как утверждал Васильчиков, а вполне разумными и обоснованными военными расчётами. На стр. 406—414 того же I т. акад. Тарле даёт описание действий и характеристику Нахимова во время Синопского боя. Хотя автор не разбирает перед читателем высказанных диаметрально противоположных оценок этого сражения, но каждому, знакомому с литературой по данному вопросу, совершенно ясно, что акад. Тарле решительно отвергает иностранную версию о «синопской бойне» и мнение капитана Кладо о рутинёрстве Нахимова.

Почему же автор так непоследователен, когда он переходит к затоплению Черноморского флота? Почему он считает возможным категорически высказываться по одним вопросам (о подземной митной войне и пр.) и отводить от себя другие? Читатель вправе ожидать от компетентного (и авторитетного!) историка акад. Тарле ясного и точного ответа на все вопросы его военно-исторической темы. Без «личного вмешательства в ярые споры адмиралов и военно-морских теоретиков» не может быть дальнейшего продвижения научно-исторической мысли.

5. Большое, принципиальное значение имеет вопрос о настроениях русского общества в период Крымской кампании. Напомню читателю, в какой связи был затронут этот вопрос в моей рецензии на «Крымскую войну» акад. Е. В. Тарле. Я указывал, что автором выдвинута важная проблема о взаимодействии тыла и фронта, но при её разре-

шении недостаточно освещён вопрос о влиянии общественных настроений на ход боевых операций, в частности о роковом разрыве тыла и фронта, вытекавшем из кризиса крепостнического строя. В своём настоящем выступлении акад. Тарле оспаривает моё замечание, ссылаясь на то, что он привёл мнения Грановского, Тургенева, С. М. Соловьёва, Пирогова, Льва Толстого; что же касается Чернышевского и Добролюбова, то их высказывания выходят за хронологические грани 1853—1856 гг. и относятся уже к другой теме — о последствиях Крымской войны.

Внимательно пересматривая цитации акад. Тарле, мы убеждаемся, что о С. М. Соловьёве во II т. не сказано ни одного слова, а Лев Толстой упоминается вскользь (на 3 и 465 стр.), в связи с «Севастопольскими рассказами», причём никаких высказываний Л. Толстого о войне, о сева­стопольском командовании, о штабной бюрократии автором не использовано. На стр. 202 приведено отрицательное мнение Н. И. Пирогова о личности бывшего главнокомандующего Меншикова, но извлечь из этой цитаты какие бы то ни было данные об отношении великого хирурга к войне, к господствовавшей системе административного хаоса и преступной неподготовленности (а этим материалом изобилуют письма Пирогова) представляется невозможным. На стр. 409 приводится высокий отзыв Т. Н. Грановского о погибшем адмирале Нахимове, но и здесь мы не найдём ни одного намёка на то глубокое, трагическое противоречие, которое характеризовало в это время отношение к войне Грановского, Соловьёва, Кавелина и других представителей прогрессивного лагеря. Остаются суждения того же Т. Н. Грановского и И. С. Тургенева, вызванные падением Севастополя и приведённые автором на стр. 464—465. В этих суждениях звучит политическая нота протеста против «николаевщины», но они относятся к последнему моменту — уже определившегося исхода кампании — и не могут характеризовать общественных течений, влиявших на состояние боевого фронта. В этот момент и реакционный Погодин, преданный идеолог николаевского режима, заговорил либеральным языком, и карьерист Валув, метивший в министры, начал играть в политическую оппозицию. Всё, что акад. Тарле говорит дальше о нарастании раздражения и негодования «против общих условий государственного и общественного быта, сделавших бесполезными великие жертвы, принесённые сева­стопольскими героями», относится целиком к послесева­стопольскому периоду, т. е. к теме о последствиях военных событий, которой автор как раз не хочет касаться в настоящем исследовании. А настроения различных общественных группировок до падения Севастополя, моральное состояние тыла во время развёртывания военных операций, отношение общества к самоуверенно начатой и неудачно ведущейся войне исчерпываются у акад. Е. В. Тарле (как я уже отмечал в рецензии) высказываниями славянофилов и А. О. Смирновой. Но и эти высказывания (преимущественно старика Аксако-

ва и его сыновей Ивана и Константина), как ни интересны некоторые впервые публикуемые письма, не дают всестороннего представления даже о позиции славянофилов. Если мы суммируем суждения Аксаковых и Хомякова, то сможем дать такую характеристику их взглядов: несмотря на критику николаевского режима они приветствовали начавшуюся войну с точки зрения идей наступательного панславизма; но по мере нарастания внешнеполитических неудач иссякала их вера в освободительно-славянскую миссию правительства и в несокрушимую мощь николаевской армии, разочарование и уныние соединялись у них со скорбным сознанием, что панславистские цели не могут быть осуществлены прогнившим аппаратом крепостнической империи. Но если мы откроем воспоминания А. И. Кошелева и сочинения Ю. Ф. Самарина, то увидим там уже иную позицию, занятую левым крылом славянофилов: у них панславистская идея отступала на задний план перед мыслью о губительности гниющего николаевского режима. Вот как характеризовал Кошелев отношение к Восточной войне — своё и своих единомышленников: «Высадка союзников в Крым в 1854 г., последовавшие затем сражения при Альме и Инкермане и обложение Севастополя нас не слишком огорчили, ибо мы были убеждены, что даже поражения России сноснее, а для неё даже и полезнее того положения, в котором она находилась в последнее время. Общественное и даже народное настроение, хотя отчасти бессознательное, было в том же роде»¹. Такое мнение господствовало не только в рядах левых славянофилов, оно было широко распространено в среде передовой русской интеллигенции с самого начала Крымской кампании. Правдивый бытописатель 60-х годов Н. В. Шелгунов, в осторожной, предназначенной для печати редакции своих мемуаров говорит о проявлениях официального патриотизма накануне войны, но тут же делает существенную оговорку: «Впрочем, наше патриотическое увлечение не доходило до чувств 12-го года; правда, и война была ненародная, да и дух уж был не тот: в воздухе носился патриотический либерализм, и число радующихся поражениям увеличивалось»².

То, что изоповским языком 80-х годов Шелгунов называет «патриотическим либерализмом», было более сложным и глубоким явлением: оно включало в себя и оппозицию левых славянофилов, и либерализм западников, и революционное течение разночинных демократов. Лозунг «Чем хуже, тем лучше», который упоминает в своих неизданных записках Д. А. Милютин, объединял разнообразные круги русского общества. Акад. Тарле сожалеет, что Милютин не уточняет своих указаний, не называет ни одного име-

ни, но мы имеем подтверждение этого факта и в материалах, идущих от революционных демократов середины 50-х годов. Напрасно Е. В. Тарле утверждает, что высказывания Добролюбова и Чернышевского выходят за хронологические рамки его работы (1853—1856): пораженческие взгляды Н. А. Добролюбова зафиксированы в его студенческом журнале «Слухи» в 1855 г.³, а аналогичные мысли Н. Г. Чернышевского, высказанные в «Прологе» устами Волгина, ретроспективно отражают переживания времени войны⁴. Всех этих данных мы не находим в двухтомном исследовании акад. Тарле; его материал о настроениях левых славянофилов даёт одностороннее и потому неправильное изображение настроений передового русского общества 1854—1855 годов. Читатель не получит из этого капитального труда всестороннего представления о том крупном историческом факте, который умеренный Ю. Ф. Самарин называл «разобщением правительства с народом» и который вылился в форму трагического разрыва между тылом и фронтом. Современникам было ясно, что «подобный недруг, отнимающая возможность у правительства располагать всеми подвластными ему средствами и, в случае опасности, прибегать без страха к подъяму народной силы, воздействует неизбежно на общий ход военных и политических дел»⁵. Передовые, патриотически настроенные люди России в 1854—1855 гг. сочувствовали героизму русской армии и высоко оценивали подвиги севастопольцев, но они не считали начавшуюся войну своей, народной войной и не хотели победы и укрепления ненавистного самодержавия. Такое настроение, вытекавшее из всей обстановки нарастающего социально-политического кризиса, говорило не о моральной слабости русского народа (как ошибочно думает Лансинг и ему подобные авторы), а о моральной некрепости царского самодержавия, потерявшего поддержку даже многих убеждённых монархистов. Самарин был безусловно прав: при подобных условиях не могло быть военной победы, «ибо внешняя сила и политическое значение государства зависит... более всего от цельности и крепости общественного организма»⁶.

Повторяю: к большому сожалению, II т. «Крымской войны» акад. Е. В. Тарле даёт так же мало материала на эту тему, как и ранее вышедший I том. Обещание автора, высказанное им в предисловии, «всюду касаться тех черт русской внутренней политики и общего состояния страны, которые естественно и непосредственно увязываются с ходом военных событий и дипломатических конфликтов», осталось невыполненным, так же как не выполнено и другое обещание автора — ввести читателя в обстановку западноевропейского тыла и подробно познакомить читателя со взглядами на войну

¹ Записки А. И. Кошелева, стр. 81—82. 1884; ср. сочинения Ю. Ф. Самарина. Т. II, стр. 17. М. 1878. Из старших славянофилов к этой позиции приближался Иван Аксаков.

² Шелгунов Н. «Воспоминания», стр. 25—26. М. и П. 1923.

³ Добролюбов Н. Соч. Т. IV, стр. 436—437. М. 1935.

⁴ Чернышевский Н. «Пролог», стр. 25—26, 206. М. 1936.

⁵ Самарин Ю. Соч. Т. II, стр. 18.

⁶ Там же.

Маркса и Энгельса¹. Эти досадные пробелы уменьшают познавательное значение работы Е. В. Тарле, так как мешают читателю на конкретном материале Крымской войны понять причинную обусловленность военных побед и военных поражений, правильно понять характер войны и её место в истории нашей страны.

6. Только что рассмотренный вопрос связан с другим, не менее важным, принципиальным вопросом — о нашей исторической оценке Восточной войны 1853—1856 годов. Уточняя свои формулировки, акад. Тарле разъясняет нам, что под «великим колоссом», выдержавшим удары и даже не покатнувшимся, он разумеет не царскую империю, а великий русский народ. Читатель с большим удовлетворением встретит такое толкование автора, однако замена слова «колосс» словом «народ» возбуждает новое недоумение, если мы внимательно вчитаемся в контекст заключения. С термином «колосс» у академика Тарле ассоциированы подписание и аннулирование Парижского трактата, победы на Кавказе, в Средней Азии и на Дальнем Востоке, «великодержавие России», прочность её государственного кредита, — словом, явления, характеризующие не самостоятельную жизнь и борьбу русского народа, а положение и деятельность государственной власти. Изложение, которое раньше было логичным и стройным, становится теперь сбивчивым и неясным.

Но допустим, что акад. Тарле прав, и всё, что он говорит об условности поражения и о дальнейшем укреплении России, нужно отнести к русскому народу, а не к официальной императорской власти. Устраняют ли его толкование и его словесная поправка методологическую ошибку, допущенную на 570—573 страницах II тома? Нет, не устраняют. Ошибка акад. Тарле заключается в том, что он отождествляет русский народ и царскую власть, сливая их в едином, неразделимом понятии российской государственности. Внося свою поправку, акад. Тарле тем самым утверждает, что поражение понёс русский народ, но это было «поражение» в кавычках, условное и ограниченное, перечёркнутое последующими завоеваниями и дипломатическими победами. Вразрез с содержанием собственной книги автор не делает здесь необходимого принципиального различия, которое проникало собой сознание прогрессивных современников Крымской войны и которое вытекает из объективной действительности XIX и начала XX века. Ни Чернышевский, ни Грановский, ни Соловьёв, ни левые славянофилы не могли взять на себя ответственности за дипломатию и стратегию Николая I, а следовательно, за содержание и результаты Парижского трактата. Не русский народ был виновен в бездарной и гибельной дипломатии 1850 годов, которую так уничтожающе разоблачил акад. Е. В. Тарле в I т. своего исследования; не

русский народ самоуверенно начал Восточную войну, бросив 80-тысячную армию на турецкую территорию; не русский народ довёл страну до воюющей технической отсталости и заполнил командные посты невежественными карьеристами. А когда война перекинулась в русские пределы, русскому народу оставалось героически защищать свою территорию, заливая своей кровью подступы к Севастополю и сознавая, что ведение войны зависит не от него, а от чуждого и неумелого правительства. В лице трудящихся масс и передовых деятелей народ противостоял тогда официальной государственности, воплощавшей в себе отмирающую крепостническую систему. Это была эпоха не Петра I, выразившего прогрессивные тенденции исторического развития, это был переломный период от феодального к капиталистическому строю, когда шла напряжённая борьба между русским народом, уверенно шедшим вперёд, и дворянским правительством, пытавшимся остановить это прогрессивное движение.

Ленинская оценка падения Порт-Артура («Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению»¹) вполне приложима к падению Севастополя и к проигрышу Восточной войны 1853—1856 годов. Не нужно преуменьшать размеров и влияния поражения 1856 г. — они были действительно громадны, но они наносили удар прежде всего официальной самодержавно-крепостнической царской власти.

Ведя борьбу с фашистами и учёными типа прусско-саксонского шовиниста Трейчке, мы должны неустанно и систематически доказывать эту историческую истину — об антагонизме русского народа и российского царизма в эпоху, предшествовавшую революции 1917 года. Не надо закрывать глаза на очевидные факты: со времени Крымской войны несмотря на крупные экономические и культурные достижения русского народа международный вес Российского государства заметно и неуклонно уменьшался. Какие бы частичные успехи ни отмечали внешнюю политику императорской России после 1856 г., мы никогда не забудем, что реакционный царизм последовательно привёл страну в 1878 г. к Берлинскому конгрессу, в 1905 г. — к падению Порт-Артура, Мукдену и Цусиме, в 1914—1917 гг. — к новым поражениям на западе. Только окончательная победа народа, одержанная в февральские и октябрьские дни 1917 г., дала нашему государству несокрушимую силу и подготовила почву для выполнения его всемирноосвободительной миссии в современной борьбе против фашизма.

Таковы те доводы, которые не дают мне права признать выдающийся труд акад. Е. В. Тарле о Крымской войне свободным от всяких пробелов и ошибок.

Проф. Н. Дружинин

¹ Тарле Е. «Крымская война». Т. I, стр. 15, 9.

¹ Ленин. Соч. Т. VII, стр. 49.